

М.С. ГРИГОРЬЕВ • Д.В. САБЛИН

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

Материалы Международного
общественного трибунала
по преступлениям украинских
неонацистов 2023–2024 гг.

М.С. ГРИГОРЬЕВ • Д.В. САБЛИН

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

**Материалы Международного
общественного трибунала
по преступлениям украинских
неонацистов 2023–2024 гг.**

Москва
«Вече»

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С.В. ЛАВРОВА

Вашему вниманию предлагается издание «Военные преступления киевского режима. Материалы Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов 2023–2024 гг.».

Представленные в нем факты преступных деяний вооруженных сил Украины действительно ужасают. Преднамеренные убийства мирных граждан, пытки, избиения, грабежи, бомбардировки, обстрелы и уничтожение сугубо гражданских объектов — это далеко не полный перечень преступлений, совершаемых украинскими неонацистами.

Особую ценность данному изданию придает тот факт, что оно основано на свидетельствах очевидцев и людей, пострадавших непосредственно от рук подконтрольных киевскому режиму вооруженных формирований.

Про совершаемые укронацистами зверства тяжело читать. Но знать о них необходимо. Необходимо потому, что они — самое простое, прямое и неопровергимое доказательство правильности и своевременности решения о проведении специальной военной операции по спасению людей русской культуры и устраниению угроз безопасности нашей страны.

Сегодня российские солдаты и офицеры защищают мирное население российских регионов, жизнь, честь

и достоинство наших граждан и соотечественников на Донбассе и в Новороссии.

Наша общая задача — сделать все необходимое, чтобы все виновные в преступлениях понесли неотвратимое наказание. В этом состоит и священная миссия книги, с которой вам предстоит ознакомиться.

С.В. Лавров

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Т.Н. МОСКАЛЬКОВОЙ

Начиная с 2014 года в отношении жителей Донбасса со стороны Украины проводились массовые убийства, артобстрелы, геноцид. В результате пулевых, огнестрельных, взрывных, осколочных ранений погибло более 7 тысяч человек, ранены более 16 тысяч.

Уже к 5 мая 2015 года в Донецке открылся мемориал погибшим детям Донбасса. Ко Дню защиты детей, 2 июня 2017 года, к нему добавился памятник, сделанный по реальной истории — брат заслонил собой в дверном проеме сестру, которую он привел в школу, и других детей. Теперь комплекс называется Аллеей ангелов.

Итоговое решение Международного Суда ООН от 31 января 2024 года фактически подтверждает преступный характер действий Украины в отношении граждан республик.

О расстрелах мирного населения, использовании их в качестве «живого» щита я знаю из рассказов эвакуированных граждан, которые прибыли в Россию, спасаясь от бомбёжек, обстрелов и репрессий со стороны украинских нацистов.

При работе с обращениями членов семей участников Специальной военной операции я сталкиваюсь со свидетельствами пыток российских военнослужащих, вымогательства у родственников выкупа пленных под

угрозой их смерти или требований совершить провокационные действия, направленные на дестабилизацию внутренней политики России.

Предлагаемая читателям книга содержит множество фактов военных преступлений — нарушений норм IV Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны, III Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 года, Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция о «негуманном» оружии, Протокол 2).

Собранный Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов и их пособников материал продолжает серию публикаций о преступлениях укронацистского режима, организованных председателем трибунала М.С. Григорьевым на борьбу с которым поднялся наш народ: «Евромайдан: сущность и последствия антиконституционного переворота на Украине в 2014 году», «Свидетельства преступлений на Донбассе (2022 г.)», «Украинские преступления против человечности (2022–2023)», «Злодеяния киевского неонацистского режима в Курской области».

Каждая история бросает Украине обвинение в преступлении против человечности. Вижу большое значение этой книги, ее востребованность при рассмотрении Международным военным трибуналом преступлений укронацистов; в доведении до людей всего мира правды о происходящих на Украине событиях; в деле воспитания подрастающего поколения; в защите права народа на сохранение исторической памяти.

Т.Н. Москалькова

ВСТУПЛЕНИЕ

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов, Фонд исследования проблем демократии и другие общественные организации и инициативы ведут масштабную работу по сбору свидетельств по преступлениям киевского неонацистского режима.

В этом издании представлены¹ непосредственные свидетельства пострадавших от украинских военных преступлений и преступлений против человечности.

Их слова являются прямыми обвинениям украинского неонацистского режима, который при поддержке стран Запада системно и целенаправленно убивал российских граждан из стрелкового оружия, беспилотными летательными аппаратами (используются как БПЛА-«камикадзе», так и сбросы с них гранат и разнообразных взрывчатых устройств), с помощью обстрелов мирных частных домов из артиллерии и реактивных систем залпового огня.

В Курской области Вооруженные силы Украины расстреливали мирное население, включая женщин, детей и стариков, как в их собственных домах, так и при попытках эвакуации в гражданских автомашинах с полным пониманием невоенного статуса жертв, по свиде-

¹ В данном издании использованы свидетельства преступлений, собранные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов и Фондом исследования проблем демократии а также материалы, предоставленные Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации.

тельствам выживших иногда прямо смотря в их глаза. В нарушение Женевских конвенций киевский режим целенаправленно обстреливает и уничтожает российские мирные объекты, больницы, госпитали, православные церкви.

На временно подконтрольной ему территории русскоязычное население с 2014 года подвергалось постоянному террору.

Приведенные в этом издании показания свидетелей обличают украинскую власть в убийствах, пытках, избиениях, изнасилованиях и исчезновении людей.

Нередко тела критиковавших киевский режим людей со следами избиений и пыток находили в близ лежащих лесах и посадках.

Были случаи когда по их домам Вооруженные силы Украины наносили прицельные удары, физически уничтожая их жителей.

Быть убитыми или подвергнуться пыткам и избиениям могли не только те, которые позволял себе любые замечания против украинских преступлений, но и любой житель этих русскоязычных территорий.

С 2014 года постоянной и повсеместной практикой были грабеж и ограбление русскоязычного населения на Донбассе.

Награбленное ВСУ вывозило машинами и отправляло с помощью украинской государственной почты в центральные и западные регионы.

Свидетели рассказывают что во многих магазинах появились отделы «товары с Донбасса», в которых продавали награбленное.

Один из свидетелей приводит пример того, что один из мешков наворованного порвался на почте, а там находилась украденное детское белье.

Угрозы убийств и расстрелов мирного населения также были постоянной практикой ВСУ. Жители временно подконтрольных Украине районов прямо сравнивают их поведение с действиями немецко-фашистских войск и СС, а также пособниками нацистов из Украинской повстанческой армии, которые вырезали целые села, убивали и пытали мирных жителей и сейчас героизированы на современной Украине.

Украинские военнослужащие открыто говорили о своей ненависти к русскоязычному населению Донбасса. Пострадавшие и свидетели говорят, что вооруженные силы киевского режима называли их «генетическими отходами», относились к ним «как к свиньям» и «не как к людям», смотрели с «презрением и ненавистью», а избиения и даже убийства могли последовать даже за отсутствие ответа на нацистское приветствие «Слава Украине!».

Такого рода действия неонацистского киевского режима являются массовыми военными преступлениями и грубыми нарушениями Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним.

В них зафиксированы договоренности стран по обязательному предоставлению защиты по отношению к гражданскому населению и прямо указано, что «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства».

Согласно международному гуманитарному праву, женщины и дети должны пользоваться особой защитой. Запрещается также «принятие мер, могущих причинить физическое страдание или привести к уничтожению гражданского населения». Это запрещение распространяется на убийства, пытки, телесные наказания,увечья и т.д.

Киевский неонацистский режим на системной основе и грубо нарушал Женевские соглашения и мас-сово совершал военные преступления, что, согласно международному законодательству, не имеет срока давности.

*М.С. Григорьев, участник СВО,
председатель Международного общественного трибунала
по преступлениям украинских неонацистов,
член Общественной палаты РФ*

Когда идейные вдохновители киевского режима хоронили в Европе в 30-е и 40-е годы, мысль о том, что им придётся предстать перед судом истории, казалась им смешной.

Наверное, их сегодняшние наследники, считающие, что они сверхлюди, спустившиеся с небес, живущие в прекрасном саду среди унтерменшей, жизнь которых стоит порой меньше жизни животного (за тех стоят зоозащитники), думают точно так же.

Я говорю не про бандеровцев, захвативших власть в Киеве.

Это полицаи, прислужники, покорный инструмент в руках своих хозяев, чья идеология в самом концентрированном виде проявилась в немецком нацизме в XX веке. Но американские индейцы, индусы, африканцы, китайцы, японцы, арабы, сербы, да и сами малороссы столкнулись с ней гораздо раньше.

Сегодня, как и гитлеровцам, им кажется, что они неподсудны. Только они вправе судить и казнить других. Но мельницы Господни мелют медленно, но неумолимо.

В этой книге собрана часть свидетельств жертв украинских нацистов, мечтающих встать новой дивизией «Галичина» в строй нацизма западного.

Я и мои боевые товарищи из бригады ГРОМ «Каскад», волонтёры «Боевого братства», работавшие в ещё горящем Мариуполе, в Лимане, Горловке, Курске, Белгороде, много можем добавить к этим рассказам.

У международного трибунала, где бы он не состоялся, будет достаточно материала для осуждения преступников.

*Д.В. Саблин, Депутат Государственной Думы ФС РФ,
первый заместитель председателя «БОЕВОГО БРАТСТВА»,
первый командир бригады БПА ГРОМ «Каскад»,
Герой Российской Федерации*

ПРЕДНАМЕРЕННЫЕ УБИЙСТВА РОССИЙСКИХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН, ПЫТКИ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ УКРАИНЫ

IV Женевская конвенция определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства». В статье 147 IV Женевской конвенции также указано, что преднамеренное убийство относится к серьезным нарушениям Конвенции.

Согласно международному гуманитарному праву, определенные категории лиц, такие как женщины и дети, должны пользоваться особым уважением и защитой. Дети должны получать необходимую им заботу и помощь.

Собранные российскими правоохранительными органами, а также Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов (председатель – М.С. Григорьев), Фондом исследования проблем демократии и другими общественными организациями и инициативами свидетельские показания¹ непосредственных жертв и свидетелей в полной мере

¹ Целый ряд видеозаписей интервью со свидетелями и пострадавшими приведены в телеграм-канале ГРИГОРЬЕВ (@maximgrigoryev).

обличают Вооруженные силы Украины в системных и целенаправленных убийствах как российских, так и русскоязычных украинских граждан, включая детей, женщин и стариков, с помощью стрелкового оружия, а также беспилотных летальных аппаратов — как с использованием дронов-«камикадзе», так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов и других конструкций.

В частности, Вооруженные силы Украины из стрелкового оружия расстреливали мирное российское население, включая женщин и детей, в Курской области, как в их собственных домах, так и при попытках эвакуации в гражданских автомашинах, с полным пониманием невоенного статуса жертв.

*Галина Дмитриевна
Самборская (75 лет),
житель села Казачья Лопня
(Курская область)*

Как я была ранена? Мы поехали по нашей улице до перекрестка. Там магазин «Василек» расположен, у магазина стол, две скамеечки, и стоит мужчина ВСУ в камуфляжной форме с автоматом. Одна нога у него была на скамеечке, другая на асфальте.

И вдруг он по первой машине дает очередь. В ней были наши друзья. Он в одном направлении автоматом провел, а потом в противоположном. Друзьям выше в машине попало, нам ниже. Мы тогда только узнали, почему они рванули. У него, оказывается, жену-то убили насмерть.

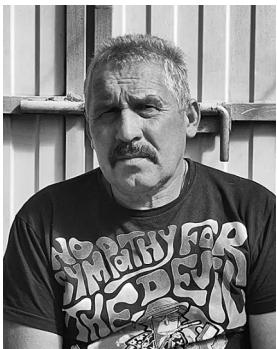
Ей в грудь попали. И она только успела дважды повторить: «В меня попали, в меня попали». И все, и умерла.

А у нас попали в колесо. Мы отъехали, муж заменил колесо. Я была вся в крови. Руки все полностью красные стали. У нас, кроме того, что колесо было прострелено, тосол течет. Муж нашел резиновые перчатки, перевязал эту трубочку. Дальше бензин течет, то же самое, перебитая система. Он перевязал. Мы поехали, машина пройдет метров четыреста, греется. Приходилось постоянно останавливаться. И вот такими мы небольшими-небольшими кусочками перерезанными добрались до села Большого Солдатского. В Большом Солдатском мы нашли медпункт. На наше счастье, там оказались наши военные медики. С меня сразу все разрезали, сняли. И оказали первую помощь мне и мужу.

У меня полностью бедро прострелено. А пуля была разрывная... Там очень глубокая рана. Первую операцию сделали здесь по прибытии, вынули осколки. Вторая операция была — убрали некроз ткани. И вот два дня назад мы сделали заключительную операцию. Хотели сделать пересадку ткани, но рана такая, что не позволила. Говорят, там не приживется пересаженная ткань. У супруга прострелено было под колено до паха.

Мы когда-то переехали на постоянное место жительства сюда. У меня муж по национальности украинец и рожденный в Кировоградской области. Поэтому ему все время хотелось ближе к родине. Ну а поскольку Союз разделился, вот мы и приехали ближе к родине его.

Когда украинцы стреляли, я даже, наверное, не испугалась, а скорее удивилась, что по нам стреляют. У меня был такой шок, что я вообще никакой боли не чувствовала, до самого сюда приехала, хотя кровь истекала. Вообще было страшно. А когда узнали, что Таню убило, тогда вообще...

**Александр Григорьевич
Гриненко, житель села
Куриловка (Курская область)**

У меня ВСУ убили зятя. Было четыре прилета со стороны Украины. Со стороны трассы чешский РСЗО «Вампир» выпустил четыре ракеты по Гончаровке, по улицам Новой и Больничной. Зять с дочкой собирались на работу. Вышли ехать на работу, три прилета. Два прилета по улице Новой и один прилет по улице Больничной к зубному врачу во двор. Зять заходит в дом, дочке говорит, собирайся, поехали. И прилетело под двор, влетело в асфальтированную дорогу, и осколками разнесло весь дом, побило дерево огромное, насквозь. Сила была страшная.

В итоге погиб зять, мы его довезли до больницы, и он на операционном столе скончался. А дочку контузило.

Куриловку ВСУ обстреливали еще в июле. Они в Куриловке сожгли четыре автомобиля на комплексе. Грузовой автомобиль у Кости Иваненко. У нас в деревне взрывчатку они скинули ночью с дрона. Хозяева выбежали на улицу, тушили, машина загорелась. Они кидают еще один дрон. На другой день они на свинокомплексе спалили рефрижератор. И рядом стояла машина охранника, парень на работу приехал, его машина пострадала. Костин ГАЗ-53 они в июле в Куриловке сожгли. Прилеты были по Плехову, по Махновке, по городу били, по Гончаровке.

Военных поблизости никаких не было вообще. Военные наши стояли там, на передовой, в районе границы. А здесь была мирная больница рядом, может быть, по

больнице били, больница суджанская, центральная. Сначала не долетело. Но в итоге они все равно больницу подожгли. Третий этаж, хирургия, сгорел.

Хохлы зашли со стороны Юнаковки. Два километра на поворот «Куриловка» указатель стоит. И они перекрыли этот пост. И все люди, которые начали выезжать, они их всех просто расстреливали.

Вот первая женщина с моей деревни, Нина Кузнецова, она выезжала примерно в 11 часов со своей семьей, с мужем. Муж на «Ниве» вперед поехал, а она с ребенком и с матерью ехала сзади. Муж проскочил, а по ним открыли огонь. Нину сразу насмерть убили.

Лена — моя кума. Как она там доехала раненая до больницы? Ребенка ранили, два годика мальчику, и ее ранило. И они доехали до больницы самостоятельно. В час или в два Лёшка, тоже мой земляк, Трубицын, ехал за матерью. Позвонил, мама, я тебя приеду заберу.

Они останавливали все машины. А часа, наверное, в три ехал мой сосед. По ним открыли огонь. Но он тоже не остановился. Он промчался, пробили радиатор ему, пробили пассажирскую дверь. Под сиденьем пуля прошла. Прилетел домой, схватил сына на руки. Ему года четыре. И мать у него больная, и они ушли вброд через речку.

Они Лёшку останавливали, но он не остановился. И они положили мины, а он через мины пролетел и подорвался. Его разорвало, машина сгорела, он обгорел, оторвало ему ногу. Короче, это было где-то после часа.

Ирка поехала туда к ним, забрала этого Лёшку, сама затащила в машину свою. Нашла ногу оторванную, представляете, какой ужас. Привезла домой, и его наши ребята похоронили на огороде. Это было 6 августа вечером. С тех пор они никого не пропускали.

Выезжал мой земляк, одноклассник мой, выезжал с семьей. Их ранили, и он, раненный, доехал до Солдатского, и там уже ему оказали помощь.

Юрка Кузнецов, у него сын остался в Куриловке, он постарше меня, он ехал к нему на «четверке». И едет колонна танков украинских. Он принял на обочину уступать дорогу. И его прямо с танка автоматом пропалили. Он развернулся, каким-то чудом, доехал до нашей больницы.

Кузнецов Николай Павлович. У него мать, 84 года, с больными ногами. Он из-за нее остался там. И его утром ребята обнаружили убитым. Там у нас осталась одна колонка ручная. То ли воды пошел набрать, не знаю уж. И его убитого в глаз нашли. Этот парень наш нашел с моим братом. Они его похоронили там.

Вторую женщину, 72 года, тоже около этой колонки нашли. Два трупа, застреленные почему-то в глаз.

ВСУ – это фашисты. Это просто садисты.

**Артем Александрович
Кузнецов, житель города Суджа
(Курская область)**

6.08.2024 года в 15.30 начался артобстрел нашего города Суджи. Начались украинские прилеты. Обстрел был интенсивный, может, были паузы минут, но потом опять прилеты за прилетами. Обстрел был не целенаправленно по военным, нет. Обстрел шел по городу, именно по обычным домам. По сан-эпидстанции, обычный жилой дом вообще снесли,

обстрел просто по городу. Им неважно куда — лишь бы выстрелить.

Я решил, что нам нужно выезжать оттуда. Выезжали на двух машинах. При выезде я увидел украинских солдат. Они уже шли по городу.

При выезде на обочине солдат ВСУ по моей машине открыл из автомата. Метров за семьдесят начали обстреливать. Я почувствовал, как будто машину камнями осыпают. Не понял сначала вообще ничего, что происходит. Мне в салон залетела пуля, я поворачиваю голову, и солдат на меня смотрит. Он на меня смотрит, я на него. Мы даже взглядом перекинулись с ним. Он в очках был, в балаклаве, каска, синяя изолента. Я увидел автомат. Мы как с ним перекинулись взглядом, и он прострелил мне кепку. Он целился просто в меня целенаправленно. Еще несколько пуль машину прошли, и я проскочил — мне повезло.

А беременная жена ехала сзади, метров тоже семьдесят от меня. И я с окна и машу ей быстрее-быстрее, и слышу, что идет огонь по ней. Я проехал и остановился, чтобы убедиться, что она едет. И я увидел, как из-за поворота смотрю, машина выскакивает ее. И уже теща с заднего сиденья, у нее ребенок Матвей на руках был. Она кричит: «Нина, Нина, Матвея ранили».

А Нина уже была без сознания, врезалась в мою машину. Матвею год и девять месяцев. У него осколочная, от металла в спинке, одно глубокое в плечо. И на попе до почки чуть-чуть не хватило. Ранения серьезные.

Как в машину она врезалась, я выбежал, кричу, чтобы теща пересаживалась вместе с Матвеем ко мне, открываю водительскую дверь, а жена моя уже лежит, хрипит, у нее глубокое ранение от пули. Сильное кровотечение, мы с мамой там вдвоем ее пересадили в мою машину. «Нива»

была повреждена, заднее колесо, у «форда» переднее колесо вывернуто. Не на ходу был уже «форд», а «Нива» полный привод, и приняли решение ехать на ней. И так на трех колесах мы в больницу приехали. Первая помощь сразу сыну моему, тёще, жену мою на носилках. И на второй этаж хирургию — пытаться спасти. Пытались и не получилось. Как сказал медбрать, у нее ранение было несовместимо с жизнью. В лёгкое, через сердце. Смертельное ранение было. Когда я вёз, я назад смотрю. А она уже, как стеклянные глаза, ротик открыт. Теща ранена была.

Я знаю историю о том, что через три дома, где мы жили в Куриловке, парень через три дома жил. Они просто завели его в дом, там расстреляли, мама похоронила во дворе у себя. Я встретил дядьку, который выезжал около пяти вечера, и прямо при выезде там на объездную дорогу из города за отбойником просто солдат ВСУ достает оружие и начали просто расстреливать. Они расстреливали машины, по людям стреляли. Этот человек успел, он выехал. Очень много там было машин брошенных. Это же людей убили. Это не дали людям выехать, мирным, обычным не дали выехать. Я не знаю, какие там у них войска на Украине, то есть они зашли просто чистить, все почистить, всех убить.

Люди пытались свои какие-то вещи привезти оттуда. Я знаю парня одного лично, мы с ним все детство дружили, он в Мартыновку заехал. Они, видать, его сразу уже вычислили. Он на горочку поднялся с товарищем вдвоем, и их начали расстреливать. Он успел, он же рассказал эту историю, он успел спастись. ВСУ из стрелкового оружия, просто с автомата стреляли, то есть они уже знали, что машина к ним заезжает. Военный, не военный им вообще без разницы. Другая история про женщину на вокзале, которая пыталась в машину попасть к себе,

чтобы уехать. Ее украинский дрон подорвал. Ноги оторвал, она там с криками лежала, и к ней никто не смог подойти, она там и осталось.

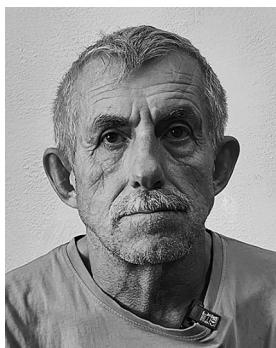
Пускай вся Россия знает, что обычных русских людей, нас всех там пытались ВСУ убить. Я думаю, что это просто нацизм, геноцид. В голове ничего не укладывается. Я вам честно скажу, я увидел того, кто пришел убивать, неважно, мирный ты, не мирный женщина, без разницы им. Они зашли просто истреблять русский народ, просто людей убивать.

**Юрий Иванович Маклаков,
житель села Заолешенка
(Курская область)**

7 августа на кольце в Суджи меня обстреляли. Я ушел вправо. Остановился, а там гражданские машины стояли заведенные, со светом. Ни одной военной не было. Я пошел посмотреть, пассажиры все мертвые. Больше десяти машин. Повреждения от стрелкового огня. Видно, что пробиты и крылья, и колеса. Хохляк пострелял.

Только один раненый был. Пулевые ранения. Ниже пояса все было перебито. Я к нему ночью ходил — напротив заправки. Мы пошли потихоньку и потом где-то метров 300 отошли, и выстрел был. Скорее всего, его добили.

В другой машине три женщины были — две раненые, пожилые. Одна в плечо, одна в бедро. Стрелковые ранения. А мужчина мертвый был. Она говорит, вы нас заберете? Подождите, сейчас машину возьму и заберу,

конечно. Она что-то приподнялась, тут же выстрел и крик. Украинский военный. Еще, говорит, голову поднимешь, стреляем на поражение. Смотрю, выходят двое – форма натовская, новая. Я тихонько пошел.

А в другом месте иностранную речь слышал. Когда через забор перелез, там БТР стояли. Там непонятно, какая речь была. Не русская и не украинская, не поймешь. Какая-то другая. А я потом до кладбища добежал, там тоже какая-то стрельба, я вниз. А когда я был на заправке, ехал мужичок на велосипеде. Я его остановил, говорю, дай сигарету. Он говорит, давай отсюда уезжай, там, говорит, французский батальон зашел.

Хохлы геноцидом занимаются. Убивают. Наверное, такой приказ у них был или просто нелюди.

**Ананьева Зоя, житель деревни
Куриловка (Курская область)**

У меня была ночная смена. Пол седьмого на работе, я работала на Куриловке, это очень близко от сумской границы, и услышала взрывы, автоматную очередь. Мы с охранником сели, отъехали от места работы. Охранник говорит, на нас летит дрон. Я говорю, где дрон? Он говорит, смотри прямо. А он приближается. Охранник говорит, быстро из машины в посадку.

Мы отскочили, он как-то завис, может, на минуту на какую-то, и полетел дальше. И взрыв был.

Взрывы были вообще без перерыва. Только взрыв, за ним следующий взрыв, за ним следующий взрыв,

следующий треск. Дома взрываются. Уже и страшно было во двор выходить.

Потом я уже не выдержала, вышла из дома, взяла сумку, пошла. Около переезда с одной стороны Новая Бондаревка, а с другой стороны поселок Мирный, вижу, стоит уазик. Лежит человек, плечи и верхняя часть тела у него на обочине, и все это на трассе... Дроны над головой летают, идешь и думаешь, сейчас он что-то сбросит...

Я еще когда стала подходить, думаю, он лежит на боку, одна нога прямо, руки раскинуты как-то так неестественно, а вторая нога полусогнутая. Думаю, если бы ему плохо совсем было, как-то бы он пошевелился, ногу согнул. Когда я подошла к нему ближе, я не увидела голову.

Смотрела в уазик, там сидят два обугленных трупа. Заглянула в другую сторону уазика. Я увидела, лежит человек, с правой стороны нет руки, ноги, а поодаль лежит еще тулово без ног и без головы. Еще шагов пять, была разбитая красная гражданская машина.

Я говорю, я не знаю, как я пришла, я сама не знаю. Взрывы были, что летели осколки, щебенка под ногами, дроны над головой кружили. Я просто голову не поднимала, слышала, что не над головой. Я шла и думала, ну вот сейчас, вот сейчас. Я была на 100 % уверена, что я не дойду.

Когда я пришла, меня везли на машине, посадили в машину. Стас, дай Бог ему здоровья, повез. В пути сказал, держитесь крепче, походу, нас обнаружили. На гражданской машине по лесам, по полям, а ВСУ били по нам. И я слышала, что что-то щелкнуло сзади. А еще по обе стороны были взрывы. ВСУ били по нам. Но успели мы уйти.

Украинцы, говорят, есть такие злые, неадекватные. А вот заходили поляки и грузины — это, говорят, зве-

рьё самое натуральное. Особенно поляки стреляли. А грузины, я слышала слухи, те любители были резать. Очень много было зарезанных людей, перерезанные горла.

Были такие случаи, что останавливали машину, бабушек стареньких везли. Мужа и жену сразу расстреляли. А у бабушек забрали деньги, документы, выстрелили в телефоны, выпустили в чистое поле и сказали: теперь идите. А там бабушки еле ходячие.

Звери, самые натуральные. Мальчишки, маленькие, 10–12 лет, пытались выехать, они их расстреляли. Расстреливают все машины, и все гражданские. Это же звери. Они стреляют без разбора. На Гончаровке они заходили, открывают подвал, не смотрят, есть человек или нет. Они гранату туда тарабаха. И все.

Когда я была с нашими военными, я сказала, отомстите, пожалуйста, за нашу судьбу и за этих мальчишек, которые остались там.

Иеромонах Федосий, Горнальский мужской монастырь (Курская область)

От украинского прилета штукатурка снаружи посыпалась, посекло фасад алтаря. Я как раз служил последнюю литургию, в это время находился в алтаре. Эта штукатурка облаком пыли, окно было открыто, все начало заходить в алтарь.

Потом второй прилет, взрывной волной осыпалась роспись с потолка. Пришел второй иеромонах, отец Мелетий сказал, что нужно постараться быстрее службу закончить и быстренько в убежище идти, потому что они целенаправленно бьют именно по храмам.

Получилось, что два храма уничтожены были. Ну, практически один полностью, а второй остался, а крыша все сгорела.

У нашего иеромонаха, который руководитель волонтерской группы, отец Мелетий... Господь отвел, на первом украинском посту ничего не сказали. Если бы они открыли в телефоне телеграмм его и увидели все, то они бы всех расстреляли. Он говорит, это просто какое-то чудо Божие, что они, что Господь им глаза отвел, они не посмотрели, они просто не увидели.

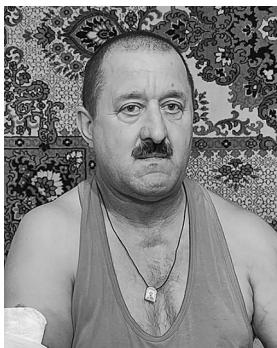
А на другом посту, там не пост был, там был секрет ВСУ спрятан у них в посадке. И уже их не останавливали, а просто открыли огонь. Одну машину пробила сбоку. И вот один человек сидел спиной к стенке, и как раз пуля, получается, вошла ему в легкое. Мгновенно он умер.

*Валентина Ивановна
Золотарева (71 год),
житель села Заолешенка
(Курская область)*

Моих знакомых, женщину с мужем, когда зашли ВСУ, убили. У нее дом рядом с сельским советом Заолешенка, она работала в сельском совете. Они остались там, не смогли выехать, и их убили. Ей было около 80 лет. И ему так же. Просто расстреляли. А в соседнем селе приехал сын до матери. Зашли хохлы, и их с матерью убили. И мать, и его убили. Мать моложе меня — 55 лет, где-то так. Пришел в отпуск человек, и его убили.

Что делали ВСУ, было страшно. Что люди рассказывали? Что видели уже. И уже как трупы лежали. И как издевались. А вот сейчас сами эти... украинцы показывают видео, как они расстреливают мирных жителей.

**Виктор Николаевич Кабанцов,
житель села Малая Локня
(Курская область)**

Я ехал в город Суджу, там оставался сват мой. Их забрать хотели, мы везли ему поесть, попить. Я ехал сам в машине, а сзади ехал сын с невесткой и со свахой. И я ехал первый, а на кольце были мины. Мы первыми объехали.

И из-за песка, в песке в кучах сидели украинцы, и нас начали расстреливать. Из стрелкового оружия. Засыпало стеклом.

Я упал, поднялся, мина впереди. Я обвернул ее, объехал. Опять упал, и они через боковую дверку стреляли и ранили меня в руку. Мне руку раздробило, пулей раздробило локоть весь, короче, собирали, две операции делали. Рука не работает, пальцы.

Сын объехал меня, и удалось ему тоже уехать, машину постреляли, ранило его в руки, но удалось уехать. Сын в руки ранен. В одну и во вторую. Осколки остались. У меня тоже осколки там, один или два тоже осталось. Сказали, пусть заживет, пока пусть будут.

А тогда моя машина заглохла, посмотрел, дымится сзади, черный дым. ВСУ увидели, что я ухожу, и пыта-

лись добить. Промазали, я упал. Стреляли, даже траву покосили. Я спрятался.

Проехали две гражданские машины. Парень с девчонкой, молодежь вообще, детвора, нарвались на мину, видимо, наехали, взрыв. А вторая машина — два парня с девчонкой, и ВСУ их расстреляли.

Я пошел к сыну домой, чтобы узнать, есть ли живые. На дороге встретилась милиция, подобрали меня, подвезли. Начали выходить в сторону Большого Солдатского. По дороге люди лежали. Много убитых там. Я когда шел, кровью исходил. Не до этого было, считать. Лежали.

Мы шли более трех с половиной часов. Потом подобрали нас наши солдаты, подвезли поближе к больнице, направили на Курск в больницу. В больнице я пролежал почти месяц, делали две операции, собирали локоть.

У нас в селе у моего кума жену расстреляли. Вообще рассказывают, что поляки и украинские ВСУ, молодые, вообще изверги и ни на что не смотря — убивают, издеваются, всё делают. Расстреливали ни за что людей. Вот что рассказывают.

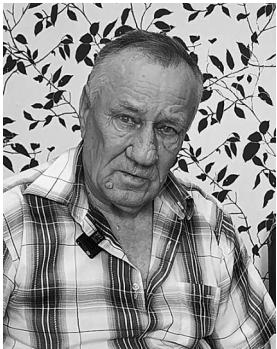
В одном месте заехал украинский танк. Женщина сидела около окна. Он прямо пушку направил и снес дом. Ей голову оторвало. Не буду говорить. Страшное дело.

Кто их знает, зачем они убивают. Настроены так. Мы к ним вообще как к родным относимся. В общем, что-то перетворилось в их голове, что-то им перепрошили.

*Рамин Габелия, житель города Суджа
(Курская область)*

Подъезжали к Суджи, к кольцу подъезжали, начали стрелять по машине, разбили окно, два задних. Насквозь

пробило капот. По нам нормально так. По машине, если смотреть по отверстиям, выстрела четыре где-то, но было больше, потому что мимо тоже пролетало.

**Владимир Петрович Максин
(75 лет), житель города Суджа
(Курская область)**

Вечером 7 августа я получил пулевое ранение, через локоть насквозь прошло. Я ехал в сторону Курска по объездной дороге. Переезжал через железную дорогу, налетел на меня украинский коптер.

Я, правда, не знал, что это коптер. Слышу, что треск какой-то надо мной, остановился, потом решил погнать машину.

Когда доехал до поворота на Курск, заметил, что впереди стоят четыре человека. С одной стороны два, на другой стороне дороги два с автоматами, в касках. И экипировка у них была украинская, не наших ребят, а синие ободки на касках, на рукавах синие. А чуть дальше, выше, пулеметная точка стояла.

Я повернул вправо, в сторону вокзала, думаю проскочить. Ну, проскочить я не смог, открыли огонь. Я в обочину встал, лег на правое сиденье. Короче, я получил прострел с автомата. Когда начал истекать кровью, я решил вылезти с машины, уйти в откос туда, за дорогу спрятаться. Когда открыл дверь, загорелся в салоне свет, и тут получил опять автоматную очередь. Слышу по машине прошло, заднее стекло посыпалось. Украинцы стреляли на свет.

Я лег возле передней дверки и притворился, что без движения. Минут сорок пролежал. Коптер так и кружил, потом опустился низко, метра на четыре. Вот тогда меня ранило вот этой штукой. В грудь зашла. Она по-над ребрами прошла. Я еще пролежал там, пока не стемнело. А потом сзади уже машины были тоже набиты, уже стояли за мной. Гражданские машины, там военных никого не было.

До этого другая машина проехала от меня метров, наверное, тридцать в правую сторону. Я в сторону вокзала справа, а он ехал с вокзала в ту сторону. Там у нас стоит памятник МиГ-29. Памятник, они разбили его, с танков расстреляли. И эта машина где-то там встала, я крик слышал боли. Там стоны, там женщины были. Напротив меня еще машина сгоревшая стояла, полностью сгоревшая.

Я потихоньку, потихоньку, уже стемнело, я ногами вперед за машину заполз и в кювет. И вот я пролежал там, наверное, часа полтора, я уже вставать не мог. Ну, думаю, так, значит, доползу, там железная дорога. Только стал, слышу, опять рядом со мной автоматная очередь. Ну, я притих, пролежал, не помню сколько, а потом меня стало колотить.

А это уже завод наш, где я работал раньше, полз-полз и потерял сознание. Женщины нашли меня и притащили. У них шоfera ранило в позвоночник, он еще долго стонал, лежал, а перед утром скончался. Скорее всего, с автомата.

Один бандеровец там женщин заставил сидеть до утра, запретил куда-то выходить. ВСУ находились на шиномонтажке. Там типа база была. Другой вообще не по-русски говорил. У другого, хоть закарпатский разговор, более-менее украинский. Что-то уж можно разобрать.

А у того нет. У украинцев наемники иностранные были еще. Вот этот то ли румын, такой взгляд у него худой или под наркотиком.

Мы стали выезжать — над нами украинский коптер. Дорога прямая, притопили, наверное, больше 160. Перед утром туман на оптику налипает. Если бы хорошая, ясная погода, дognал бы это. Хотя скорость у коптера большая, может, 120—130 км. Гнался за нами, но ушли мы. Меня потом сын встретил перед Курском и сразу в областную больницу, на операционный стол, вытаскивали осколки, все пули. Вот такие дела, что делается.

Один батюшка перед этим выезжал, ему украинский коптер влупил, короче, разбил машину. Легковая машина. Он жив остался, а машину разбило. Там машины, ты куда ни глянь, везде побиты, стоят сгоревшие.

Сосед вернулся за вещами. Взял еще одного пацана с асфальтного завода. Тоже стали спускаться по шоссе. Автоматная очередь, сына убили. Отец с пассажирского выходит: «Сынок, сынок». Тут снова очередь с автомата. Убили. А тот, кто сидел с ними, дверку открывает и в эту обочину и ползком, ползком по посадке сбежал. Он был у нас в больнице. Ко мне приходила мать, я не мог сказать ей, что и сына и мужа убили.

Столько там машин побито, прямо видно, что люди там. Когда мы уезжали, смотришь, там в кювете сгоревшие трупы и все там в этих машинах. Жутко делается.

**Лариса, житель села Казачья Локня
(Курская область)**

Выезжали они из Казачьей Локни. Около шести, наверное, вечера они поехали на двух машинах, родители

и его друг с женой, с бабушкой. Там в Казачьей Локне, там на повороте, вот магазин «Василек» есть. Там по ним украинцы стреляли.

В первой машине у папина друга руку ранило, а жена у него погибла. Бабушка не пострадала. Родители вторые ехали, им обоим по ногам попало. Папу в ягодицу, маму в бедро. И бензобак пробило.

Они поехали, доехали до Большого Солдатского, там ее машину к другой машине и в Курск. Он сейчас в больнице находится, в Курске. Осколки вынули. Маму уже прооперировали.

*Славик Суренович Алоян,
житель села Благодатное
(Курская область)*

12 августа с города Курчатова поехал в Кореневский район, село Благодатное, чтобы забрать свои вещи. Все загрузил в прицеп, двигаясь в сторону Рыльского района. Между Корнево и Рыльское вышел человек в военной форме, поднял руку и остановился. Метрах в шестидесяти—семидесяти. Я остановился, думал, наши военные, надо остановиться, пропустить там военную технику.

Я только остановился, в меня начали стрелять. Работала украинская диверсионно-разведывательная группа. Несколько человек стреляло по мне.

Меня ранило в машине в руку и в ногу. И выстрел был с гранатомета. И не долетело до машины где-то полметра. Я в машине голову поднял, смотрю дым. Я дверь

открываю и выпрыгиваю с машины. И когда выпрыгнул с машины, еще раз был выстрел с гранатомета в сторону прицепа, тоже не попало. А я в подсолнух ушел. Благо что было поле подсолнуха. И я по подсолнуху бежал. Начали вслед стрелять мне.

Да, мне вот повезло. Я десять часов шел полями. И я в поле прополз, чтобы меня не видели. Добежал до деревни. На следующий день уже отвезли в госпиталь. В тот же день меня не могли вывезти, потому что работали украинские диверсионные группы.

ВСУ всех расстреливают. Я не знаю почему. Они расстреливают всех. Мирняк прям гибнет. В этот день очень много мирных людей расстреляли и в поселке, и в селе Коренево.

Со мной в госпитале лежал Андрей. Он вывозил мирных. Он все видел, как людей расстреливали. Он чудом выжил, тоже ДРГ стреляло по нему, по мирным людям. Очень много в этот день на мосту ВСУ расстреляли мирных.

***Марина Касьянова, житель села Погребки
(Курская область)***

Обстановка уже начиналась очень страшная. Это были хохлы, у них были черные флаги, когда они наши машины хлопали. Они смеялись, просто невозможно передать, как смеялись. А сзади машины тоже ехали, их тоже хлопали. Они били с автомата, очень было слышно. Когда бахнули в машину нашу, мы сразу это поняли, что это хохлы вражеские. Они ехали с черными флагами. Бахнули в машину, наша машина сразу вспыхнула.

Муж на первой машине ехали с зятем, машина горела. Сын не растерялся, 300 метров где-то отъезжал, и мы скатились с дороги. Они по второй машине тоже стреляли. Я легла на пол на заднем сиденье. Наталья сидела с сыном на переднем сиденье. Она его защищала — племянника своего сына и получила пулевое ранение. Мы вышли с машины, она полыхает полностью.

Был болевой шок у меня. Это очень страшно. Мы перенесли очень-очень тяжелый шок. И этот шок будет теперь, наверное, всю жизнь. Сын побег еще до машины горящей. Кричал: «Папочка, папочка, я теперь тебя никогда не увижу». И открыл ему двери, горящие двери, взялся руками. Может быть, это и спасло... Сын помнит, как отец вылезил оттуда, с лобового стекла. А он полз двое суток. Попал на наших солдат, и солдаты ему оказали помощь, отвезли в больницу. У него ожоги были сильные. Особенно пострадала у него нога. В больнице он думал, что мы погибли. А мы думали, что он сгорел полностью весь. А оно оказалось не так. Он в больнице здесь, кричал, криком; «У меня погибли жена и сын». Он думал, что мы погибли. У него восемь операций прошло. Обгорела голова, полспины, рука нерабочая. У него сильно сгорела нога. Очень сильно.

Сестру моего мужа Наташу ранили в руку. Я на полу сзади сидела в это время, а сын был за рулем, тоже прогнулся, была контузия.

А тогда мы залезли в посадку, в общем, уходить надо было нам, уходить. И мы шли в посадке, и у Наташи шла кровь сильно.

Мы добрались до первой деревни, Ивница. Нас принял человек, помощь оказал. А к вечеру увидели, что ее нужно везти в больницу.

Мы потеряли другого члена семьи. Это наш зять — Наталиин муж. Тело, говорят, что оно до сих пор там. Не удалось его забрать.

***Лера, житель города Суджа
(Курская область)***

Папа забрал родных из Суджи. На заправке, на ТНК, которая при выезде из Суджи, уже стояли военные украинские. Они начали стрелять с двух сторон в упор с автоматов, обстреливать машину. В машине стекла посыпались, стекол нету задних, и осколками посекло там. Кому там попало в голову, кому в руки.

Также там еще стояли противотанковые мины, и папа буквально остановил машину в метре от нее. Когда он вышел из машины, его не хотели никуда отпускать, хотели оставить всех там. Я там старииков везу. Сказали, мы из Суджи тебя не выпустим, разворачивайся назад. Папе там какими-то путями через поля получилось вырваться из Суджи и проехать.

Мой другой дедушка выезжал из Суджи в Курск на машине. На том же самом месте, на заправке ТНК, по нему тоже стреляли, очень сильные повреждения машины. Выбито стекла с водительской стороны и сзади стекла все полностью.

***Анна Ивановна Катунина, житель
города Суджа (Курская область)***

ВСУ начали нас обкидывать, не только нас, а всю Суджу и прилегающие районы, кассетами. У меня в Судже

мать осталась. Когда я поехала туда, я сама попала под обстрел. Была автоматная очередь, были миномётные прилёты прям с миномёта. Один погнался за мной, у меня машина «ауди», я выжимала всё, что могла на ней, чтобы ускользнуть.

Я местная, я знаю все закоулочки, я — суджанская, вот получилось мне скрыться. Были машины разбитые, сгоревшие. Половина была, ну прям видно, что стекла в крови, всё горело. Были разбросаны мины по трассе, прям по трассе были разбросаны мины, я лично обезжал их, это уже курская трасса шла на выезде с Суджи.

*Владимир Колесников, волонтер,
житель города Суджа (Курская область)*

Как украинцы начали бомбить люди с двух часов ночи в подвалах просидели. Бомбёжка не прекращалась, наверное, часов 14 без перерыва. Выходили уже через двое суток. Я возил еду, воду, пока можно было еще полями пробраться. В саму Суджу я уже попасть не мог, в окраину села. А потом уже просто туда невозможно попасть.

Там все заминировано. Было бомбёжки, дроны. Я от дрона убегал.

Едешь, вот просто едешь по району, много трупов мирных жителей лежит на трассе. Мирных жителей вообще расстреливали. Проезжающих просто. Многие у меня друзья, вот машины побросали, многие ранеными поуходили. Поляки, сказали, вообще никого не щадили, рассказывали, что даже детей убивали.

**Роман Александрович
Яценко, житель города Суджа
(Курская область)**

6 августа начался плотный обстрел. С супругой разговаривал, она выскакивала из подвала, но потом последний звонок, рассказала сильный обстрел. После на связь она больше не выходила. На следующий день решил ехать за ней. От Мартыновки поехал на Суджу. Именно в тот день начался плотный обстрел уже Мартыновки таким хорошим калибром, крыши поднимало. Я пару раз на землю ложился.

Меня предупредили, что там гражданских убивают, что город занят. Ну думаю, ладно, чему быть, тому не миновать. Доходя до кольца, услышал уже автоматные очереди. Понял, что точка одна работает, с одного места. Как раз машина при мне развернулась, и ее обстреляли. Вторая выехала, обстреляли. Решил обходить по краю поля.

В красной «Ниве» увидел 200-го. Потом еще в белой машине 200-й был. Гражданские машины. По мне стал стрелять украинский военный. Я полез дальше, присел, пытался понять, будет он за мной идти, преследовать или нет. Понял, что он не преследует, остался на месте и двинулся дальше.

Подошел к дому, дом на месте целый. Постучался им, открыли, быстро сборы, удобную обувь, трусы, носки, мобильники, пауэрбанки, документы. Быстро собрались, дал указание идти гуськом, чтоб не кучно. Детям объяснил «Мы — большое ухо, идем слушаем дроны». Все дети послушные, дошли до вокзала, опять там женщина. Я говорю, идемте с нами, вас, говорю, иначе убьют.

Опять же к полю подошли. Украинский военный снова начал стрелять, хотя видел, что пятеро детей.

Мы бегом, потом по-пластунски, потом по посадке шли. Там была трава в кровяке, людей раздолбали именно в той посадке. И у кольца там машин восемь-девять и плюс еще штуки три на трассе было расстрелянных и с дронов сгоревших.

В Курской области Вооруженные силы Украины также намеренно и целенаправленно наносили удары дронами-«камикадзе» по гражданским автомашинам с мирным российским населением.

*Александр Сергеевич
Фисенко, житель села
Куриловка (Курская область)*

Недели за три до украинского вторжения в Курскую область я был в Куриловке. На трассе от Куриловки до Гончаровки дроны летали постоянно. И по моей машине били. Вообще было ездить просто страшно.

Это был кошмар — дроны, которые летали, которые били всех. И по машинам били. В машину «Газель» Павла Тимофеевича дрон ударил. Били и по городу.

ВСУ хотели запугать нас, чтобы расстреляли наши заправки, у нас не было ни бензина, свет выключался. Они хотели, чтобы все наши граждане тряслись, колотились от этого ужаса, который был.

В четверг в Куриловке я выхожу на перекресток и в метрах в ста стоит уже «Бредли». Когда я сказал родным,

что буду уезжать, то уже на перекрестке стояла бронированная машина и беспорядочно палила из пулемета. Это было страшновато.

От Куриловки, если поднимашься на горку, они обосновались. Ну, одного из наших, который хотел на машине уехать, поймали, поставили на колени, это он сам рассказывал. Он приехал, весь мокрый, трястется весь, говорит, увези меня на переправу, я не могу вообще туда. Вот оставил машину, и Коля Кузнецов отправил его на переправу. А потом мы сразу узнали, что ВСУ забрали у всех машины, забрали у всех мобильные телефоны, выбросили симки.

Украинские вояки разграбили все. У меня под столом собака убитая лежит, они расстреляли ее прямо на кухне под столом.

*Инна Владимировна
Гаврюшова, житель поселка
Теткино (Курская область)*

Поселок Теткино рядом с границей — триста метров. 16.08.2024 года я сама лично убегала на велосипеде четырнадцать километров. Украинские обстрелы продолжались постоянно, потом квадрокоптеры, постоянно были обстрелы. Били по людям, по поселку, по домам.

Ко мне прилетали осколки, дом разбило. У соседки через дом провода обрушило, потом недалеко через два дома тоже у соседки в огород прилетела, прям в рост яма.

Пока мы ехали, мы прятались под деревьями — за нами летели. За нами летел украинский квадрокоптер «Баба-яга». Он очень долго кружил над нами, мы прятались под деревьями. Потом он полетел к Поповке и там сбросил заряд. И там что-то гореть начало, очень сильно дымилось. Это было где-то 10 часов дня.

До того как мы эвакуировались, мы поехали в центр. Естественно, прятались от квадрокоптеров. Мы увидели разбитую ударом квадрокоптера машину, и люди лежали раненые.

Вывернуты две двери, стекла разбиты. Были ранены жители поселка по фамилии Чухно. Мужчины уже нет в живых, а женщина еще жива. Мы подъехали, начали спрашивать что и как. Мужчина говорит: я вас не слышу, наверное, потому, что уже был контужен. Вижу, что у женщины нога разорвана. Она лежала в куртке, а мужчина весь в крови был укрыт пледом потому, что у него видны были в животе все внутренности...

Говорят, что ВСУ платят деньги за убийство мирных жителей. Определенная плата за удар с квадрокоптера за дом, чтобы сгорел, чтобы людей убили тоже определенная плата, чтобы машины были — тоже определенная плата.

**Татьяна Ивановна
Богданова (74 года),
житель деревни Колычевка
(Курская область)**

Украинские обстрелы велись уже у нас больше месяца. Именно ВСУ. А наших военных в то время в селе не было, они были за чертой

села. А ВСУ обстреливали нас постоянно, каждый день методично.

Мы мирные жители, мы не понимаем, что это. Разрушение домов именно жителей. Вообще близко военных не было. Дома мирных жителей. Очень много домов погорело. И в самом поселке Коренево, и в деревне Калычевка, где я живу.

Украинские коптеры сбрасывали, это у нас постоянно. Мы выходим, например, из дома. Мы сначала приоткрываем дверь, прислушиваемся. Трещит или нет. Только тогда, когда тишина, мы можем выйти хотя бы себе во двор. Значит, коптеры спускали свои снаряды или что-то. Это по мирным домам, где не было вообще никаких военных.

Как-то летит коптер и сбросил на самый такой хороший, красивенький домик. Дом моментально загорелся. Буквально через двадцать минут летит второй коптер, развернулся, пролетел, развернулся обратно и сбросил на дома на конце нашего села. На следующий день коптер прилетел на нашу сторону, по другую сторону дороги.

Мы все теперь пострадавшие по психологическому своему состоянию, мы ночью не спим. С одиннадцати часов начинались ежедневные обстрелы. Мы когда приехали в пункт временного размещения, я первую ночь не могла спать. Я лежала и считала часы. Вот сейчас в одиннадцать должно быть. Вот нету. Слава Богу. Через два часа опять, вот сейчас должны быть обстрелы. Нету. Слава Богу. Я не могла заснуть, я только сегодня ночью спала.

У нас было очень много сгоревших гражданских машин. Они там по обочинам были. Машины гражданские были побитые.

ВСУ — это нацики, это фашисты. Это не люди. Это не люди. Мы росли в Советском Союзе. Мы все были люди Советского Союза. Мы все жили дружно, какая бы национальность ни была. Я не хочу сказать, что это украинец. Я хочу сказать, что это просто фашист. Это не люди.

**Елена Валентиновна Галева,
житель города Суджа
(Курская область)**

Мы выезжали из села Коренево в субботу, 10 августа. Хотели поговорить с ребенком, со старшей дочерью, что у нас все нормально, ну, летает, стреляет где-то. К нам пока не залетало, оно пролетало в сторону поселка, летело в совхоз.

Мы поехали на машине. Заодно хотели набрать воды, взять хлеба, потому что у нас на улице остались и старики. Мы съездили, переговорили со всеми родственниками. Кто попросил собак отпускать с привязей, кто попросил бабушку посмотреть, проведать, если можем отнести там хлебушек, воду. Мы как раз набрали хлеб, батонов, воды понабирали, ехали назад домой.

У нас обыкновенная маленькая синенькая машина «Ока». Когда заехали на мост, непонятно откуда резко жужжание и взрывы. Единственное, что я только успела крикнуть ребенку и папе, — чтобы она легла на пол. Девочке 20 лет, только исполнилось 2 мая. Она погибла. Погиб папа, муж мой и дочь погибли.

Вокруг машины взрывалось. Это неописуемо, это страшно. Это очень страшно, когда ты не можешь понять,

откуда, с какой стороны. По мне как будто такой удар, и всё потемнело, как на волнах уплыла. А когда пришла в себя, мы уже были в заборе. Муж уже был мертвый, лежал. Ребенка выкинуло. Было такое ощущение, что она еще была жива. Я ее пыталась вытащить из-под машины, затащить сюда. Я пыталась встать, но у меня не хватило сил. Я начала кричать, звать на помощь.

У меня черепно-мозговая травма, перелом ключицы и лопатки. Вытаскивали из плеч осколки.

Я без понятия, почему украинцы так поступают. Броде бы, по идее, мы же все славяне все. Почему они так? Одна же нация, одна же... Как нас раньше учили, еще при советском времени, что мы все единые.

**Валентин Иванович Люшный
(62 года), житель города Суджа
(Курская область)**

Вспышка и один удар с левой стороны. Слышу, супруга говорит, что болит. Спереди сосед Василий сидел, я их вывозил — его и супругу.

Мы последние с улицы выезжали из Суджи. Вдогонку слышу еще один взрыв, вспышка. Смотрю, машину начало клонить на левую сторону. Потом правое переднее колесо, смотрю, уже пустой баллон. Я протянул еще километров, может, пять от Суджи. Супруга говорит, у меня кровь. Машина накренилась. Позвонили на 112.

Обстрел. Впереди, прямо посредине дороги, легковая машина дрогнула, пламени языки были. У меня все фотографии в телефоне есть, где и радиатор полностью разбитый был, и омывательный бачок, как прошли

панель, двери, задние фонари разбиты, поворотник и стоп-сигнал. Осколком, который с второй вспышкой был сзади вдогонку.

**Анна Ивановна Люшная
(61 год), житель города
Суджа (Курская область)**

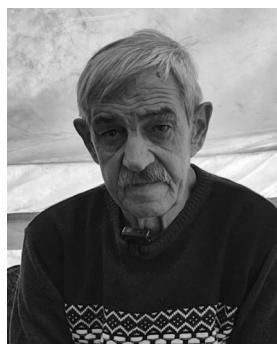
Я была ранена 7 августа поздно вечером. Мы выезжали из Суджи, и на нас напал украинский дрон. Боковой удар. Мы ехали на машине, муж за рулем. Посыпались такие грязные крошки. Я сначала подумала, что-то в лужу заехали. Один, потом второй. Потом колено начало гореть. Смотрю, кровь, перерезало ногу. Спереди сидел мужчина, сосед. Ему тоже попало. Потом меня скорая забрала и привезла в Курск в эту больницу.

**Анатолий Сергеевич
Марганов (70 лет), житель
села Большое Солдатское
(Курская область)**

ВСУ двор у меня рассадили. У соседки рядом. Представляю так, что это миномет.

В одной машине погибли люди, два мужчин ранены. Женщина погибла и ребенок раненый был. Волонтеров расстреляли тоже в машине.

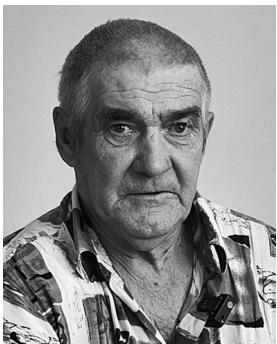

**Александр Иванович Придубков
(65 лет), житель села Уланок
(Курская область)**

Я в подвале сидел и решил пойти водички попить. Пришел к себе домой, попил и встал возле окна. И такой прилет. У меня там воронки дома. Украинцы лупали людей постоянно.

Украинцы просто хотят все уничтожить. Села уничтожили. Начинают с дронов, Дрон «Баба-яга» как ударит, и все, и нету дома. Осталось только пять домов на моей улице. Издеваются над нами.

**Владимир Васильевич Шевцов
(69 лет), житель деревни
Журавли (Курская область)**

Когда украинцы зашли, они спокойно не шли, они стреляли. Сперва шли БТРы и очереди стрекотали. Они били по окнам. У меня пуля влетела в кухне. Ворота пробиты, отверстия в воротах, крыши пробиты у соседки. Они, наверное, с мирными жителями воевали или запугать хотели.

12 августа около 11 часов дня я стоял, жена и пацан сидели на диване. Выстрел в окошко, окошко пробивает, потом щелчок такой сильный, аж блеснуло что-то. Пулей или осколком в дверце холодильника вырвало клок металла. Я получил ранение в плечо, глубокая рана сзади

и ниже локтя, вытянули маленький осколок. А в плече, что глубоко сидит, не стали вынимать, чтобы немного развязать мышцы.

**Николай Павлович
Голодьков, житель города
Суджа (Курская область)**

Мне дали путевые листы возить щебень на Суджу, на асфальтовый завод. Загрузились и в Суджу подъезжаем. Я еще еду, посмотрел в небо, вроде никого нету. Только чуть глаза вниз, вот он, дрон.

Как сейчас помню, красный с белыми полосками, черная коробка большая, с синей изолентой перемотана. Прямо вот передо мной. И у меня ниже лобового стекла взрыв. Но я машину удержал. Если бы я машину не удержал, я бы ушел бы навстречу, а там люди, машины легковые. А у меня в общей сложности 60 тонн – 40 тонн груза и 20 тонн машина сама. Я удержал на обочине и остановил.

Вылез, в глазах, в ушах все темно, шум в голове. Потом еще наш водитель остановился. Уже после этого, мне сказали, он подорвался на фугасе.

У меня огонь с сидушки начался. Огнетушитель раз – не сработал. Сразу меня в машину, привезли в больницу. Спасибо медикам, сразу оперативно меня обезболили, обмыли, все сделали. У меня рваные раны. Вытянули осколок.

Хохлы целенаправленно по нам били. Им приказ такой, чтобы уничтожать россиян. Они за это напали

на нас. Там машины тоже горели уже, дронами били. Машины обычных людей. Мы уже когда ехали, чуть выше поднялись, и две машины горело. Люди там.

Парень рассказывал, они выезжали и их остановили хохлы, ну, эти нацики. Вернули назад, говорит, нет, мы вас не пустим. А он вез отца, мать. Говорит: я в Суджу. По полю хотел объехать. И они открыли огонь на поражение. Его ранило, ранили отца тоже, машину побило. Потом работал украинский снайпер. Даже видел, как по капоту прошла пуля вот эта, снайперская. Ну, он выскочил.

Много случаев таких. Вот парень здесь в больнице лежит с села Погребки. С украинского танка стреляли. Без семью. Сразу насмерть. А он тяжелый. Ранение тоже осколочное. Прямо с танка расстреливали. Его сильно тоже нацепило.

*Дмитрий Васильевич Дяченко,
житель села Погребки
(Курская область)*

Я лично видел, как с украинского броневика стреляли из миномета в сторону села. А еще ехали наши — Сашка ехал в первой машине вдвоем, на второй машине их сын за рулем ехал с женой Сашки и там Илюшка. И шла украинская колонна. Первые бронированные машины отъехали в сторону, и по ним ударил танк. Именно танк, который сзади шел, именно танк стрелял. И потом прямо на ходу по машине пропстрочили из пулемета. Он сказал, что дядю Витю нашел,

а отца не нашел. А как оказалось, что его где-то через два дня в наше время нашли, подобрали. Наталья ранена, а муж погиб.

**Сергей Михайлович
Ворошилин, житель города
Суджа (Курская область)**

Я семьи эвакуировал, и обходилось сначала все спокойно, а 11 августа мы ехали на автомобиле со стороны леса. Только проехали улицу, и на повороте в нас начали стрелять два украинских автомата из кустов.

Прострелили мою всю сторону, сзади машину прострелили. И спустя метров двадцать начал третий автоматчик стрелять. Машина заглохла, я быстренько выскочил из машины. Дядя сказал, что нужно убегать, а он уже был ранен. Когда я из машины вышел, у него уже был полон рот крови. Я быстренько прыгнул в кусты. Повернулся назад, а дядя уже лежал в кустах. Закрыл глаза.

Как вообще я выбрался? Чудом — три автомата очередями, потом выходил по болоту, по лесам, по полям выходил. Страшно было. Потом вышел на трассу, потому что уже не было сил плестись по колючкам, там по лесу. Навстречу мне ехала машина, я остановил, они меня подобрали.

Не исключено, что не украинцы стреляли именно по мне. Я больше грешу на поляков. Время от времени из тех районов выходят люди, рассказывают ужасные истории. Рассказывают, что ВСУ мирных и насилиют,

и убивают. Люди прячутся по подвалам, достают их из подвалов. Если оружия при них нет, то простреливают ноги.

**Елена Владимировна
Маклакова, житель села
Теткино (Курская область)**

Были обстрелы ужасные. Шестого числа обстрел начался очень сильный. Людей потихоньку уже начали убивать. Спасибо нашему главе поселка он помогал людям эвакуироваться.

ВСУ били по всему, цели у них не было. Куда попадут, туда попадут. Мирное население, дети, это их не волновало. Много есть людей погибших, есть раненые. ВСУ бьют сами, куда захотели, туда ударили. Меньше народа, как говорится, выбить русский народ. Сначала били по заводам, а сейчас началось мирное население. Куда увидел компьютер движения — все. Увидели движение — бьют, старались бить по мирному населению.

**Виктор Васильевич Кривошеев,
житель села Коровяковка
(Курская область)**

По нам били еще со стороны Украины. С возвышенности нас обстреливал танк. И практически каждый день минометный обстрел.

Село в пределах двух-трех километров от границы. Танк очень жестоко бил.

От этих обстрелов на нашей улице пострадал мой родительский дом. Ударной волной все окна выбиты, стекла. И рядом стоящие по-соседски тоже дома. И полностью сгорел дом. На соседней улице человек погиб. Он чисто шел в магазин. Был обстрел, и попал под обстрел. Брюшная полоса, ранение, моментальная смерть.

***Иван Юрьевич Ковалев,
житель города Суджа
(Курская область)***

Очень много было атак украинских дронов. На моих глазах практически где-то месяц до нападения они атаковали заправки. Одну заправку рядом с моей работой как раз подорвали с помощью дрона. И затем, когда приехали пожарные, МЧС на этот вызов, прямо на моих глазах ударили в машину пожарную. Это было прямо в центре города.

А 6-го все началось утром где-то. С 3 до 4 до рассвета сразу пропало электричество, мобильная связь перестала работать, свет, вода и продолжались обстрелы прямо по центру.

В селе Гончаровка, рядом с районной больницей, был обстрел как раз этой части города. Я спрятался за фундамент и услышал перестрелку. Стрелковое оружие. Уже сюда зашел враг, ВСУ к нам. На территории больницы районной был ближний бой.

Когда я выходил из города, то встретил первую сгоревшую гражданскую машину. И как раз приятель, который меня возил, он рассказал, что на его глазах украинский дрон сбросил заряд. Были видны от сбросов дрона разбитые гражданские машины, там была кровь. В одной из машин на заднем сиденье повязка окровавленная, открытый багажник.

Когда я вернулся в город за мамой, там было постоянно жужжание дронов. Приходилось прятаться то под остановку, то к дереву. Он пролетает, пожужжит, и буквально там минуты — и слышен взрыв. И вот опять так прожужжит, минута, взрыв.

Есть одна семья, я с ней познакомился в пункте временного размещения, они из Гоголевки, это практически самый ближайший населенный пункт границы. Им пришлось идти пешком по болотам, потому что по дороге они выехать не могли. Они видели украинские танки. Они там ползли по болоту, по лесу им пришлось 30 километров пройти, чтобы выбраться. Стреляли прямо по ним.

**Дмитрий Ильич Лавров,
житель поселка Коренево
(Курская область)**

С семьей мы выехали из поселка в ночь с 6 на 7 августа. А числа 11–12-го ездили, забирали вещи с товарищем. Когда выезжали на развязку, с дороги было много обстрелянных гражданских машин. Мертвые люди были. В одной машине мужчина и жена.

ВСУ их обстреляли. Жена, видимо, еще жива была. Она из машины, видимо, пыталась выползти. Где-то, наверное, им по 60.

Мы сами с другом, когда выезжали, там есть мост, небольшой, моя машина тоже попала под обстрел. Два раза в ногу друга ранило. ВСУ как начали стрелять, начали мы зигзаги по дороге делать.

ВСУ — не люди, кто они еще? Брать бабушек, дедушек стрелять и простых людей без оружия? Не люди они. Многие рассказывали, что когда ВСУ заходили в села, то издевались над бабулями. В Любимовке у нас сельский совет, в селе бабуля живет одна. ВСУ пришли со своим, наш флаг сняли, свой туда повесили. Бабуля подошла и говорит им. Один из ВСУ под ноги ей начал стрелять с калаша.

***Наталья, житель города Суджа
(Курская область)***

13 приемных детей с нами живут. Мы знаем, что дома у нас нету, что разбито ударами, потому что там очень жестоко ВСУ стреляли, обстреливали. С начала мая это было каждый божий день. Дроны летали. Только начинало смеркаться, у нас их была тьма-таянущая, как мухи, правда. Их столько, выйдешь только, дроны, дети в дом.

Дети у нас дома, потому что детки-инвалиды, у нас сделана специальная площадка для детей. У нас большой бассейн, у нас батут. Вот дети выходили гулять на улицу, они гуляют, мы стоим, как коршуны в небо. Дети в бассейн, мы в небо, чтобы как-то могли покупаться. И так вот у нас они провели лето.

**Евгений Викторович
Моторыкин, житель села
Плехово (Курская область)**

Я людей вывозил в соседнюю деревню. У меня машина обычная гражданская трехдверка. В первый раз нас украинский дрон не догнал, второй раз догнал. Друга моего догнал, тоже в капот ударили ему. Тоже у него гражданская машина, собственная. Он тоже занимался эвакуацией людей. С соседней деревни вывозили бабушку, тех, кто переплыval через реку, мы оттуда вывозили, помогали.

Если украинцы били по гражданскому населению, значит, все равно им было по кому бить.

**Светлана Сергеевна
Верхоломова, житель города
Суджа (Курская область)**

Когда выезжали на перекрестке села Замостье, нас обстреляли — украинская автоматная очередь. Когда мы ехали, видели, что на этом перекрестке поперек стояла машина расстрелянная. Гражданская обычная машина, «жигули» красные. Стояли, двери пооткрыты. Она тоже была расстреляна автоматными очередями.

Мы ехали на машине «Лада». На обычной гражданской машине. У нас была моя мама, муж мой за рулем

сидел. Мы сидели, мой муж и я, рядом. Мама сзади него и 10-летний ребенок наш, девочка Ксения, которая сидела сзади меня.

Здесь нас на перекрестке обстреляли, потом мы проехали каким-то чудным образом. Нам, ну, Господь сохранил, наверное, нас, спасибо тебе. Минную растяжку проехали, муж как-то проскочил, там было больше места в ней, проскочил.

На две полосы прям была растянута минная растяжка. Там, получается, один пролет был, чуть больше машины, чтобы проехать. Проскочили. Когда ж/д переезд, получается, только начали с горки спускаться, видим впереди военные колонны. Муж, получается, съехал на грунтовую дорогу, быстремко сориентировался.

И тут вот, немножко отъехавши, в нас прилетел ВСУ дрон. У нас, получается, вынесло полностью стекла, лобовое полностью посечено было, правая сторона стекла вынесла, сзади с багажника стекла вынесла. Ну, муж на автомате дал газу, и мы дальше поехали. Ребенка посекло, лицо посекло, ручки посечены были, ножка, получается, посечена была, здорово посекло ее. И у меня, получается, как выбило стекло, у меня ухо оглохло, до сих пор меня не слышит. И тоже на всем теле, тоже осколками посечена.

ВСУ, честно сказать, даже людьми их нельзя назвать, не люди. Просто, ну, просто так стрелять по мирным людям, ну, мне кажется, это вообще не люди.

Нам рассказывали, ребят, которые выезжали, останавливали пьяные вэсэушки и заставляли хоронить наших людей. Трупы давайте хороните. Те говорят: мы не будем. Ты хочешь, чтобы мы тебя убили? Пейте водку, читайте молитвы. Это издевательство сродни тому, как фашисты себя вели... ВСУ – не люди, просто.

Вы знаете, я логического объяснения этому вообще даже не могу дать. Потому что я не знаю, какая уже у них ненависть к нам. Мы же как бы жили всегда братья, сестры. Не знаю, то ли их так вот настроили против нас, что вот, ну, вы знаете, мне кажется, если человеку говорят, что он свинья, в конце концов он захрюкает. Ну как можно так ненавидеть такой же народ славянский. Это все настроено Западом.

**Наталья Викторовна
Шелехова,
село Черкасское-Поречное
(Курская область)**

6 августа мы решили вместе с мужем вывезти внучку к моей подруге. Поехали, впереди сидел муж. А сзади сидели две дочки моих, зять и внучка маленькая на руках посередине у дочки. Внучке два годика. Из-за внучки выехали, мы спасали ребенка.

Когда мы ехали, не доезжая села за мостом, нас атаковал украинский дрон. Он скидывал бомбы по моей машине. Два раза какие-то огненные шары были. Ну, нам удалось все-таки уйти от дрона. Я почувствовала, что у меня в боку было горячо. Было и колесо заднее пробито, когда мы приехали. Потом мы приехали в село, а там уже была сестра. Она меня обняла, и когда вытянула руку, у нее кровь была на руке. Она говорит: Наташа, ты ранена. Мне оказали медицинскую помощь. Я получила ранение в бок. Мне прилетело, задело печень, делали операцию. Операция была дол-

гой. Ну, потом мне поставили какие-то пакеты, чтобы выходила кровь.

Украинцы нас просто хотят поубивать. Это твари.

*Татьяна Васильевна
Колесник, житель
села Пушкарное
(Курская область)*

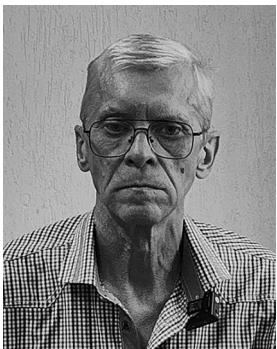
Наше село находится в 8 километрах от города Суджи. Когда они зашли, мы даже не знали, что зашли, потому что 7 августа у нас уже не было связи.

Мы эвакуировались 12 августа. Когда ударили снаряд, у меня дом треснул, мы уже поняли, что опасно оставаться. Собаку отвязали, двери я открыла для животных, чтобы в дом ходили, как бегали. И мы пошли в сторону школы. А еще прошла группа из десяти человек. Там был мальчик, две женщины, дедушка.

С Пушкарного не было прямой дороги, потому что везде были засевшие ВСУ. Они расстреливали машины, все там полностью. И людей заставляли в щебенку зарывать, люди до сих пор в щебенке зарытые лежат. Руками заставляли рыть щебенку, людей в щебенке зарывать мертвых. Вся дорога, там трупы, там много захоронений вдоль дороги.

Люди рассказывали, что ВСУ переодевались в нашу военную форму. И они останавливали людей, прям на глазах было, что мужчины голову отрезали человеку. Это грузины и поляки. А так расстреливали людей. Мужчину и жену его, ему, наверное, больше 50, ей, может, там до 50, их расстреляли.

**Валерий Павлович
Моисеев, житель города
Суджа (Курская область)**

Обстрелы ВСУ нашей приграничной территории — Суджи начались с началом СВО, но они были с разной интенсивностью. Когда-то очень сильно, а когда-то затишье. В 2023 году был обстрел в Махновке, там сгорел дом, попали по дому, шесть прилетов было. Но особенно обстрелы и дроны начались в этом году, и самые интенсивные примерно месяца три назад. С мая настолько стали дроны часто сбрасывать взрывчатые заряды и по селам вокруг Суджи. Был обстрел по Гончаровке — там пострадало, по-моему, 14 домов. Обстрел мирного населения. Там военных частей нет. Это просто жилая часть. Пригороды Суджи.

Юрий Неткач забрал из санатория свою 11-летнюю дочку Полину и попросил друга подвезти до дома. Они буквально не доехали метров 20. Сзади попал снаряд, выпущенный со стороны Украины. Машину всю раздуло. Она пробита была, как решето, осколками. Неткач погиб на месте — полноги оторвало. Шоферу вырвало из ноги часть, осколочные ранения получила и девочка Полина — у нее множественные осколочные внутренние попадания и в шею. Обстрел был по пристанционной части города Суджи. Начался пожар, дом был полностью разрушен, восстановлению не подлежит. Женщину вытащили с ожогами. А ее муж от пережитого ужаса — у него случился инсульт. За что мирным жителям такие страдания?

А 6 августа просто настолько массовый обстрел, что до этого не было такого. За все время настолько жесткого и массового не было обстрела. По городу звучали разрывы снарядов. Большой дым шел, попали в прачечную рядом с детским садом. Там стреляли и танки, и «Грады», и дроны. Не просто заряд дрон сбросил, а обстрел из танка. До этого у нас было нападение дронами на заправочные станции. Было попадание в районе больницы, погиб мужчина, выходил на работу, возле машины своей погиб.

Такое впечатление как сорок первый год, в детстве смотрел много фильмов про войну, когда немцы заходят в город. Мне в голову пришла эта картинка, и я понял, вот те раз, и на мою судьбу выпала такая доля, значит, испытать этот день, как люди испытали советские в 41-м году, 22 июня.

Рядом дом многоквартирный, без окон стоял, покорёженные балконы. За ним очень красивый, недавно запущенный в эксплуатацию, другой многоквартирный дом. Там балконы покорёженные, выбитые стёкла, а крыша съехала на здание и висела над ним.

Тут прибегает сын моей соседки и кричит: «Папа, мама, быстро документы берите, ребенка, три минуты вам даю, танки украинцев уже на Гончаровке, это пригороды уже». Тут я понял, что дело очень серьезное, зашел домой, сказал жене: бросай сумки, которые она приготовила, бери только пакеты с документами, и мы сейчас выходим, перейдем пешком на трассу гончаровскую. Мы вышли и три с половиной километра прошли. Я еще жене сказал, сыну: смотрите на небо, если дронов видим, мы прыгаем в кусты на обочину. Горел выезд из Суджи, горела длинная такая дальномерная машина. Попадание дрона было в стекло, горела посадка, сама машина, трава там, объехали ее, за ней был сгоревший автобус.

**Вера Егоровна Левченко
(77 лет), поселок Коренево
(Курская область)**

У меня все кучечки были, все кучечки документов. Я говорю, да у меня, сынок, все собрано. Ну, забирай сумку, бегом в машину. Сын говорит, что уехали люди, те живы, а что остались, их порасстреляли ВСУ.

Мой сын говорит, мам, знаешь, Славку убили. Они оба работали в Москве. Славка ему говорит, Паш, поеду домой, погляжу, что там делается. А он Славке: пожалуйста, не едь, что тебе дом сдался, главное, что мы живы будем в Курске, на квартире. Вот этот который летает убил его — дрон. А Слава ехал на машине.

**Оксана Николаевна Карпенко,
житель села Попово-Лежачи
(Курская область)**

Мы детей отвозили в школу, ехали обратно на маршрутке. Там приблизительно 6—7 человек было. Сброс был с дрона. Водитель съехал на обочину и сказал: я туда не поеду, там дроны летают. Мы сели в машину, и в машину в нас украинский дрон попал сзади. В машине четверо было.

Обычная легковая гражданская машина. Дрон ВСУ скинул взрывчатку. Попал дрон прямо в машину. Ма-

шина завалилась. Я из машины выскочила. Алина уже без головы. Таня говорит: хотела спросить, где Алина? А у Алины голова отлетела.

У меня ранения средней тяжести. В бедро. У меня пять осколков больших были, остальные маленькие. Маленький еще вот выходят. У Тани тоже сзади много осколков, но у нее меньше. А вот у бабы Маши, у нее тяжелые, у нее ожоги были, много ожогов. И конечно, много осколков. Бабе Маше где-то 70.

ВСУ тренировались на мирных жителях. В один день три машины.

*Галина Владимировна
Молокоедова, житель села
Снагость (Курская область)*

Выезжали мы со Снагости рано утром. Только стали до Коренево доезжать, глянули, там трупы валяются. Мы прямо по трупам проехали, машин много побитых, люди валяются. Сколько людей поубитых валялось. И машины поразбивали. Мы мимо их проехали, а тут какие-то снаряды по дороге лежали. Так хорошо, что мы на них не наехали. Думали, сейчас наедем, и мы взорвёмся.

Доехали до села Коренево, и на нас стали ВСУ стрелять. Мы стали поворачивать, и мне сразу в плечо попало. Я вижу, что у меня кровь полилась. Потом уже почувствовала, что у меня через кофту кровь полилась. И чуть-чуть в машину попало. У нас синего цвета «жигули». Ехал муж и нас трое.

**Елена Викторовна Терехова,
город Курск (Курская область)**

10 августа мы уже спали с внуками, легли раньше спать. А потом услышали бабахи. Третий раз бахнула, подумала, поднимусь, закрою балкон. А то испугается внук, он первый раз остался у меня ночевать. Поднялась к балкону, протянула руку, на часы посмотрела, и на меня летит, я не поняла даже, что-то. Поднимаюсь, внук уже голосит, плачет, где папа, где мама. Он на меня смотрит, я себя просто не видела, и испугался ребенок. Осколками посечено лицо. Столько стекол было.

Позвонила Валя, невестка моя. Говорит, мам, что у вас там? Я говорю, Валя, да стекла все повылетали. Она говорит, бери детей и в туалет иди, укрывайся с ними. Я сандалики взяла и бегом их в туалет поставила. И думаю, пойду к мамке посмотрю. У меня в спальне еще мама, инвалид второй группы. Дверь попробовала открыть, а дверь заклинило. Но оттолкнула. Подошла к ней. И вдруг на площадке такой сразу шум, гам, подошла к двери входной, Господи, ничего не могу открыть, заклинило входную дверь. Открыла. Смотрю, соседи уже здесь с детками.

Раненых было больше десятку. Украинцы, наверное, нас поработить хотят, рабами сделать. Или вообще уничтожить. Чего они нас так ненавидят?

Входную дверь нам потом вставили, застеклили. Помощь сразу оказали и правительство, и местные власти, и наша Российская Федерация. Только ребёнок боится, говорит, мне страшно ходить. Говорю, ты не бойся. Дверь сделали, окошки вставили.

**Владислав Игоревич
Воскобойников, житель
города Суджа (Курская
область)**

6 августа атака украинских дронов была, потом начался артобстрел. После артобстрела начали «Градами» бить уже по Гончаровке. В городе было разрушено три здания. Украинцы били со всего, что можно. Рядом с сушилкой был прилет, но снаряд не разорвался. Получается, повезло просто всем, в том числе и мне, что не разорвалось, так много людей погибло бы. Прилетали по магазину. Я ехал очень быстро, дроны летали, слышно было.

Брат у меня ездил в Суджу с другом за семьей. Задеяли нормально, собрали семью, начали выезжать, и их машину обстреляли. Три пулевых отверстия в лобовом стекле. Повезло им, чудом они выехали.

**Сергей Михайлович Тишаков,
житель села Кульбаки
(Курская область)**

Я ехал проведать дедушку в село Кульбаки. Украинский дрон шел за мной. Проехал по куче, и в этот момент произошел сброс на мою «Ниву». Были сбросы на автомобили, на все движущиеся. За любыми автомобилями, за любым транспортом идет охота.

Еще год назад в деревне Елизаветовка были украинские минометные обстрелы. То есть удары направлены по ангарам, по складам, по всему. На этот момент там работали люди.

*Валентина Григорьева
Худякова, житель села
Мартыновка
(Курская область)*

Было очень громко, страшно. Утром я пошла на работу во вторник, были обстрелы. Я говорю, давай собираться. Как-то оно страшнее и страшнее. Все громче и громче. Мы несколько раз бегали в подвал, сидели в подвале. С понедельника на вторник, где-то часа в четыре, я встала, газа уже не было. Оказывается, они подорвали газопровод и перекрыли газ. Где-то часов в 10 во вторник перестал свет. Пошла снова на работу. Украинцы целенаправленно били сперва базу. База — это наша организация. У агрофирмы Ново-Ивановка, там и КамАЗы были, и трактора были, в общем, техника стояла, склады с зерном было. И они туда били.

На работе мы с девочками управляемся хозяйством, летит дрон. А я кричу: девочки, дрон. Прятались под кустами. Пролетел украинский дрон. Пролетел и туда куда-то в сторону села. Слышим оттуда взрыв. Что-то они подорвали там. Горит все черное.

В среду говорю: девчата, разбегаемся по домам. Будем где-то в подвале укрываться. Бегу я домой, я еще не знала, что по дороге горят машины. Я бежала по посадке.

Хотя уже был слух, не бегайте, не едьте по трассе, бьют дроны, горят машины, люди.

Когда я пришла до дому, оказывается, с нашей улицы мы уезжали самые последние. Мы попрыгали в машину и уехали в Мартыновку. Только мы подъехали, еще не успели с машины вылезти, и дроны начали один за одним, как будто они нас ждали, за нами охотились. И тут опять гук, гук, и полетели «Грады» осколочные. Полетело все, слышим только бах на дворе. Муж говорит, давайте отсюда сваливать. Мы выходить, и не тут-то было.

Потом где-то туда на дом упало. Загорелся дом подальше. Слышим взрыв. Опять летит что-то. Мы все закрываем, прыгаем в машину. Но тут дроны летают, нам выехать нельзя. Видим на трассе горит. Он говорит, знаете что, если Бог спасет, мы уедем. И мы рискали.

Украинцы охотились на нас. Видели, что гражданская машина. Муж говорит: скорее всего, машину заметили. Но мы в лесок ее под дерево загнали. И сами так деревце, как говорится, обняли и стояли не дыша, не шевеля. И оно над нами кружило-кружило и полетело. Там еще соседи около дома оставили машину и уехали. Горело, наверное, машин шесть. Я говорю, сколько можешь, выжимай, гони, а мы будем только молиться. Он говорит, смотри, дроны, если что в кукурузу или в посадку куда-нибудь. Я говорю, успеем мы выскочить. Проезжаем, там машина горит. Едем дальше, снова машина горит.

Мы мимо этого дыма, мимо этих машин, все полыхает. Может, и люди там сгорели. Мы пролетаем, приехали мы в село Больше Солдатское. Я просто не могла уже с машины вылезти, плохо мне было, мне кажется, и ноги отнялись, и руки. А 22-го украинцы били по Козырёвке.

Дома горят, побили дома, и стены вылетали, и заборы у них попали.

**Наталья Александровна
Иванникова, житель села
Гочево (Курская область)**

Украинские дроны начали летать очень часто. Муж вышел за коровой, услышал, что жужжит в небе. Поднял голову, увидел дрон. Начал убегать, а он за ним гонялся. Низко уже опустился, вот-вот к нему. Муж забежал спрятался. Там у нас беседка на лугу стоит, и он в нее спрятался. Дрон покружился, покружился и улетел дальше. В этот день взорвался дрон возле церкви.

**Михаил Иванович Чудинов,
житель деревни Гирьи
(Курская область)**

ВСУ зашли в деревню, и мы решили срочно выехать. Собрали вещи, погрузили, стали уезжать.

Нам навстречу ехал украинский БТР. У нас гражданская машина, Hyundai Solaris. Мы заехали в сторону лесополосы и убежали в лес. Подъехал БТР и расстрелял машину в упор. Они, видно, хотели вывести свое зло на мирных жителей. Потом дал очередь по лесополосе и уехал. Мы

немножко пришли в себя и пошли в сторону дома через лесополосу.

Моего товарища, вместе с ним работали, атаковал вражеский коптер. Он ехал, уезжал, и он его догнал. У него ранение ноги. Осколочные, множественные осколочные ранения ног. Машина легковая тоже сгорела.

*Елена Николаевна Тюкина, Сергей Александрович Лукьянчиков,
жители села Белица (Курская область)*

14 августа мы с мужем выезжали с поселка своего. И летит нам в лобовое. Муж говорит: все, нам хана. Успел он крутнуть немножко руля, и бьет в капот.

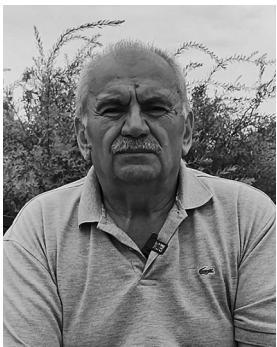
Муж говорит, давай быстренько, он уже все понял, что ему попало по ногам. Он все говорит: мне ноги. Спасло нас, наверное, то, что были хорошие глубокие кюветы. Стояли деревья такие прямо объемные, что можно было спрятаться.

Я в шоке, в панике. Он весь в кровище. Кое-как мы начали двигаться. Ехала просто машина, люди увидели,

остановились, нас подобрали. И в этот момент, когда нас подобрали, еще один хлопок, мы уже поняли, что да, по машине еще раз ВСУ ударили. Видимо, они, наверное, несколько раз, может, они за этой машиной хотели, в которую мы вот уезжали. Потом ехал мужчина с женщиной уже в преклонном возрасте, они нас подобрали. Поехали до поселка Коммунар, там уже ему начали первую помощь оказывать, перебинтовать что-то. Две недели уже отлежал в больнице.

Зачем ВСУ нужны мирные люди? Зачем они палят, жгут дома нам? Выстреливают наше хозяйство. Люди жили всю жизнь, наживали это все. Причем тут мирные люди, Россия? Мы им помогали всю жизнь. А над нами издеваются.

Пускай больше людей знают об этом, пишут об этом.

**Николай Иванович Кобозев,
житель села Плёхово
(Курская область)**

У нас еще до 6 августа происходили обстрелы мирного населения. ВСУ били по подстанциям, по водонапорным башням, прилетало по деревне. 6-го, когда они начали обстреливать Суджу, и по нашему населенному пункту сразу прилетело.

Каждых пять—восемь минут дрон через нашу деревню Плёхово в сторону Суджи. На седьмого слышим канонаду. Поступила информация, что Суджу эвакуируют. И мы тоже решили уезжать с нашей деревни. Перед тем как уехать с деревни, я был в доме и ко мне во двор

прилетел то ли минометный снаряд, то ли с дронов сбросили. Пострадал угол дома, повыбивало стекла, двери. Я заскочил в доме в ванную, минуты две-три там находился, затем выскочил с дома в чем был, машина стояла возле дома под деревом, и я сел и поехал в Курск.

У нас у Сергея Гломоздина контузия была, украинский дрон сбросил на двух гражданских — Сергея и Женю, у них контузия была. 7 августа они находились под деревом, и на них спикировал дрон. Целенаправленно, видели, что это гражданские люди, гражданские — они их атаковали.

Непосредственно в нашей деревне наших военных не было. Вокруг деревни, по лесам, по полям они располагались. ВСУ просто мирных жителей обстреливали. Наверное, чтобы страх у нас появился, паника появилась, я думаю, чтобы нас уничтожить.

Я сам глава крестьянского фермерского хозяйства. У меня была техника. На сегодняшний момент я знаю точно, что ВСУ угнали из села четыре трактора. А на видео, что показывали, техники, я посмотрел, у меня в ангаре нет. Все забрали. Забирали у людей машины возле дома. У нас там на нашей территории были четыре фермера. У них аналогичная обстановка, тоже технику укради. Вернемся, тогда будет видно.

Илья и Денис, жители города Суджа (Курская область)¹

Мы выходили на трассу на Курск. Первый раз нас ВСУ обстреляли, когда седьмого к вечеру мы решили

¹ Интервью с пострадавшими проведено журналистом интернет-издания Readovka.

съездить за продуктами. Поехали в Большое Солдатское, и рядом с магазином «Светофор» по обе стороны сидели уже вэсэушники.

Начали сразу стрелять, без разбора. И расстелили противотанковые мины через дорогу, но проехать можно было.

Мы маленько пригнулись, и только проехав мины, я уже начал вилять по всей дороге, чтобы вероятность прилета по мне была минимальной.

Утром 8 августа мы собрали уже все семьи. Как раз та семья, в которой парнишка знакомый погиб, ехала со мной, с Ильей ехали уже две другие. Во второй семье была девушка с ребенком маленьkim, 4–5 лет.

Илья отправился следом за мной, я опять как головной ведущий. Мы решили выехать тем же путем, через который приехали вечером ранее, 7 августа.

При подъезде к кольцу, где-то метров за 250–300, по нам вэсэушки уже открыли огонь. Как только мы выехали я уже чувствовал, что у меня начало уводить заднюю часть автомобиля, а мы ехали 140 км/ч. Только тогда я, уже оттормозившись, понял, что мне прострелили колесо.

Илья

Денис начал замедляться, я его обогнал. И ближе к Большому Солдатскому, когда я уже подъехал, мне позвонил Денис, сказал, что у нас раненый. Я быстро развернулся, к нему где-то за 5 минут уже подъехал, выгрузил своих людей и уже посадил раненого.

Мы поехали в Большесолдатский район, поехали на Курск в областную больницу. Там уже было все подготовлено, нас уже сопроводили, раненого забрали, и спустя два часа...

Денис

Он умер, скончался. Я его лично знал, так как мы учились в одной школе, у нас разница в 5 лет была.

Наталья Попова, житель села Гуево (Курская область)

Село Гуево в 18 километрах от Суджи. ВСУ начали ездить на джипах, флаги свои понавесили, этих тряпок своих.

У меня бабушка во время войны была, и я историю читала. Это же не люди, эти украинцы без земли, проданные Европе, это поляки, это непонятно что приехало. Кто же тебя живым оставит? Вот они сейчас для заграницы пишут, что они хлебушком людей кормят, а сами-то там грабят. Фашисты тоже сначала шоколадом кормили, а потом на кол садили людей.

Хотя уже люди оттуда позвонили, говорят, того убили, того убили. Мы сейчас даже не знаем правды.

У нас много в селе, когда люди уходили, уезжали и машины оставляли в гараже. Люди как-то по спутнику смотрят, свое село знают, примерно дома. Он говорит, вот машина стояла вчера, ВСУ прямо выгнали ее во двор. Машины все стояли во дворах, они повыгоняли. А на следующий день люди говорят, машины нету моей. ВСУ угоняют себе. У нас она не новая, но жалко.

Мы, когда уходили, собирались в одном доме все. 25 человек. Пошли, а там уже начался кошмар. Увидят дрон, все бегут под дерево или тихо-тихо сидишь, перебежками бежали к лесу. Шли двое суток. И дети тоже. Но дети молодцы, дети ни звука. И две девочки, двойняшки, че-

тырнадцать лет. Вообще 10 детей шло. Самой младшей, по-моему, два с половиной года — Арина.

Очень дроны не давали идти. Если они заметят, они же кидают бомбы, ну, взрывают. Видишь, а их тьма, последнее время их вообще столько стало. Они не давали нам житья, даже в селе. Вот машина стоит на дворе, они кинули, спалили. Они нас два года обстреливали сначала, с Украины летало эти. Но дронов столько не было.

Дроны ВСУ летают, и их много. Вот машина стоит, они ее разбили, они на дом кинули. Они как играются. Спалили машину и еще одну спалили просто.

В общем, ВСУ — твари. Надо их побить.

**Сергей Николаевич Жердов,
житель села Большое
Солдатское (Курская область)**

С 9 на 10 августа ВСУ уже захватили, начали обстрел Большого Солдатского. В 6 утра начали, короче, слышны прилеты. Попали сначала в больницу, в морг. Я вышел из дома, и они попали на дорогу, а потом попали в наш дом.

ВСУ сначала в больницу попали, потом начало по дороге. Живу там недалеко от больницы, от администрации. И они начали бомбить милицию. И прилетело рядом с моим домом, прямо напротив моего окна. Я получил ранения осколочные — колено, потом со спины, перебило ребро, задели легкое и в печень, посекло немножко.

Знакомый погиб. Учился со мной в школе, на год младше. Дементьев Игорь. От украинского обстрела. И еще Долженко Саша, он учился на 2 года младше,

работал в пожарке. Он поехал с женой ходить кормить. Покормили, назад вернулись, ехали через Горянку, на них скинули дрон гранату. И жена его в очень тяжелом состоянии, все лицо разорвано, а ему почти голову оторвало. Он сразу погиб на месте, а жену направили в челюстно-лицевую в Москву.

Он ехал на обычной гражданской машине, ехал короткими тропами, по трассе побоялся ехать, и все равно там его достали. По трассе уже стояли горелые машины. Гражданские люди, которые эвакуировались, их обстреливали.

*Сергей Борисович Безручко,
житель города Суджа
(Курская область)*

С 5—6 августа начался сильный обстрел. Я утром прошелся по городу. Здание прокуратуры было полностью разбито. На гостинице нет крыши, соседние дома сильно посечены, стекла осколками.

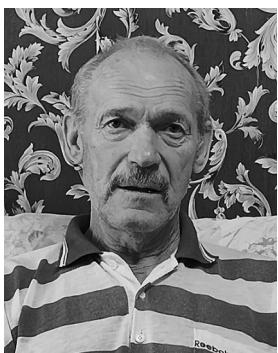
Украинские войска обстреливали мирный город. Преследовали свои преступные цели. Если регулярная армия ведет войну с мирным населением, это террор просто. По-другому нельзя никак назвать.

7 августа мы проснулись утром — я услышал стрелковый бой. Пулемет тяжелый сильно бил. На тот момент связи не было уже никакой и невозможно было узнать, не было ни электричества, ни интернета. Я сделал вывод, что надо своими силами выбираться из города. С мамой вдвоем мы собрали два пакета документов и подошли к выезду

из города. Нас подобрала машина и на большой скорости довезла до Большого Солдатского. На тот момент уже по дороге были машины, сгоревшие от ударов украинских дронов. Гражданские машины. Военной техники подбитой я не видел. Мы ехали на очень большой скорости, шел дождь, и была как-то такая низкая облачность. Я, насколько знаю, что дроны в это время они особо не летают, не запускают. Наверное, это нас, скорее всего, и спасло.

А до этого, за неделю, я на моих глазах украинский дрон ударил по машине, по гражданской, припаркованной у дома у частного. Вот я спрятался за деревом, он подлетел на центр дороги и ударил. Машина была полностью разбита.

**Николай Николаевич
Зазеленский, житель деревни
Куриловка (Курская область)**

6-го числа августа в 3 часа ночи начался сильный обстрел. Пересидели до рассвета. И где-то часов в 7 утра зять и дочь старшая с маленьkim ребенком, четырехлетним, решили уехать из деревни. Они поехали не по трассе, а поехали по полям, через кукурузное поле и подсолнечное. Обстрел нарастал. Мы тоже поехали.

Не поехали по трассе потому, что там уже украинцы расстреляли несколько машин гражданских. Мы тоже решили по полям. Заехали на Чехово. И здесь опять начался сильный украинский обстрел. Это кассеты, потому что они взрывались в шахматном порядке все время. Жена сказала: у тебя кровь, вся рубашка в крови. Я не понял,

я даже не почувствовал удара. Потом, когда они меня перевязали, я решил скорее убегать надо куда-нибудь.

Гражданские машины по посадкам горели. Люди даже... Все были гражданские. Я давил на газ, чтобы быстрее доехать, но уже перед селом я уже почти терял сознание. Но успел доехать. Там мне оказали первую помощь. Поставили дренаж. Пересадили меня на скорую помощь и отвезли в Курскую областную больницу.

Оказалось осколочное ранение. Через легкое прошло.

ВСУ — это фашисты какие-то. Это только может фашисты такое могут делать. Они просто как в сафари, расстреливают всех. И получают от этого, знаете, удовольствие. Это же уже не люди, это просто уже звери какие-то, их надо вот так же уничтожать. Я их уничтожал бы сам.

**Михаил Фёдорович
Воронцов, житель села
Замостье (Курская область)**

7 августа вечером я выезжал из Суджи на объездную. Поднимаются вдвоем с синими повязками на голове и на рукаве. Один вскидывает оружие, я по газам. И когда по газам, слышу, что получил по машине. Получаю, стекла посыпались, я получил у головы. Выехал уже на объездную, теряю на какое-то время сознание. Скорость сбросил, но потом слышу горох по колесу, очень сильный. Я по газам, по газам, с третьей переключился на четвертую, через этот железнодорожный переезд, мост, переехал на объездную и уехал.

По дороге видел, машину расстрелянную, сгоревшую. Еще несколько машин. «Хонда» стояла, тоже была расстреляна, но не сгоревшая. А две машины были сгоревшие. Гражданские машины были сгоревшие.

Когда я приехал сюда, в Курск, мне вызвали скорую. Меня привезли в больницу, и там девочка всю дорогу говорила, ей 7 лет, что украинцы папу убили, а мама тяжело раненная лежала. Эта девочка сильно была посечённая.

А потом привезли с Куриловки женщину, 74 года, сына застрелили. Она была в синяках, ВСУ просто били ее. 74 года женщина была.

Лежал Николай, чья машина была расстреляна и квадрокоптер залетел. Максим с пулевым ранением. Он на своей машине, у него «фольксваген», ехал и его тоже ВСУ расстреливали, сидели они на шиномонтаже.

Это для того, чтобы нас запугать. Но это бесполезно.

**Вячеслав Викторович Ларин,
житель города Суджа (Курская
область)**

6 августа, начало 3-го, начались обстрелы по городу Судже. Все спустились вниз. Одним словом, спрятались. Сидели, наверно, часов до семи утра, немножко начало стихать, вышли.

Я выезжал с территории, и дрон прилетел под машину мне. У меня 20-тонный тягач DAF. Я с прицепом выезжал за пределы Суджи. И в один такой момент дрон у меня просто под машину пролетел. Мотор меня прикрыл, моторный отсек.

У меня осколочные ранения в ногу, правую голень. Я перетянул себе ногу тремя лентами, чтобы кровь не вытекала, вены порванные были. Дозвониться ни до кого не мог, связи не было. Брат меня из Суджи вывез в Большесолдатский район в больницу.

Когда с братом выезжали, машины, и гражданские и грузовые, уже горели по подъему к Мартыновке из Суджи, на выезде из Суджи. Уже были подбитые машины.

Украинцы — нацисты, одним словом. Истребляли людей.

*Ирина Григорьевна
Морозова, поселок Коренево
(Курская область)*

5 августа вечером начался обстрел. У нас отключили изначально газ, потом свет и воду. С 6-го числа, буквально с самого утра, уже начались такие выстрелы, которые заставляли трястись стекла в домах. В поселке не было военных. Военные стояли между селом и поселком.

У меня мама пожилая, 82 года, Мы думали, что это все ненадолго, а 9 августа вообще было просто беспросветно, выйти на улицу страшно. Мы сидели в одной комнате практически без движения. Собак в охапку взяли, света нет, покушать нечего.

Выстрелы были беспорядочные. Непонятно, были ли у них какие-то цели или не были. И в огород прилетало, повредило дома, дом сгорел. Один раз прилетело, отбило кусок от дома, а второй раз прилетело, он вспыхнул, как

спичка. Много поврежденных дорог, огромные воронки. Стреляли периодами, отстреляют — и на какое-то время тишина. Тишина, если честно, пугала даже еще больше, чем выстрелы. Потому что ты сидишь и ждешь, куда в следующий раз это все прилетит.

Парень этот, Иван, приехал, подождал, пока мы самое необходимое побросаем. Документы взяли и в чем были вышли, он нас вывозил.

На выезде из села Коренево, не доезжая моста, украинцы машины расстреливали. Машины, естественно, гражданские. Люди пытались выехать, а в село уже зашли военные ВСУ.

Люди пытались на своих машинах выехать из села, а их расстреливали в упор из автоматов. Выезжало пять машин, и всех расстреляли. Ни единого человека в живых не оставили. Пять машин выезжали семьями. Минимум 15, а то и больше убили. Сказали, живых не осталось никого.

Люди из села Коренево тоже рассказали, что когда ВСУ заходили, то просто расстреливали автоматами, автоматными очередями, не смотря, кто там — старики, дети, взрослые люди. Это где улица Барановка и центр «Гигант». Они сжигали дома и расстреливали людей.

**Алла Федоровна Левченко
(75 лет), житель деревни
Журавли (Курская область)**

Мы сидели во времянке, и вдруг осветило всё. Мы попадали на пол. С пола поднимаемся, Володя весь в крови уже. Четыре раны — осколок один вытянули маленький,

а большой не вытянули, правая рука ранена и под сердце. Котел разбит газовый, газовая плитка полностью стекла, труба пробита, холодильник пробит. Обстрел Украина вела. Приходит сосед Вася. У них окна разбиты, баня вся побита, попростреляно все, собака убитая.

Одна женщина рассказывала, что украинцы едут и стреляют прямо по заборам, везде. Где мирные жители. Такие снаряды летели прямо через хаты. Ехали и стреляли.

В Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными указывается: «С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей Конвенции» (статья 13 раздела II), а также «Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным» (статья 17 раздела III).

Собранные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов (председатель – М.С. Григорьев) и Фондом исследования проблем демократии многочисленные свидетельства жертв и очевидцев доказывают, что ВСУ целенаправленно и на системной осуществляли пытки военнопленных, что в международном праве квалифицируется как военные преступления. После 2014 года такого рода пыткам системно подвергались ополченцы ДНР и ЛНР¹.

¹ См.: Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение (второй доклад), Фонд исследования проблем демократии, 2015 г.

Побывавший в украинском плену российский военнослужащий, позывной «Лютый»

В 2023 году меня захватил батальон «Азов». Отвели в подвал к себе, и там уже началось. Электрический ток. Этую канитель они подключали на два провода, и начинали идти разряды. Пытали электротоком. Всех. Всего нас собралось 29 человек. Спрашивали личные данные, а это телефонные данные родных и близких и соцсети. Военных вопросов не задавали.

Били током и дубинками по коленке долбили и обещали, что не буду ходить, а если буду, то недолго и небыстро. Били по костям и везде две недели. Током били всего раза два в день и просто били 3–4 раза в день, а после 10 вечера заходила бригада пьяная и до 6 утра били. Всю ночь. 5–6 человек били. Мы сидели с руками связанными, ногами и на бетоне, с глазами завязанными.

Били еще руками и ногами, некоторым отрезали носы, уши, пальцы и потом полностью утилизировали. Убивали.

Один был мобилизованный, он их обманул, нашли его в соцсетях. Пришли, сказали, что ты нас обманул, пятое-десятое. Сначала били током минут 30, потом отрезали нос, пальцы на руках. Чтобы другие не обманывали. Таких уже на обмен не берут. Убили.

Второго тоже били долго, но его прям приводили и показывали нам. Избивали ради удовольствия. Один украинец, я так понял, был офицером, и он избивал и вырезал треугольники на теле людей.

Потом подводили к телу, снимали у нас повязку с глаз и показывали, что снято на теле мясо на ребрах прям полосками. Прямо вырезали, чтобы он прям прочувствовал. Бока посрезали, ножичком протыкнуто между ребрами, треугольники. Он перед смертью отошел, хрипел, а они думали, что он сдох, а они «Ах ты ж падла, еще живой» и они его забили насмерть.

К мертвому телу подводили и спрашивали «Хочешь так?», а ты ж нет, ну они «А ты следующий». Вот сидишь ждешь своего времени.

Спать нам не давали, есть нам не давали. Зашла один раз медсестра и выбила нам еду. Это две пластмассовые ложечки макарон. А вечером она зашла с ними бухая, и пошли они дальше нас избивать.

Мы их лиц не видели. Если бы увидели его, то нас сразу бы убили. Тот, который умер, видел его лицо. Ему сказали: «А ты хотел на меня посмотреть?», и он его добил. Повязку с глаз нам не снимали, руки тоже не развязывали, их заматывали скотчем. Иногда доматывали и не просто запястья, а до локтей. Ноги тоже связаны.

При мне с ума сошли двое, и их даже не поменяли, потому что таких не меняют на обмене. Галлюцинации у них были. Кто-то уже пошел в магазин за пирожка-

ми — человек уже ничего не понимал. Конечно, сразу его били, но человек-то уже все равно с ума сошел.

Потом им запретили всех потрошить, но для удовольствия в недельку одного можно и избивать, избивали, но не потрошили всех. «Азов» говорит «Хорошие русские — это мертвые русские» прям открыто.

Когда нас загрузили, то отвезли в Киев, там посмотрели, кого на обмен, но никто не был готов — все в таком состоянии были... Приводили нас в товарный вид месяц и неделю. Лечили нас, и мы на кроватях спали, и нас два раза в день кормили. Приводи в порядок, чтобы не видно было следов избиений.

«Азовцы» — просто безумные люди, которые получают от этого удовольствие. Туда набирают именно таких, которые маньяки. Им нравится, когда человек орет. Если ты выдерживаешь, то тебе добавляют. В чем находить кайф, если человек связан возле стенки, а они ходят по кругу и бам-бам, потом устал и следующий, потом третий с палкой. Это происходит всю ночь.

Этот батальон «Азов» вообще надо уничтожать, потому что там нелюди. Есть фашисты, которых надо убирать.

Я сейчас приведу себя в порядок и обратно на фронт.

Побывавший в украинском плену российский военнослужащий, позывной «Сбер»

Украинцы меня захватили 31 мая 2023 года. Вечером нас увезли на БМП в какой-то штаб. Мы были с завязанными глазами. Они начали нас допрашивать и увидели, что у меня блеснули зубы золотые, и выбили мне мост. Думали, что золото, и вытащили изо рта.

Говорили нам, что в любой момент могут расстрелять, потому что мы нигде не числимся как военнопленные, а они могут расстрелять, и никто не узнает. Мы в одной комнате сидели пять человек. В течение ночи пришел их комбат и отвесил нам оплеух какой-то железкой, и у меня шрам остался. У меня же мешок на голове был, я почувствовал, что только чем-то металлическим ударили.

Побывавший в украинском плену российский военнослужащий, позывной «Стира»

В мае 2023 года меня взяли в плен. Были избиения, били хаотично, чем придется, где прикладом, где ногой, где обоймой, могли стрельнуть, пугали расстрелом.

Руки сзади связывали и вверх потихоньку подымали, соответственно, выворачивают плечи тебе. Держат не меньше часа так.

Побывавший в украинском плену российский военнослужащий, позывной «Михей»

В украинский плен я попал в конце мая 2023 года. Когда по позициям шли, они хотели мне и голову отрезать, и уши хотели отрезать. У меня руки были связаны и глаза замотаны скотчем. Я слышал, они говорили: «Дай я ему отрежу уши, они ему все равно не нужны. Для допроса ему и без ушей нормально будет». Меня уже остановили и на землю положили.

Потом избивали. Перевозили раза три-четыре с места на место. Привезли куда-то в домик какой-то, я сидел

на бетоне. Холодно. Потом перевезли в другое место, то ли старое СИЗО или тюрьма. Камера на четыре и десять человек. Один там рассказывал, что его настолько добили, что он весь синий был. Отбили голову, и еле вспоминал, кто он сам и как зовут.

Ударам дронов-«камикадзе», сбросам гранат и взрывчатых устройства с БПЛА Вооруженные силы Украины также подвергают дома мирных граждан и в новых регионах России. Это делается намеренно и при полном понимании мирного характера домов и их жителей.

***Александр Сергеевич
Столярчук, житель города
Васильевка (Запорожская
область)***

Под самый Новый год украинский дрон-«камикадзе» прилетел в мой дом. Дом теперь под снос. Всю жизнь старался, тянул, чтобы построить этот дом. Все даром.

Теперь все сносить и разбирать. Пробило крышу, разорвало. Стены даже с фундамента посходили, такой силой был взрыв. Хорошо, что нас в тот момент не было дома. У ребенка каникулы в школе, мы вывозим ее до тещи.

В октября 2023 года обстрел был. Каждый месяц раздаю людям гуманитарную помощь. Порядка 150–300 человек получают. И в этот момент, при этой раздаче, начинается обстрел. Все рядом непосредственно,

осколки долетали. Кто своим ходом убегал под крыши, кто по стеночками. Бабушек, которые маломобильные, сажали в машины и развозили подальше от этого места обстрела.

Не знаю, зачем обстреливают. Может быть, ВСУ не нравится, потому что, на моё мнение, люди намного лучше жить стали, чем было до этого.

**Никита Коломоец (15 лет),
житель города Васильевка
(Запорожская область)**

Украина нас постоянно обстреливала. Один раз пострадал мой дедушка при обстреле. Он просто шел по улице, начался обстрел. Просто по центру села Луговое, в магазин. Человека пытались спасти, а тогда ни света, ничего не было. Транспорта тоже не было, чтобы выехать из села. У него было сильное кровотечение, отчего вскоре он и умер. В 2022 году.

Потом, как мы переехали сюда, односельчанке попал дрон в подвал, куда она бежала, чтобы спрятаться от обстрелов. И она тоже скончалась сразу. Она бежала в подвал, украинский дрон ее заметил и прямо в нее прилетел.

ВСУ также убивали из стрелкового оружия и подвергали ударам дронов русскоязычных граждан на временно подконтрольных Украине территориях. Это делалось в целях запугивания, а также во время попыток эвакуации на территорию России и для того,

чтобы заставить их выехать на западные украинские территории.

**Украинский военнопленный
Владислав Сыгас
(неонацистское
подразделение «Азов»)**

Я проходил службу на должности водителя взвода материально-технического обеспечения гаубичного артиллерийского дивизиона.

Мы стояли на позиции возле суда на «Азовстали». Были в патруле с сослуживцем с позывным «Дед». Он крикнул «стой» или что-то такое. Я открыл огонь. В ответ ничего не прозвучало. Он открыл огонь, и я тоже автоматически вскинул оружие. Открыл огонь. В ответ ничего не было. Я только увидел два силуэта. Мы их убили.

Подошли. Метров 150. Увидели двух мужчин без оружия. 30–35 лет, один и другой. Оба уже были мертвые. Ни документов, ничего при себе.

После того как мы из проверили, мы пошли к нашему старшему, который был на позиции. Позывной «Оскар». В звании старший сержант, кажется. Мы ему все рассказали, как было. Он, насколько я помню, доложил старшему руководству, и нас отослал обратно на маршрут патрулирования.

Он послал других ребят, чтобы тела занесли в середину, чтобы они не лежали на улице. Потом должны были потом приехать от наших старших, чтобы завезти из куда-то.

**Флорида Закировна
Трошина (73 года), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Такая хорошая была девочка. Счастье моё. У меня такой уже не будет никогда в жизни. Они пошли звонить внучечке. Обратно поехали, и ее задело, вот этот украинский снайпер. Костя — это сын мой — думал, что у нее давление. Юля еще живая была, он за мной прибежал, и мы на тележке ее привезли домой. Она еще живая была. Пуля попала ей в правую сторону спины. Наверное, печень у нее разорвало, потому что крови очень много было. Сволочь украинская стреляла. Она так мучилась. Она сидя умерла. И мы ее потом уже положили на диван. Целую ночь провозились, и смотрим, она уже не дышит.

ВСУ — это фашисты. Не хочу даже о них разговаривать. Вот так вот начнешь на русском, говорят, говорите на украинском, вы на Украине живете. А я русская.

Они Авдеевку обстреливали. Все дома они поразрушили. Это они сволочи. Вот в наш дом только пять раз попадало. Украинцы. Пять раз. Вот в семнадцатом году вообще крыши не было. Вообще не было крыши. Второй раз в коридор попали, вот, нету полкоридора. Украинский прилет. Машинки стиральной нема. Морозильной камеры нема. Холодильник. Все вдребезги. Ни хрена нету. Как меня не убило, я вообще не понимаю. Я только хотела двери открывать. И на меня дверь падает. Они стреляли в нас. В туалет не могли выйти, понимаешь ты? И вот это

второй раз. Третий раз в огород попало. Четвертый раз вон туда попал, вон, в гараж. Ну, это вот как-то, наверное, с дронов, мне кажется. От кассетных погибли Фоменко. Ее мать, муж ее и Сева, у него дом разрушенный, вот их троих сразу. Кассетными украинцы. Виталик ко мне пришел и говорит: Закировна, пойдем, мама убита, обмоешь ее.

***Наталья, житель поселка
Кирова (во время описываемых
событий находился под
контролем Украины)***

Когда мы уже в Ленинском были, прибежал мужчина — у него был простреленный бок и кисть руки перебита. Он сказал, что зашли украинские военные и начали стрелять. У него еще там находился сын, 37 лет хлопцу. Это были украинские военные, они хлопца застрелили, а отца ранили. Он просто успел выскочить, а сына застрелили.

Мы еще знаем такой случай, у нас на Кирова. Там подвал и было человек 12—13 местных. Туда зашли украинцы, постреляли местных, а потом еще взорвали, засыпали. А над женщинами издевались.

А мы для них гражданские, мы, как они говорят, ждуны за Россию. А тот, кто за Россию, значит, крайние.

Люди пропадали. Вот просто женщины выходили — кто-то на рынок вышел и пропал. Как к ее фамилия? Яны мать. Женщина просто вышла, она уже в возрасте. Она вышла на рынок, и по сей день так никто не нашел. Она просто исчезла.

В прошлом году женщина с больницы вышла и исчезла. Было такое, было. И хлопцы пропадали, было.

**Галина Ивановна Полянская
(73 года), житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Я картошку полола. Пули полетели, я за орехом спряталась. А вот у Люды папу убило. Надя, Толик, потом Славик. Украинцы их убили еще до того, как русские зашли. Потом там еще у Любы внука тоже убили. Украинский снайпер.

**Наталья (62 года), житель города Дзержинск
(Торецк; во время описываемых событий
находился под контролем Украины)**

Когда мы эвакуировались, украинцы сбрасывали на нас гранаты с дронов. Они просто бросают на людей, чтобы побить. Мы прятались по кустам. Русские ребята нас прикрывали, они говорили, куда бежать, чтобы остаться живыми.

Украинской власти народ не нужен. Он ей не нужен. Год назад, летом 2023 года, они подгоняли КамАЗ, загрузили туда и раненых, и убитых. А потом они заехали в село, нашли тракториста. Там был частный тракторист с ковшом. Заставили его выехать на окраину села. И ска-

зали выкопать такую огромную яму. Он выкопал. Они выворачивают с этого КамАЗа туда всех. И раненых, и живых. Украинцев, своих украинцев. Просто закопали. Живых и мертвых. Тракторист говорит, что там они живые, там они стонут. Как я буду закапывать? Они: «Закапывай». Подставили ему автомат под ребро, он закопал. Пришел домой, купил бутылку водки и повесился.

Сергей Сухомлин, житель поселка Новгородское (Нью-Йорк; во время описываемых событий находился под контролем Украины)

ВСУ специально сжигали дома. Дроны летают же, наблюдают и вычисляют потом, где кто находится, живет. Ранены тоже были мы с другом. Мы ходили по своим делам. Это опять же было уже ближе к вечеру. Мы сразу не поняли, что это было — резкий хлопок и вспышка. Я помню, что меня сильно оглушило и я потерял сознание. Но потом я уже, когда очнулся, после как-то потерял сознание, увидел, что я уже в какой-то палате в больнице. Мне, оказывается, за это время сделали операцию. Осколок попал мне в кишечник, делали операцию. Потом узнал, что я в Константиновке в больнице. Это был дрон. Скид — сброс был. Да, наверное, скинул какую-то взрывающую гранату. Украинский дрон.

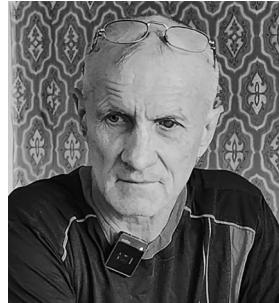
Я сам пострадал от ВСУ. Когда обстрелы начались, я был в этот момент у себя дома. Это было ближе к вечеру... Украинские войска, потому что русские, они дальше были, на своих позициях. Я был на тот момент

в хате, мне попала зажигалка. У меня дом с черепицей, черепицу сразу пораскидало. Внутри начало всё гореть. Ну, я что смог схватил.

Сергей, житель поселка Новгородское (Нью-Йорк; во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Мы жили под обстрелами, жили в подвалах. Сначала в доме, во флигеле, потом в подвалах. Постоянные обстрелы, бомбежки, дроны над головой, носа не высунешь. С украинской стороны летело все. И мины, и снаряды.

С дронов сбрасывали боеприпасы, взрывчатки всякие. Видели, что мирные, и сбрасывали. Было всякое. Даже по воду нельзя было сходить. Там рядом и колодец был. Только увидели, что человек идет, и все, уже жужжит. А ты или падай, хавайся где-то, или...

Анастасия Карабченцева, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

ВСУ сидели на соседней улице и стреляли по нам, если видели скопление людей или топится дым с печки. В основном все люди ста-

рались топить печку ночью или в тёмное время суток, чтобы не было видно, что здесь кто-то проживает. Когда мы спрашивали, для чего вы это делаете... Они говорили: а что вы тут сидите, ждете русских? Они сидели на соседней улице, и оттуда они стреляли, запускали беспилотники, которыми смотрели полностью по дворам, по людям. Если мы стоим, они могли скинуть бомбу.

Один раз мы успели забежать в дом. Сбросили что-то типа гранаты. Другой раз, когда мы гуляли во дворе. Это был где-то 2023 год, где-то за полгода до освобождения. Еще был случай, когда что-то там мы делали, убирали во дворе доски, когда просто рядом упало, вылетели стекла.

Дрон подлетел, увидел, и после этого прилетел следующий беспилотник, и он скинул. Третий случай — это уже когда было с папой, он сидел, что-то делал возле дома. Дрон подлетел, развернулся, посмотрел. Папа сразу убежал, покрутился над домом, облетел и улетел. Он скинул на соседний, четвертый дом, через дом.

***Иван, житель города Дзержинск
(Торецк; во время описываемых событий
находился под контролем Украины)***

Когда началось наступление русских войск на город со стороны поселка Кирова, украинские дроны, которые в простонародье называют «Баба-яга», стали сжигать дома с мирными жителями. Постоянно шла разведка. Они видели прекрасно, где находятся гражданские.

Ночью пролетал этот тяжелый дрон. Сначала он выбрасывал взрывчатое вещество, которое разрушало крышу, впоследствии пролетали другие дроны и сбрасывали зажигательные боеприпасы, и дома горели. Вот за одну

ночь он мог облететь полпоселка и сжечь дома. После этого мы перебрались, начали тушить. По нам открыли огонь со стрелкового оружия со стороны Украины.

Мы все собирались, побежали, спрятались в подвал. Когда увидели, что мы спрятались в подвал, они стали жечь и строение над этим подвалом, и все строения, находящиеся на этом участке: дом там, сарай, гараж, все, что было. Знали, что там находятся мирные граждане. Когда поняли, что мы там находимся, за нами стали буквально охотиться. С подвала было невозможно выйти на улицу, потому что сразу начинался минометный обстрел, либо работали дроны-«камикадзе». Украинские дроны, они сразу же старались, если люди на открытом пространстве военные, их поражать. И на нас они охотились все эти дни. Они на гражданских охотились, на людей. Потому что они считали уже нас чужими. Если они не уходят на украинскую территорию, то, значит, они ждут русских и они враги. Считать нас за людей не стоит. Ну, когда поняли, что мы там находимся, за нами стали буквально охотиться. С подвала было невозможно выйти на улицу, потому что сразу начинался минометный обстрел либо работали дроны-«камикадзе».

*Александр Николаевич
Кочетов (75 лет), житель
города Дзержинск (Торецк;
во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

ВСУ вели себя по-зверски. И угрозы расстрелов, и стреляли по мирным жителям. Говорили нам «ждуны» и что расстреля-

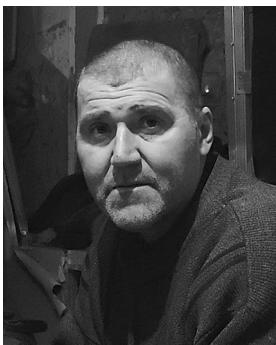

ют. Вот сегодня привезли женщину, кто пришла раненая. На остановке двух парней уложили. Застрелили. Это было две недели назад. Автобусная остановка около клуба.

От них у меня дом сгорел. От украинских дронов. Вся улица сгорела. Это школа 13-я. Улица Петровского. В общем, руины остались. Вообще ужас. Удивительно, если вы посмотрите, как мы вышли с этого ада. Нас ребята, российские военные — мальчики молоденькие, — эвакуировали. А украинцы на нас сбрасывали гранаты с дронов.

Мы выходили ночью. Российские военные — молодцы ребята, им честь. Россия должна гордиться этими ребятами, которые выводят людей. Помогали вещи нести.

А так, вначале, когда мы выходили из горящего дома, украинцы там стояли и улыбались. Ха-ха-ха. И такие самые молодые ребята. Удивительно. Кто их рожал?

*Леонид, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Я хотел мусор выкинуть. Украинский беспилотник был над головой. Там знакомый есть, Виталий, он в подъезде был, ему осколок попал, а меня так глухнуло... Так взорвалось, что я сразу оглох, целую неделю тошнило.

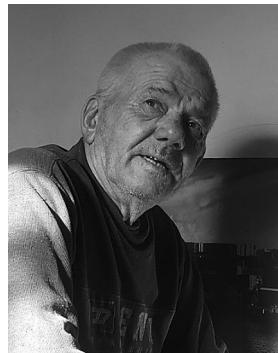
Меня часто взрывали. Возле подъезда сидел на работе, чай пил. Что-то бах просто. Выстрела не слышно, просто взрыв, даже свиста не слышно, взрыв, ничего не вижу, а я валяюсь за лавочкой. Другой раз с бригадой сидели.

Беспилотник летит, один решил пошутить, ручкой помахал. Он развернулся, завис и по нам.

**Сергей Егорович Микулин
(76 лет), житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Украинцы стреляли по городу. Вот поздравление два года назад было, поздравили с Днём шахтёра. У одной женщины мужа убили на Химике. Одного спасли, а Романа не спасли. 8 сентября во двор к нему прилетело. Там воронка была ой-ой-ой какая. Его ворота были возле моих ворот. От украинцев летело.

А когда украинцы уходили, бросили ко мне гранаты. Вот одна граната в этой комнате, вторая в спальне ещё. Вот здесь вырвало всё. Бросали гранаты они, когда уже тикали, идиоты.

**Иван, житель города Дзержинск (Торецк;
во время описываемых событий находился
под контролем Украины)**

ВСУ проявляли агрессию по отношению к гражданским. Были и избиения, и угрозы оружия. Часто пьяные, неадекватные украинские военные. Они местным жителям угрожали и по политическим, и по национальным признакам. Люди, считающие себя русскими, для них были враги. Они говорили, что они нам покажут, они нам здесь устроят, если мы будем отсюда отходить, мы тут

все сровняем с землей, мы здесь оставим пустую землю после себя. Ну так впоследствии они и поступили. Наш поселок практически полностью уничтожен.

Если российские войска стреляли и попадали куда-либо по необходимости, там находился либо склад, либо личный состав украинской армии, они наносили удары точечно. Украинские военные никогда с этим не заморачивались, а наносили удары, как бы сказать, у них это называлось «покошмарить местных».

У ВСУ были иностранные наемники. Когда мы находились в подвале, во дворе раздалась стрельба, забежали чернокожие наемники. Я потом говорил с некоторыми военными, они сказали, что там, скорее всего, были французы. Они стали обстреливать все здания в этом дворе, по окнам, по гаражам.

Стали стрелять в подвал, где мы находились. Стали стрелять в подвал с автоматического оружия, кидать туда светошумовые гранаты, выстрел с подствольного гранатомета. Практически нас там засыпало. Как мы еще узнали, что это были чернокожие? На улице валялся один из убитых этих наемников. У него была очень хорошая амуниция, бронежилет, каска, оружие натовского образца.

**Доброволец штурмового
отряда «Штурм»
«Александрийской бригады»
с позывным «Луна»**

Под селом Червонопоповка, или же Краснопоповка, на господствующих к западу от нее высотах находились позиции украинских войск

«Пасека». Это была разрушенная пчелиная пасека, на которой они закрепились еще осенью. Ее потом, в конце декабря, взяли наши соседи, с которыми мы тесно взаимодействовали, и потом мне довелось заходить туда самому, чтобы проводить дальнейшую разведку местности.

История этой «Пасеки» такова, что во время взятия ее под контроль украинские войска, заходя туда, убили самого пасечника, который жил на этой пасеке. Убили и скормили его тело его же собакам, которые там жили.

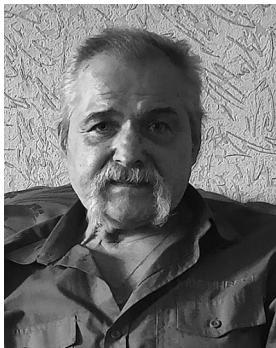
**Украинский военнопленный
Алексей Попов (во время
описываемых событий
находился в Марьинке
под контролем Украины)**

Понимаете, тогда, когда Украина пришла, ВСУ оккупировали наш город и выезжать толком никому не давали. А если те, кто выезжал, те, кто попадался на глаза, соответственно, везли в военкомат или сразу принуждали к службе. Я долгое время прятался. А потом ехал на работу, меня сняли с автобуса и принудили к контракту. С 2019 года.

Я лично видел в Марьинке выстрелы украинского БМП по гражданским улицам. Она стреляла по домам. Было слышно крики. Мы старались не обсуждать эти моменты.

Это в основном все происходит по приказам. Командир взвода отдавал приказ, и, соответственно, его выполнили.

**Владимир Владимирович
Шубин (64 года), житель города
Авдеевка (во время описываемых
событий находился под
контролем Украины)**

Начали они собираться, пришли нацики, сказали так: давай выгружайся, освобождаем машину, машину забираем. Он же крутой парень, он же привык с людьми разговаривать и начал.

У ВСУ мародёрство было. Мародёрство — это как? Увидели где-нибудь хорошие ворота, хороший забор увидели, хорошие двери, окна хорошие. Всё это вытаскивали, грузили в машину и увозили. Машины уезжали, холодильники, телевизоры, всё такое. Два года назад я сидел в городе, там у нас были лавочки с солнечными батареями, заряжали телефоны. Приехал мужчина постарше, говорит, там был арендатор, магазинчик держал. Начал собираться уезжать.

А ВСУ взяли и уложили всю семью. Расстреляли всю семью. Это было года два назад.

**Максим Александрович
Толбатов, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

ВСУ убивали мирных. Были случаи даже, что и в подвалах людей держали. У меня сосед, там дома через

три жил хлопец. Его поймали там эти украинцы, украинские военные. Это он рассказывал. Его держали в подвале. Потом наши пришли, российские военные, наши хлопцы, и отбили его, освободили. А так его держали в подвале.

Они брали там всех подряд. Многих. И пропадали люди. Многие друг друга искали, поехал человек и не вернулся. И вот недавно тоже у нас по улице волонтёры ездили, искали захоронения. Обнаружили тело там, выше нашей улицы, возле магазина. Ну, мужичок, ну, я его тоже знаю, с Тургенева улицы, ну, сосед почти. Видать, долго лежал. Это при укропах было. Взял дома деньги, канистру, видать, за бензином, может, на генератор, света ж нету, и пропал. Жена в истерике спрашивала. И волонтёр обнаружил тело. Он был убитый и давно лежал — ходили на опознание. Убит при украинцах. Так и велосипед рядом лежал, и канистру его.

По нашей улице тоже пацанчик. Там тоже все молодые, тоже долго-долго лежал, тоже давно убит, тоже пропал, в розыск его объявляли. Сейчас нашли, обнаружили. Украинцы его убили.

*Валерий Юрьевич Курбатов,
житель города Артемовск
(во время описываемых
событий находилась
под контролем Украины)*

В нас стреляли с украинской стороны. Мы слышали, откуда летит. Мы ж тоже не балбесы. Даже те женщины, которые были за Украину. А мы ж им потом говорим: «Ты смотри сюда, откуда летит». Оно ж видно. Пока переубедили, но переубедили.

**Виктор Алексеевич (70 лет),
житель города Северодонецк
(во время описываемых
событий находилась
под контролем Украины)**

Я никуда не выезжал. Территория до самой Винницкой области — это исконно русские земли. Русские — это свои.

При Украине я с нового года, 2022-го по 28 июня 2022 года постоянно был в Северодонецке. Первые прилеты я ощутил на себе. Я подошел к окну, и там буквально под носом взрыв мины, прилет из поселка Воронова. Там находились украинцы, а русские были в Гречишкино и Новоайдаре. Ни о каком русском прилете речи идти не может. Русские стояли больше чем за 40 км, а город расстреливался беспощадно. В 11 часов начался грохот страшный. Украинцы загнали «Град» около города, и он мог бить по самой низкой траектории. Били по домам аж до самого автовокзала. Полный пакет по Северодонецку выпустили.

Они стреляли, чтобы создать видимость, что это русские разбивают город. Тяжело говорить, так как я все время там был. Однажды я не стал долго раздумывать, взял засек пять минут, как раз так получилось, что было 54 прилета по городу. Наш город небольшой, маленький город, красивый был. Я взял на диктофон записал 47 прилетов, как его расстреливали.

Привезли гуманитарку из Волынской области или из Ровенской, как только они только отъехали — прилет по тому кварталу, где давали гуманитарку. Мы сначала не поняли, ну миномет слышно же, что стреляет. Только

идиот не поймет, откуда летит. Попали где комбинат, где детский сад.

Я дважды видел, как с перекрестка два украинских «Града» по полному пакету отправляли в район Щедрищево. Стояли два украинских «Града», которые обстреливали Щедрищево, Воеводовку, Кудряшовку, Рубежное обстреливали. Русских войск там не было в тот момент. Они тогда только подходили до Епифановки. Это полный расстрел на месте.

Вода была драгоценностью, которой не было в городе. Скважины были на территории монастыря, это на выезде на Сиротино по улице Пивоварова. Скважина была на Федоренко, 10 и на пивзаводе. Ходили координаторы, у которых в кармане датчик GPS. Он пришел, на кнопку нажал и пошел, а люди остались. Потом по ним прилет.

Однажды была торговля. Собралось человек пятьдесят. Минут через 10 прилет. На монастыре трое убитых. Выдавали пенсию возле магазина АТБ: трое убитых и семь раненых. По Федоренко, 10 одиннадцать человек ранено. Второй раз прилетело, что семнадцать убитых. К сожалению, это все Украина обстреливала.

Украинские военные разбивали витрины магазинов, подгоняют джипы, потом грузят водку и колбасы. Люди уже подходят с тележками, а потом приезжает полиция и набирает тоже. ВСУ продавливали гаражи — выла-мывают, если есть там транспорт, то срезают двери. На станции болгаркой сняли двери и так многое забрали. Пытались и мою машину забрать без колес и аккумулятора.

У украинских военных глаза были чумные. Когда комбинат брали, нашли трех ребят загашенных, и при них было 700 доз наркотиков. Не 70, а 700.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ВСУ РОССИЙСКИХ МИРНЫХ ОБЪЕКТОВ, ЧАСТНЫХ ДОМОВ, БОЛЬНИЦ, ГОСПИТАЛЕЙ, ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

В соответствии со статьей 48 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года «для обеспечения уважения и защиты гражданского населения и гражданских объектов стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов», а в соответствии со статьей 51 «Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений». Согласно статье 51(4) Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающейся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, «нападения неизбирательного характера — нападения, которые не направлены на конкретные военные объекты, — запрещаются».

В нарушение Женевских конвенций Вооруженные силы Украины намеренно и на постоянной основе подвергали обстрелам дома мирных граждан и гражданскую инфраструктуру, включая больницы и госпиталя российских регионов, что квалифицируется как не имеющие срока давности военные преступления.

**Людмила Федоровна
Ковалева (64 года), житель
города Суджа (Курская
область)**

Из Суджи мы эвакуировались 7 августа. Утром около 10 часов мы вышли последний раз из дома. ВСУ целенаправленно стреляли по мирному населению. Был обстрел еще в июне. Тоже они зашли на нашу территорию и обстреливали с нашей территории. Погиб Неткач, не помню, как его звали, в машине. Это мирный житель. Он погиб в машине, водитель был ранен, девочка его, дочка была ранена.

Сейчас 6-го пропала связь, пропал интернет, телефон не ловил у нас уже, не было света, не было воды, только газ был. Попал снаряд в прокуратуру, попал снаряд на улицу Карла Либкнехта, на перекресток.

Сын сходил на Гончаровку, там дом горел. А недалеко были его знакомые, дом их знакомых. Он пошел посмотреть, не они ли горят. И там он услышал диверсионную группу, которая вошла. Он услышал их переговоры, он понял, что уже чужие в городе. И он прибежал домой и сказал все, давай быстро, очень быстро, нужно уходить. Диверсионная группа зашла на Гончаровку, и они ее расстреливали.

Летели снаряды, свистело это все над головой. Мы слышали выход, мы слышали свист, слышали приход. И все это где-то в станционной части было. Это где-то было на дамбе, которая соединяет станционную часть и город, центр города. И нужно было как-то выбираться окольными путями, только из города выбираться. Сто-

ит машина, там наш глава района вывозит людей. Мы пошли, села я, Ваня поставил все вещи, а сам остался, чтобы там еще зайти в свой офис. Конечно, все время свистело, все время падало. У нас два моста на дамбе, и вот мы первый мост проехали нормально, второй проехали, и прям за нами упал снаряд на этот мост. И все время, мы пока вот выехали из Суджи, везде на обочинах машины разбитые легковые, фуры стояли уже сгоревшее.

*Валентина Ивановна
Золотарева (71 год),
житель села Заолешенка
(Курская область)*

Мое село ближе, чем Суджа, к границе. Поэтому мы все это ощутили на себе. Украинские войска только по мирным жителям били. Первую разбили больницу. Поначалу были прилеты. Сначала это раньше-раньше разбили. Крыши там, стекла повыбили. Это поначалу было. Ну ладно, стекла там застеклили, крышу там подлатали немножко. Больница еще работала.

Когда мы эвакуировались, мы проезжали, горели машины. Гражданские. И я закрыла глаза и молила Господа, чтобы как-нибудь добраться, чтобы вот этого ужаса не видеть, не видеть просто. Было страшно.

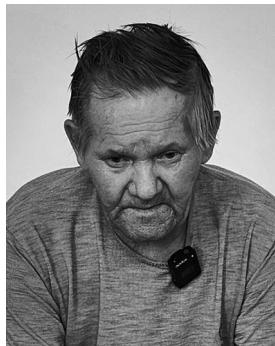
Вот я 71 год наживала, наживала, все это как было. Ой, как хорошо, уже все есть, только бы пожить. Все бросили. Вот это моя сумка, вот с чем я приехала, и платье, и все, больше я ничего не успела взять. Ничего, ничего,

нет, вот эти шлепанцы, вот это вот все, ничего более. Все, что осталось. И не знаем, что там с домами. Я в частном доме живу, не знаю, что там случилось. Останется ли что-то или нет.

***Анатолий Иванович
Слободчук, житель села
Крупец (Курская область)***

24 августа украинский зажигательный снаряд попал в дом, в котором я был. Дом резко запыхал, потому что была сухая, жаркая погода. Я еле успел. В чем был выскочил. На ногах были легенькие домашние тапочки, и они быстро прогорели. А мне пришлось выскакивать на улицу по горячим углям. Поэтому и случилось, что обгорели ноги и подошвы. Еле выскочил.

Украинцы вели обстрел мирных жителей. Когда нас освободили ночью двадцать пятого, оставалось только три целых дома на нашей улице. А было больше полудесятка.

***Валентина Викторовна
Скорикова (65 лет),
житель города Суджа
(Курская область)***

ВСУ стреляли кассетным оружием. Они как стрельнули раз-другой, и она как летит, свистит, и в разные стороны рассыпаются шары

вот эти, и потом мы находили. У нас вот эти штучки все, и пластмассовые детали, и железные такие, и алюминиевые, там их полно валяется. Кассетным оружием они стреляли по нашей деревне, лично по нашему дому.

Мы подошли, посмотрели, что там творится у нас в дворе. Куры валяются, целый мешок кур насобирали, стекла все побиты, веранда вся побитая. Он как ударил асфальт новый, большой, толстый асфальт, все пробито. А дальше брат ходил, там есть тоже выбоина, и там торчит хвост. Хвост какой-то ракеты торчит.

Хотели отметить день рождения, отметили вот таким вот событием, которое произошло у нас. Мы сидели в подвале, в чужом заброшенном подвале. Суджанский район, село Хитровка. Две недели, практически не выходя оттуда. И вот 21 августа я пошла к своей двоюродной через дорогу, метров двести. Пришли и сели к ней во времянку.

Взрыв. Брат мой сказал, это из пушки. И это обрушилось на нас. А сестра двоюродная сидела за печкой поодаль. Все рухнуло с потолка. И я стала вылезать, а с этой стороны уже начался огонь. Если бы я сознание потеряла, я бы сгорела. Нас засыпало. Я вся в грязи, у меня полный рот пыли, грязи было. Здесь кровь течет, грудь лопнула, мне дышать нечем было. И я еле-еле кое-как на коленке упала, кое-как. Кое-как я вылезла оттуда и пошла. Я задыхаюсь, у меня грудь разбита.

Я не знаю, зачем украинцы так делают, я не могу даже сказать. Они там женщину зарезали. Она постарше меня, а сын у них был инвалид детства, его взорвали. И слышала, что они над 14-летней девочкой издевались, насиловали.

И еще у нас мы в храм ходили, там тоже убили мужчину и не дали похоронить. Просто хотели на кладбище

его отнести, летают дроны, вернулись. И выкопали около дома — склонили. Все, не отнесли даже на кладбище. Вот так было.

Как только украинцы прорвали оборону, они там расположились, там такой лужок был, там у них танки стояли. Там убили двух стариков. Лежали где-то там они, два старика. ВСУ ходили, машины выгоняли у людей, у кого оставались они в домах. И ездили. Дома очищали, всё чистили. Суджанский район, село Хитровка. Дома все вскрытые были. Вот это они творили. И по селу Погребки ездили, гоняли на этих машинах наших местных жителей.

А потом еще эти беспилотники. И в основном по нас стреляли. Вот где я сидела во времянке у двоюродной сестры. Времянка начала гореть. И начался дом гореть. И собаки погорели, и утки, и куры, и зайцы, кролики. Все погорело. Все, дом сгорел полностью. Движение было, и они, наверное, дронами это учудили. И все. А наш дом то ли цел, то ли нет, мы не знаем.

**Украинский
военнопленный Артем
Сирик (неонацистское
подразделение «Азов»)**

В подразделении я корректировал огонь с беспилотника. Были случаи, что наносились удары по домам мирных жителей там, где в том районе были замечены мирные жители. Это по приказу Сухаря, это командир батальона.

А стреляли из минометов. Я не знаю, потому что там были и 120-мм, и 82-мм, из каких именно, я не знаю. Били по домам, и там были люди. Мирные жители. Мы это потом с сослуживцами не обсуждали.

**Дмитрий Дмитриевич Тодоров,
житель города Васильевка
(Запорожская область)**

4 января 2023 года супруга кричит: «Сашу убило». Это у нас лучший товарищ, тоже занимался сельским хозяйством, выращивал арбузы. Приехали в больницу, он уже был мертвый, грудь разбитая, ноги разбитые.

Под украинский обстрел попал прямо в центре города. Попало по гостинице. Я только вышел с машины, метров десять прошел, остановился, глянул, тут взрыв, искры полетели. Я бегом под машину и спасся. Ранило меня, но меня спасли. Два обстрела было повторных. Супругу уже откачивали, спасали, а потом заключение — повреждены все внутренние органы дробью. Я получил ранение. Все ноги посечены дробью. Я всё вытаскивал сам. Меня отвезли в Мелитополь.

Еще было 3 марта 2022 года. Все мы были дома. У меня внук и внучечка. Внучке полгодика, а внуку — два года и одиннадцать месяцев сейчас. Внук был с нами, мы в средней комнате прятались, такой взрыв был, и так хата задрожала. Потом смотрю, у меня вся крыша посечена была: осколки, камни прилетели.

В другой раз попали по физкультурно-оздоровительному комплексу. Я лично ездил, видел. Вот тут возле

магазина, рядом, возле меня еще попали. Там попало во двор людям старым, пожилым людям, пенсионерам. Человека ранило в ногу, но спасли.

**Валентина Владимировна
Козлова, г. Токмак
(Запорожская область)**

Очень часто, особенно в летний период, этим летом, украинские наносились удары по городу, именно по частному сектору, именно по жилым домам. Били целенаправленно, пострадали мирные жители, лишились своих домов.

Например, летом на Шевченко, 48. Там напротив дом пятиэтажный. Вечером, уже после четырёх часов, вышли родители с детками на детскую площадку, и в это время был прилёт, целенаправленный прилёт по частному сектору.

Значит, пострадала детская площадка и, соответственно, детки. И одному из детей была оторвана кисть руки, пострадал ребёнок. Дети очень кричали, дети, было очень, как говорят местные жители, очень страшно. Это было что-то из ряда вон. Когда бьют по детским площадкам, когда бьют по жилым домам. У меня, я еще квартальная на микрорайоне. У меня на микрорайон летом опять-таки был прилет, прилетела ракета. Это по счастливой случайности она не разорвалась. Она на полтора метра ушла в землю и не разорвалась. Не пострадал дом, не пострадала линия электропередачи. Приехали сапёры, эту ракету обезвредили и вывезли. Это

чисто по счастливой случайности. Там очень большая скучность домов. А если бы она взорвалась, полулицы унесло бы.

При Украине был постоянный напряг. Постоянные какие-то притеснения. Вот я знаю по себе. Вот у меня, когда ребёнок в школе ещё учился, у нас стала проходить тотальная украинизация школ. Поскольку семьи были русскоязычные, деткам запрещали даже на перемене говорить на своём родном языке. Заставляли говорить на украинском. Ходили, следили, смотрели, чтобы, не дай Бог, вот где-то ребёнок не сказал своим родным языком, который ему близок, дорог, с которым общаются в семье. В магазинах, то же самое в магазинах. В последнее время, если заходишь, тоже был издан указ, что обслуживание только на государственном языке, то бишь украинском. Если обращаешься к кассиру на русском языке, были к тебе претензии и даже могли не обслуживать.

Говорили: или обращайтесь на украинском языке, или же... И кассир говорит, я не хочу, чтобы у меня были проблемы, я вас обслуживать не буду, могут уволить, могут лишить премии, могут еще чего-то. И они требовали, что или обращайтесь на государственном языке на украинском, или же я вас не буду обслуживать, мне неприятности не нужны.

Была у нас комната ветеранов, рядом музей. Там проводили раскопки, находили артефакты времён войны 1941–1945 годов, как немецкие артефакты, так и артефакты советских воинов. И вот когда было собрание ветеранов, один из них задержался и услышал какой-то грохот, шум в себя в комнате ветеранов. Вернулся, а там приехавшие украинские нацисты, которые приехали в этот музей, они громили эту комнату ветеранов. Когда

ветеран стал заступаться, говорил, что вы делаете, они на него набросились, избили, получил инсульт, попал в больницу и с этого состояния не вышел, он умер.

**Наталья Александровна
Романиченко, глава
Васильевского
муниципального округа
(Запорожская область)**

Раньше украинские обстрелы происходили и днем и ночью, это уже было как по графику. То есть в определенное время мы знали, что ориентировочно будет обстрел. На данный момент, к счастью, обстрелов гораздо меньше. Но бывает, к сожалению, страдают люди, есть и раненые, и, к сожалению, погибшие. Но даже в таких условиях пытаемся максимально налаживать мирную жизнь.

На окраинах, в сельской местности бывают дроны-«камикадзе». Но это, знаете, больше с целью навредить, дестабилизировать спокойную обстановку, которая сложилась у нас на территории.

4 января 2023 года был самый масштабный обстрел за все время. Повторный обстрел случился тогда, когда выехали устраниять последствия первого удара «хаймерсами» сотрудники МЧС. И три сотрудника МЧС были тяжело ранены. Буквально в двухстах метрах от администрации были прилеты. Осколками побили и стекла администрации. И когда ты смотришь на улицу, а человек идет, падает, умирает, кто-то с ранением бежит... Это такая ситуация, ну очень тяжело её пережить.

Но в тот момент же понимаешь, что права на эмоции в данный момент нет, потому что эмоции всё-таки не дают здраво принимать решение. А решение нужно принимать оперативно. И вот сейчас времени нет, потому что от этого зависит жизнь людей. И мы вот с ребятами раненых в нашу машину грузили. Отвозили в больницу, потому что другого выбора нет. И людей нужно было спасать. Тяжело очень было, конечно, воспоминания тяжелые. Вечером, конечно, был всплеск эмоций, потому что, как бы там ни было, это гибель нашего населения. Это гибель мирных людей, которые пошли кто-то на рынок, кто-то просто прогуливался средь белого дня, кто-то в магазины, кто-то в гости шел. Семь человек наших никогда уже не вернутся домой. Это страшно.

Но пока сам не коснешься, это воспринимается не так. Когда ты приезжаешь в больницу, на колени там мама падает и говорит: «Наташа, спаси моего ребенка, вот он у меня единственный сын, муж умер. Я не смогу жить, если его не будет». А я захожу в реанимацию, мне говорят: «Александровна, мы его до Мелитополя не довезем, он сам не дышит». Но при этом паренек уже восстановился. Наши доктора сделали просто чудо.

**Петр Степанович Старунов,
начальник технического
отдела Центра переливания
крови города Донецка**

Начался обстрел нашей Республиканской станции переливания крови (Донецк), мы людей со вторых, третьих этажей увели в другую

часть. У нас там маленько типа бомбоубежище еще ниже, там машинный зал. Мы вывели людей в это крыло, как раз как чувствовали, что сюда не прилетит.

У нас на станции более 200 человек трудится, но именно в этом корпусе у нас человек 60 было. Программ третий, четвертый взрывы, очень сильные были. Всё заволокло дымом, снаряд, очевидно, взорвался внутри. Обстрел продолжался минут 40. Где-то 6–8 снарядов насчитали».

Один снаряд снаружи там, где аптечный киоск, и тут под фундамент прям как раз там попал. Был прилет, сильный хлопок, крики раздались. Девчонок там привалило в соседней комнате. Стенка рухнула, вырвало фундамент, вошел снаряд и разорвался внутри. Вырвало фундамент, погнуло все трубы, насосы повыривало и разрушило две стенки. Люди напуганы, но готовы дальше продолжать работать и будем работать.

*Алена Александровна
Карпишина, город Токмак
(Запорожская область)*

В моем дворе, я раньше проживала на улице Кузнечной, там был украинский прилет, это было лето. Мы с ребенком хотели идти гулять к моей матери, но так получилось, что у меня сломалось колесо и мы не задержались в подъезде, и начался прилет в моем дворе. Мы спрятались в подъезде, мой ребенок, соответственно, испугался этого всего, потому что были очень большие взрывные волны. Я ее успокоила как-то. После этого я вышла на улицу, взломана полностью дорога, яма

во дворе. На дороге лежит тело, непонятно, это мужчина или женщина, после чего оказалось, что это женщина, но ее просто сильно травмировало, она насмерть была убита. Ракета была невзорвавшаяся в этой яме, огонь везде, повредили газовые трубы, везде огонь, все люди были очень испуганные, окна повредили.

За неделю до этого был еще прилет тоже в этот же двор, тоже повреждены окна, и в детский сад моего ребенка попало прям в кухню. Это хорошо, что там не было детей, потому что за неделю до этого их эвакуировали. Российские военные нигде там не находились. После недельного пребывания детей в Бердянске прилетело в сад. Прилетело в кухню, как раз соседняя группа моего ребенка. Там повредились окна, стекла были везде разбиты, все было. Дети не ходили уже в садик. Это просто было чудо, что они не ходили в садик.

Для Украины, насколько мне кажется, мы для них считаемся предателями, что мы здесь остались. Мы считаемся здесь для них очень плохими людьми. Мне были звонки со стороны Украины, что мы предатели. Звонили мои знакомые. Она когда-то раньше проживала здесь, в Токмаке. Мы с ней общались. Была подругой моей как бы очень хорошей. Она уехала туда, в сторону Киева. Она живет в центре Киева сейчас.

Она поехала к своей сестре туда, на Украину. После чего начались звонки с вопросами. А где у вас были прилеты? А во сколько были прилеты? А какое именно конкретно место? Потом она сказала о том, что у вас произошел прилет вчера на склад. Извините, что так произошло, но по-другому мы не можем. Простите, что так. Но там же были военные. Я объясняю, что там никого не было, но они настаивают на том, что там были. Прилеты на элеватор. Также, когда у них спрашивают,

зачем вы это делаете. Там же рядом люди мирные живут. Зачем вы это делаете? Они говорят, там же военные жили. Мы им объясняем, там не было никого. Но откуда вы можете знать, если вы находитесь на Украине? Мы же вам говорим, что там никого нету. Что люди даже не хотят нас слушать и будут просто настаивать на своем. Хотя там пострадали люди, которые работали на этой мельнице, на этом элеваторе в ночную смену.

Военных там никого не было. Там работали люди. То есть обстреливали ДОСААФ, это вообще была школа для вождения, это была закрытая школа, которая еще до военных действий закрылась. То есть она вообще стояла пустой, там вообще никого не было. Там закрыты были все время ворота, там ничего не было. На элеваторе там проходили смены, там работали люди. Это была мельница, там муку, зерно продавали. То есть наочных сменах работали люди, которые потом пострадали. То есть находили там тела людей, которые пригорели уже в пожаре, потому что там очень были большие элеваторы. Там очень большой масштаб захватил этот обстрел. Очень было жалко смотреть на это все, потому что я просто рядом с этим элеватором жила.

**Ксения Николаевна
Богуславская, жительница
города Васильевка
(Запорожская область)**

Я отказалась не просто от украинского гражданства, но даже от самой мысли, что я могу продолжать быть частью Украины. Это

очень осознанное решение. Причем я простая женщина из простой семьи. Я родилась в девяносто первом году, и всю мою осознанную жизнь я была украинкой: я училась в украинской школе на украинском языке, я всегда очень любила страну и людей, с которыми я живу.

Мы слышали по телевизору, что где-то происходит какая-то война в Донецке, там ещё где-то. Ну, это же далеко, это же нас не касается.

А в тот день мы с малышкой подошли к полю, где росла клубника. Мы рвали ромашку, а у меня малышка спрашивает: а что будет вообще? Ну, я ещё тогда отшутилась, говорю: ну, не знаю, как-то нас, нас же защитят. И всё. У меня ребёнок остался рвать ромашку дальше на чай, а я пошла посмотреть, можем ли мы вообще дойти до той клубники.

И в это время был первый прилёт в моей жизни. Это был миномёт. Я находилась от моей дочери где-то в двадцати метрах. И вот эти двадцать метров, пока я бежала до своего ребёнка, я даже не понимала, жива она или уже нет, потому что было очень близко. За моей спиной вылетело, как потом уже мы подсчитали, двенадцать окон. От крыш не осталось вообще ничего. Мы успели, никто из моей семьи не пострадал, мы успели уехать. Стреляли со стороны Каменского.

На том момент там русских не было. У меня не было сомнений, что это Украина. Потому что мы видели, в какую сторону они отступали. И меня волновало только то, что как такое вообще возможно. Как моя страна Украина, моя украинская армия могла выпустить восемь, как я уже потом узнала, миномётных, выстрелов, как они могли выпустить в меня, в мою десятилетнюю дочку в платье и в моего мужа в шортах? Он не имел никакого

отношения ни к чему, он вообще работает в магазине. Я до сих пор не могу это осознать.

Вы знаете, прежде чем это всё осознать, мы пробовали ещё держаться за своё государство — Украину. Например, я оформила заявку, попросила помощи. На ребёнка вроде как полагаются деньги, ну хоть какие-то, потому что мы потеряли всё в один день. И вот я честно написала адрес, где я проживаю. И вот по сей день я не получила ни копейки. Просто я получила сообщение, что мне нужно ждать комиссию со стороны Украины, которая оценит ущерб моего разбитого просто в ноль дома и вот обязательно мне помогут. С того момента прошло два года.

Я желаю Украине разума. Просто разума. Никто из нормальных людей не хочет войны. Только разница в нашей стороне и в стороне Украины в том, что мы им сочувствуем. Потому что мы же знаем на самом деле, что живут мирные жители достаточно тяжело. Мы желаем, чтобы они как-то быстрее пережили этот период, а они желают нам смерти.

**Ирина Викторовна Тимчик,
житель города Токмак
(Запорожская область)**

В начале СВО у нас были очень частые обстрелы и был обстрел завода «Прогресс». У нас такой завод был небольшой, но хороший. И в 11 часов ночи начался обстрел завода, очень такой шумный, большой. Пострадал сам завод, практически ничего от завода не

осталось. И частный сектор. Пострадали люди, частные дома. В общем, задели дома, которые непосредственно прилетали рядом с заводом, да.

Из «хаймерса» украинцы били. Попали в частный сектор. Раненые были.

А при Украине жилось не очень хорошо, скажем так. Нас очень ущемляли по поводу языка. Кто разговаривал на русском языке. У нас начался такой прессинг, что в магазинах вообще запрещали разговаривать на русском языке, то есть продавец—покупатель строго на украинском языке. Если кто-то, даже если не продавец—покупатель разговаривают на русском языке, запрещали отпускать.

Просто приходилось уходить в другой магазин по поводу этого, что нельзя разговаривать на русском языке. Потом уже дошло до администрации, что в администрации строго на украинском языке. Документация и, естественно, разговоры только на украинском языке. То есть русский язык, литературу в школе у нас практически исключили, то есть только украинский язык. 9 мая ведь у нас День Победы убрали. 23 февраля тоже у нас убрали. Было обидно за 9 мая. Что 9 мая День Победы и у нас его отобрали просто-напросто. Запретили его отмечать, запретили его. У нас, в принципе, пострадали все памятники, которые были со временем СССР. Вот, приезжали к нам с Западной Украины нацисты. Вот, когда уже демонтаж памятника начался. И у нас наши люди, местные граждане, добровольцы ходили ночью, охраняли памятники, чтобы они не снесли, не разбили ни один памятник.

В центре у нас Ленина памятник был и афганцам. Потом еще какой-то памятник у нас, солдату, разбили памятник. Просто его снесли. Сейчас уже восстановили. Полностью он восстановлен.

**Валентина Владимировна
Сушко, житель
города Васильевка
(Запорожская область)**

В 2022 году нас вызвали на работу в пекарню, и в этот день как раз был обстрел. Я попала под обстрел. У меня осколочное ранение, ударило в плечо и пошло в легкое, левое легкое с осколком. Осколок остался, не удалили. В пекарне были только гражданские. Мы готовились к Пасхе, хлеб пекли, пасхи пекли. Украинцы обстреливали. Это все просто как-то не по-человечески.

**София Николаевна
Коломоец, житель
города Васильевка
(Запорожская область)**

Было очень много случаев украинских обстрелов, которых я сама стала свидетелем. Самый запоминающийся — это обстрел гостиницы. Это было 4 января 2023 года, белый день. Они как раз подобрали тот момент, когда дети в основном со школы домой идут. Первый прилет, спустя час еще один, то есть когда уже на месте были МЧС, люди тоже там помогали.

Получилось так, что я оказалась тоже там. Слава Богу ушла за пять минут до прилета. У меня пострадала мама, пострадал сосед. Нам потом позвонили. Мы в течение

десети минут оказались там, на месте происшествия, и всё это видели. Не радостный момент совсем. Забрали маму, забрали соседа, повезли в больницу. Просто перед глазами всплывает — заходишь, чистый пол. Пять минут — он весь в крови, то есть никто не успевал убирать. Голову влево — все раненые сидят там, прижимают место, куда попало. Голову вправо — точно такая же ситуация. Смотришь прямо — три трупа лежат.

Моей маме побило руки, побило ноги, попало в кишку. То есть ее оперировали, нам повезло просто. Счет шел на минуты. Соседу побило ноги.

*Александр Анатольевич Голец,
житель города Васильевка
(Запорожская область)*

В наш детский сад были попадания. Слава Богу, в садике никого не было. Это очень страшно. В 2022 году было. И в другой садик так же прилетело. Было очень страшно, когда детей ведем в садик, в этот же наш.

И так же вот эти обстрелы, в тот же самый опять садик. И нам очень было страшно. Мы детей постоянно в подвал прячем. Детсад работает. Мы детей покормили обедом, только их спать укладываем. Дети только засыпают, и начинают обстрел. И мы этих бедных детей начинаем с коек срывать, они сонные, плачут, мы их тянем в подвал, прячем, ну, это очень страшно. Примерно у нас около 60 там детей. И постоянно страшно. Не дай Бог в наш садик прилетит.

Четвертый тоже обстреляли. В 2023 году обстреляли, и не раз. Там военных не было. Там повезло нашей

охране. Тетка вышла на прополку, там траву покосить, вовремя зашла. Там охранника убило. Прям вот на том же самом месте.

**Виктория Юрьевна
Деревянко, житель
города Васильевка
(Запорожская область)**

В марте 2022 года при уходе украинских войск из города Васильевки ими был обстрелян микрорайон «40 лет Победы». У мамы квартира находилась на пятом этаже, угловая. Снаряд прилетел, снес стену, снес балкон. Стена от балкона ушла в зал. Были выбиты стекла во всем доме. Пострадала не только квартира моей мамы. Пострадал еще весь этаж практически.

**Лилия Александровна Голец,
житель города Васильевка
(Запорожская область)**

С начала специальной военной операции немногие люди остались в детском саду. И до сих пор нам поступают угрозы с территории Украины. Ко мне пришел воспитатель, молоденькая девочка. Буквально месяц назад у нее умирает муж. Она перед этим работала в шестом садике. У нас было четыре сада. И ей бывшая

заведующая прислала каким-то образом, то ли в телеграм-канале, то ли в ВК. Я точно не знаю. Она стесняется, она не хочет открываться. Но ей она прислала: «С тобой это случилось, потому как Бог все видит, и он тебе отомстил за то, что ты работаешь на этих русских». Заведующая, да.

Она в Днепропетровске, она сейчас там сидит и ждет. Она присыпает сообщения, люди же там работали. Она комментирует так, что через 2–3 месяца мы приедем сюда, украинцы придут. Но вы собирайте детей, чтобы мы могли через три месяца уже прийти и войти туда полным составом. Мы, конечно, смеемся, улыбаемся. Я не знаю, чем их там кормят, что они там курят, что пьют. Ну, вот так вот.

Украина обстреливала детские сады. Изначально было два прилета. Раньше там было бомбоубежище, и там все люди с домов сходились к нам. С украинской стороны я ж не знаю, что у них в головах. Но у нас никого из военных не было. Два прилета именно непосредственно с разрушением дверей и окон в детский сад.

**Игорь Иванович Барышников,
житель города Токмак
(Запорожская область)**

Я как начальник железнодорожной дистанции постоянно занимался восстановлением после артиллерийских и ракетных ударов по инфраструктуре железнодорожной.

Мы практически в месяц 3–4 раза выезжаем после обстрела и занимаемся восстановительными работами. Мы сами неоднократно попадали под обстрелы. Один из таких случаев произошел 29 января

2023 года. В 11:45 после очередного обстрела моста 114-го километра в перегоне Федоровка — Светлодолинск наша бригада занималась восстановительными работами моста на пролете № 5. И в 11:45 украинцы нанесли удар по нам ракетный из шести ракет РСЗО «Хаймерс». У нас погибло пять человек, включая главного инженера, и девять было ранено. Из них два инвалида, один третьей группы, другой — второй. Также 26 декабря 2023 года тоже в 11:02 занимались на этом же мосту восстановительными работами. Тоже обстрел. Я находился на мосту как раз на стыке 5-го и 4-го пролетов. Занимались укладкой лесошпальной решетки. И как раз в 11:02 в 20 метрах от меня на мост зашла первая ракета. Скорее всего, тоже был РСЗО «Хаймерс». Я дал команду всем убегать. Спрыгнули с моста в воду и по воде выбирались уже, потом сзади еще два прилета. У меня легкая контузия, так все нормально.

Украинцы бьют в основном фугасными снарядами либо ракетами. Это делается для того, чтобы запугать людей, чтобы они не выходили на работу, не занимались восстановлением инфраструктуры железнодорожной. Потому что железная дорога для наших регионов, я думаю, очень важная составляющая.

*Виктор Александрович
Огibalов, житель
города Бердянск
(Запорожская область)*

22 декабря 2023 года примерно в 8:45 я лежал на диване в этой комнате. Это прихожая наша,

и разговаривал по телефону с женой. Вот здесь вот был диванчик. Вот тут у меня кресло стояло. Вот здесь телевизор находился. Тут журнальный столик. Больше тут практически мебели нет. И вот при разговоре сейчас раздался свист. Свист был кратковременный, буквально, может, там полсекунды, не больше. И потом раздался сильный хлопок, все потухло, посыпалась штукатурка, все тут на меня. Я потихонечку в эту сторону, как говорится, уже на инстинктах выполз. На улицу. Эту часть дома, практически правую часть дома, завалило полностью. Завалило зал, завалило прихожую и частично завалило там. Потолки не упали, но они были продавлены сильно. Вот посыпалась штукатурка, грязь, все посыпалось. Не было крыши, вообще крыши не было. Абсолютно. Всю крышу разметало по поселку.

Вторая комната, она пострадала даже больше, чем эта. Потому что здесь практически вообще не было потолка. Там он как-то середину выдавило, по краям немножко доски остались. А здесь вся. Видно, основной удар пришелся, наверное, на эту часть комнаты. Тут была кровать. На кровати засыпано все, упали щиты с потолка.

**Руслан, житель
города Васильевка
(Запорожская область)**

Ко мне был украинский прилет прямо домой — в частный дом. Военных там никаких рядом не было. Пострадала машина, пострадал дом. Было всего три прилета. Сначала

соседям в огороды, а потом ко мне прямо во двор. Я успел на третий прилет спуститься в погреб — это спасло мне жизнь, ну и моей жене тоже.

Это произошло 1 января 2023 года в 7 часов вечера. Как раз мы уже были в доме, отдыхали, и вот начался вот этот свист, выстрелы. И мы выбежали на улицу с женой и начали в подвал спускаться. Сначала она пошла, потом я, потому что был опять выстрел, свист. Пострадал дом, да и соседские дома пострадали, у них повылетали окна. У соседа крыша полностью рассыпалась, ну а у меня частично крыша была разбита, окна, двери, ну в общем все.

*Сергей Карпович Карин,
житель города Токмак
(Запорожская область)*

Наш город обстреливали, в том числе и железную дорогу, станцию. Украинские «хаймерсы» прилетали на третий путь, 12 ракет. И по городу прилетали кассетные бомбы, было всё.

По удару по станции ровно кто-то сдал, наводчики были, кто-то сдал, и разбомбили полностью путь. Также обстреливают и мосты железнодорожные. Обстрелов много было. Светлодолинский мост. Рабочих Большетокмакской дистанции пути погибло пять. Два из Светлодолинска, два — из Молочанска. И главный инженер станции Большой Токмак Сергей. Они ремонтировали, до этого его бомбили. Уже попадало. Было несколько случаев. Выезжали на мост.

**Николай Дмитриевич
Дзюба, житель села Гуево
(Курская область)**

Мы 6-го числа вышли во двор посоветоваться с родственниками, с соседями, что будем делать. Появился украинский дрон. Он пролетел, завис, отлетел и попёр на меня. Я отскочил, или откатился, от этого места. Он взорвался, и взорвалась машина соседская при этом взрыве.

Меня контузило и ранило в ногу, спину и шею.

Я был одет как обычный сельский житель. Украинцы видели, что я гражданский человек, одет по гражданке. Военных в селе вообще не было. Украинцы обстреливали и запугивали местное население. Обстрелами замучили нас. То минометы, то дроны.

8 августа пришли соседи, сказали, что все заняли украинские солдаты, вешают свой флаг на Доме культуры, стрельба. Мы, что было, взяли и пошли пешком через леса. Центральные улицы были отрезаны. В тот день выходили двадцать один человек, старики, дети.

В обзоре Международного комитета Красного Креста «Обычное международное гуманитарное право» указана норма № 25: «Медицинский персонал, предназначенный исключительно для выполнения медицинских обязанностей, должен пользоваться уважением и защитой при любых обстоятельствах». Эта норма впервые появилась в Женевской конвенции 1864 года и была повторена в последующих Женевских конвенциях — 1906 и 1929 годов. Она закреплена в I, II и IV Женевских конвенциях 1949 года.

В статье 15 Дополнительного протокола I эта норма была расширена с военного медицинского персонала также на гражданский. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года запрещает предпринимать враждебные действия против мест отправления культа, больниц, госпиталей, а также их персонала.

Статья 9 устанавливает, что «медицинский персонал пользуется уважением и защитой», а статья 16 подчеркивает, что «запрещается совершать какие-либо враждебные акты, направленные против мест отправления культа».

В нарушение международного гуманитарного законодательства Украина неоднократно подвергала атакам больницы и госпитали, расстреливала машины скорой помощи, церкви и храмы.

*Валентина Ивановна Золотарева (71 год),
житель села Заолешенка
(Курская область)*

Наша деревня в трех километрах от Суджи в сторону границы. Начиная с 3-го мы лежали в больнице, в терапевтическом отделении.

До этого украинскими беспилотниками подожгли крышу, горело здание больницы, Суджанской ЦРБ. Поэтому разместили терапию, где мы с мамой лежали, в бывшем инфекционном отделении, а хирургию перевели в гинекологию.

Когда ВСУ зашли, они в пух и прах больницу разобрали.

У нас там только мирные жители, пожилые люди, больные, обычные больные люди. Я тоже ходила в больницу на перевязку.

6 августа начался обстрел. В принципе, к нему более-менее уже все привыкли.

Он был немного сильнее, чем все остальные. А вот с 6-го числа очень серьезный обстрел, то есть били прицельно по больнице, часа два, наверное.

Мы лежали все в коридоре, потому что стекла сразу в палатах все повыбивало. Там они хоть и были заложены, то есть подготовленная больница была, наполовину все стекла были мешками с песком заложены. Не помогло, потому что, когда начали уже стрелять, стекла все равно летели, потому что штукатурка начала сыпаться.

В общем, два часа мы на полу лежали все. Такое чувство было все время, что в больницу попадания были.

7-го числа с утра пришла медсестра, осталась с нами. Когда мы пришли в хирургию, нам рассказали работники, что доставили женщину беременную. Ее в первые дни, 6-го числа, по-моему, расстреляли.

Ее доставили в больницу, пытались оказать ей помощь, но она умерла.

Мы выбрались 8-го числа. Пришли морпехи, морпехи наши дорогие. И они нас эвакуировали.

*Шурупова Ирина
Александровна, житель
деревни Рубанщина
(Курская область)*

Я приехала в отпуск к маме 25 июля. Находилась с ней, она живет у меня в деревне Рубанщина — три километра от Суджи в сторону границы. Разорвался украинский

снаряд в нашей деревне, и начиная с 3 августа мы лежали в больнице. В ночь с 5-го на 6-е начался обстрел. В принципе, к обстрелам более-менее уже все привыкли. Но он был немного сильнее, чем все остальные.

Такое чувство, что били все время в больнице. Но там больница хорошо построена, нам повезло. В больницу попадания были. Рядом трава горела у нас — за окном было видно. Мы боялись, что загорится больница, но не загорелась, нам повезло очень.

За несколько дней до этого украинские беспилотники подожгли крышу, горело здание больницы, Суджанской ЦРБ, отключили воду и электроэнергию. Здание уже давно было повреждено от украинского обстрела.

Вызвали три скорые, две скорые дошли, загрузили всех, кроме меня и моей мамы. Ждали третью скорую. Я ждала, что приедет сейчас третья скорая, нас, маму заберут, она лежачая.

Буквально через полчаса главный врач сказал, что вот эту третью скорую расстреляли. Это как раз та третья ско-
рая, где фельдшера и водителя убили. Она за нами ехала.

Приехала машина с гражданскими людьми, мужчина на переднем сиденье, убитая женщина и ее мать. Ехали в Суджу, и очередь ВСУ по ним. Жена погибла. Насквозь все сиденье изрешечено было пулями, и муж был немного ранен, у него там из руки кровь текла, осколочные на боку были. И он приехал со своей мертвой женой. На заднем сиденье еще мама сидела живая. Он говорил, что матушке 95 лет, а жену застрелили ВСУ, беременная жена погибла.

Вечером потом ВСУ наш терапевтический корпус расстреливали, по хирургии были тоже. На третьем этаже, где была хирургия, там все стекла побиты были. ВСУ стреляли по ним.

*Раиса Владимировна
Шукринова, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Мы сейчас в храме Михаила Архистратига в Авдеевке. Украина стреляла по нему, видите, потолок пробит, колодец. Колодец, кольца целые, просто разбили, деревья скосило, купол, верхушечка была там разбита.

Тут была воскресная школа, по воскресеньям приходили сюда детки. Украина с той стороны обстреляла. В первую декаду февраля, перед отступлением. Колокольню разрушили — сюда вот, одним махом. Даже маленький колокол пострадал. С Москвы забрали его на реставрацию. Там дальше колодец. Ну, хозяйство, да. Кухня была. Бювет был полностью до того года. Был нормальный бювет, все было как положено, все сделано. Разрушили в том году, 14 марта. Вот откуда стреляли — от леса из двухэтажки. В общем, там же занято украинцами все было. Рельсы как ножом подрезало. Забор отлетел, плита туда вся ушла. В том году это было. Слава Богу, хоть колодец остался, хоть люди по воду ходить будут, потому что пить нигде.

8 июля 2022 года еще стреляли. Людмила поливала огород. Первая мина попала туда, ее на части порвало. До Селидово не довезли — скончалась. Вторая мина попала чуть дальше, там погиб Николай Глазунов и Андрей Князев — тоже порвало, а Николаю в голову попало, и сразу скончался. Стреляли ВСУ с леса.

**Виктор Федорович
Саранов, главный врач
больницы в Волновахе,
город Волноваха (Донецкая
Народная Республика;
во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

На территории нашей больницы стоит православная церковь, храм Московского патриархата, и когда украинцы уходили, его просто расстреливали. Они расстреливали по четырем углам, по крестам. По четырем углам кресты были, два креста сбили.

**Людмила Николаевна Войшай,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился под
контролем Украины)**

Я — православная христианка. Всю войну мы ходили в храм. Здесь у нас в Авдеевке три храма. Вот мы ходили до последнего в храм Святого Святителя Николая Чудотворца. А Украина по нам стреляла.

Мы делали до одиннадцати ночи и окна, и двери, и всё. Там ребята все трудились, службы всегда были. Божественная литургия. Хотя ночи тоже страшные были. Обстрелы. И вот последний раз у нас была Божественная литургия на 8 октября. На Сергея Радонежского

праздник, что потом в 5 часов вечера храм загорелся. Горел храм наш, и уже служб больше не было с 8 октября. Люди, кто там близко жил, люди прибежали, много спасли икон, престол спасли.

Украина обстреливала Авдеевку. Вначале было страшно. Обстреливали Химик весь. И старую часть города. Я не знаю, зачем они стреляли.

Мы как бы были же вместе здесь, не знаю, один народ, прям не верилось. Страшно было, но все равно. Это наша земля, мы никуда не хотели уезжать. Авдеевка — русский город. У нас душа русская у всех. Мы остались, мы ждали, мы верили, Богу молились.

Украинцы предлагали уехать, а мы говорили: нет, мы здесь останемся.

ТЕРРОР, УБИЙСТВА, ПЫТКИ, ИЗБИЕНИЯ И ГРАБЕЖИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ НА ВРЕМЕННО ПОДКОНТРОЛЬНЫХ УКРАИНЕ ТЕРРИТОРИЯХ

Собранные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов (председатель — М.С. Григорьев) многочисленные свидетельства пострадавших доказывают, что на временно подконтрольной Украине территории начиная с 2014 года русскоязычное население подвергалось постоянному террору. Помимо арестов свидетели приводят конкретные примеры убийств, пыток, избиений, сексуального насилия и исчезновений людей. В целом ряде случаев речь идет о тех, кто позволял себе критические оценки киевского режима. Нередко тела этих людей со следами избиений и убийств находили в посадках. Такие люди не только могли быть убиты или подвергнуты насилию, но по их домам прицельно наносились удары. Однако могли быть убитыми или подвергнуться пыткам и избиениям не только те, кто критиковал киевский режим, но и любой житель лишь на основании использования им русского языка или факта проживания на данных территориях. Никакого наказания за свои действия украинские военнослужащие не несли.

Угрозы убийств и расстрелов мирного населения также были постоянной практикой ВСУ. Жители временно подконтрольных Украине районов прямо сравнивают

поведение ВСУ с действиями немецко-фашистских войск и эсэсовцев.

Украинские военнослужащие открыто говорили о своей ненависти к русскоязычному населению Донбасса. Русскоязычные пострадавшие и свидетели говорят, что вооруженные силы киевского режима называли их «генетическими отходами», относились к ним «как к свиньям» и «не как к людям», смотрели с «презрением и ненавистью», а избиения и даже убийства могли последовать за отсутствие поддерживающего ответа на приветствие «Слава Украине!».

В соответствии с IV Женевской конвенцией относительно гражданского населения «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства». В соответствии со статьей 32 «запрещается принятие каких-либо мер, могущих причинить физическое страдание или привести к уничтожению покровительствуемых лиц, находящихся в их власти. Это запрещение распространяется не только на убийства, пытки, телесные наказания,увечья и медицинские или научные опыты, которые не вызываются необходимостью врачебного лечения покровительствуемого лица, но равным образом и на всякое другое грубое насилие со стороны представителей гражданских или военных властей».

Согласно Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 года также запрещается «надругательство над человеческим достоинством, в частности унизительное и оскорбительное обращение, изнасилование» (статья 4), «запрещаются акты наси-

лия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население» (статья 13).

Действия киевского режима являются массовыми и грубыми нарушениями Женевских конвенций и военными преступлениями. В соответствии с резолюцией № 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 года, принявший «Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества», такого рода преступления не имеют срока давности.

13 сентября 2007 года резолюцией, 61/295 Генеральной Ассамблеи была принята Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов.

Прежде всего, она устанавливает, что «всякие доктрины, политика и практика, которые основаны на превосходстве народов или людей по признаку национального происхождения или расовых, религиозных, этнических и культурных различий или которые утверждают такое превосходство, являются расистскими, научно несостоительными, юридически недействительными, морально предосудительными и социально несправедливыми». Фактически данная формулировка дает однозначную квалификацию современной украинской антирусской идеологии и практике.

Несмотря на то что во время нахождения в составе Российской империи именно русские, а также целый ряд других народов населяли Донбасс и другие исконно русские земли, которые лишь после 1991 года стали временно находится в составе Украины, киевский неонацистский режим отказывается рассматривать русских в качестве коренного народа и не только проводит политику и практику нарушения его прав, но официально это декларирует в качестве элемента своей идеологии. Показательно, что русские были исключены из переч-

ня коренных народов в украинском законе от 1 июля 2021 года № 1616-IX «О коренных народах Украины». В полном соответствии с направленной на ущемление прав русских политикой украинского режима в ноябре 2023 года вице-премьер Украины Ольга Стефанишина прямо заявила об отсутствии русских на Украине: «На Украине нет русского меньшинства. Его не существует».

Политика Украины также является прямым нарушением пункта Декларации ООН, который устанавливает, что «лица, принадлежащие к коренным народам, имеют право без какой-либо дискриминации пользоваться всеми правами человека, признанными в международном праве, и что коренные народы обладают коллективными правами, которые абсолютно необходимы для их существования, благополучия и всестороннего развития», а также статьи 2 («Лица, принадлежащие к коренным народам, и коренные народы свободны и равны со всеми другими народами и отдельными лицами из их числа и имеют право быть свободными от какой бы то ни было дискриминации при осуществлении своих прав, в особенности дискриминации на основе их коренного происхождения или самобытности») — дискриминация русских на контролируемых Украиной территориях Донбасса и Украине в целом происходит именно на основе их происхождения и самобытности, статьи 3 («Коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие»), статьи 5 («Коренные народы имеют право сохранять и укреплять свои особые политические, правовые, экономические, социальные и культурные институты, сохраняя при этом свое право, если они того желают, на полное участие в по-

литической, экономической, социальной и культурной жизни государства»), статьи 7 («Лица, принадлежащие к коренным народам, имеют право на жизнь, физическую и психическую неприкосновенность, свободу и личную безопасность»), п. 1 статьи 8 («Коренные народы и принадлежащие к ним лица имеют право не подвергаться принудительной ассимиляции или воздействию в целях уничтожения их культуры») — политика киевского режима с его борьбой против русского языка, православия, запугивания и террора по отношению к русскому населению направлена именно на принудительную ассимиляцию и уничтожение культуры.

*Валентина Николаевна
Манжарова, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

С 2022 года на рынке можно было там по карточке отовариться, обналичить, можно было пенсию получить. «Правый сектор» приехал. Они-то на Маяковского стояли. Посмотрели, что люди собирались. Ну и бросили туда минку. И тринадцать человек погибло.

А на Седова нашли в огородах двух человек, скотчем руки, ноги. В затылок или в глаз выстрелили. Просто расстреляли. И потом их нашли уже через время на огородах. Потом еще на Некрасова. Там два человека тоже расстреляли. Где-то в конце января пропал Стас. Его искали-искали, не нашли. Ну, может, тогда снежок

еще был, может, под снегом. А вот буквально недели две назад нашли их. Они там в этом овражке, короче, лежали два человека. Стас, он где-то 65-го года рождения. И Вася Котов. Ему 38 лет, он с моим племянником учился. Дядя Коля пропал 2 января, никто не знал, где он. А вот саперы были, разминировали и нашли его там возле ручья. От дороги, наверное, метров пятнадцать.

У меня сестра на Чернышевского жила. Короче, ребята вот эти местные, они там в подвале, их было семнадцать мирных человек. Через время постучали «азовцы», гранату бросили. А там подвал хороший был, три комнаты. Один был близко к двери. Его ранило. Они двенадцать дней в подвале были. Воды уже не было. По чашке воды пили. Их выгнали с подвала. Поставили на колени, заставили гимн петь. А потом всех с поднятой рукой туда, в центр Авдеевки, с поднятыми руками.

**Николай Николаевич
Мирошнichenко, житель
города Бердянск
(Запорожская область;
во время описываемых
событий находился под
контролем Украины)**

При Украине после 2014 года я работал в больнице врачом. В связи с тем, что начали требовать писать на украинском языке, я его не знаю, не изучал никогда, я пошел в частную практику, открыл свой кабинет и стал работать частным врачом. Не просто открыть было, на себя это не получалось сделать, поэтому оформили на моего знакомого.

Знаете, это все начиналось так очень постепенно, в худшую сторону. Сначала многие не понимали, что происходит, именно не понимали глубину того, что произошло. Город практически полностью был против Майдана, который произошел. Очень немного людей поддержало, очень немного. Но потом все это постепенно стало, после пропаганды украинской, постепенно, тем более молодежь, стало скатываться это все в пропасть. В 2014 году сюда зашел полк «Азов».

Вели себя как хозяева жизни, не просто хозяева. Я не побоюсь это уже много раз говорить, именно как фашисты вели. Это как нация, которая превосходит, считает себя превосходящей над всем. Я видел, как они грабежами занимались, как они отправляли награбленное «Новой почтой» к себе домой. Сам видел. У меня напротив кабинета через «Новую почту» отправляли ворота гаражные, стиральные машинки, мебель. Просто машины стояли, подъезжали, подъезжали, подъезжали. Так как у меня пациенты были, полгорода лечил, рассказывали, что отправляют в Днепропетровскую область. В основном это были Днепропетровская и Киевская области.

Сначала «Азов» был. Потом присоединилась Западная Украина. Ну, это одно дело, когда они грабили, там с линии фронта вывозили все. Другое дело, когда это происходило на глазах здесь местных жителей.

Лично моя жена видела такой случай, когда около Приватбанка средь белого дня, в районе рынка Центрального, трое или пьяных, или под наркотическими средствами «азовцев», они все как петухи были раскрашены в эти свастики, ну, к свастике вот этот волчий клюк. «Азов» везде. Встречали выходивших людей из банка, заставляли отдавать карточки и спрашивали код. И снимали деньги прямо в банкомате. Когда мужчина

проходящий сказал: что, не наелись? Его стали забивать прикладами.

Жена забежала напротив с женщиной какой-то, напротив магазин был торговли кормами. Зоомагазин. Позвонила жена в полицию, сообщила об этом случае, но ей сказали, чтобы она просто ушла оттуда. Его забили до смерти, этого мужчину. Прямо на глазах у всех — это район Центрального рынка.

У меня знакомые были в полиции, никаких результатов не было, все закрывалось. Также находили трупы девчонок молодых на косе, где «азовцы» стояли. Никто это не расследовал, ничего там дальше не было. Трупы изнасилованных девушек просто в камышах находили.

Ребята знакомые работали в полиции, это рассказывали. Рассказывал человек, которому я доверяю, то, что, будучи на дежурстве в составе опергруппы, он выехал в 2014 году по звонку сторожа платной стоянки. Они приехали, там стояло несколько джипов с пулеметами, джихад-мобилями, на погрузчики грузили машины с донецкими номерами. То есть они ничего не могли сделать, у них там три пистолета против вооруженных реальных людей, вызвали начальника полиции. Он приехал, переговорил с ними, подъехали еще какие-то люди с «Азова», обнялись и в результате машины увезли.

Я, например, совершил такую ошибку, что я пошел к военкомату вечером и попытался убедить. Там «Азовцы» был, машины стояли. Я говорил, что не надо воевать и что на Донбассе люди. Ну, в результате через несколько дней пришел в себя в реанимации. Меня местная полиция опознала, она шла в канаве. Такое вот было. Мне сейчас трудно сказать, но человек десять, наверное, меня избивало. Потом я уже не помню. Я несколько дней был без сознания. Все ребра переломали. Так. После этого

выучили меня, что с ними разговаривать бесполезно. Они принимают только силу, и все.

В 2014 году мои пациенты рассказали, у них гостиница частная, и в них работает горничной женщина. Ее мужа забрали «азовцы». Он работал до 2014 года в Донецке, каменщик. И состоял в каком-то казачьем подразделении. Не боевом, просто числился. И к нему ворвались «азовцы», когда он вернулся. Сказали, что он сепаратист. Избили, вывезли в неизвестном направлении. Забрали с их квартиры там от планшета до холодильника. Микроволновку, все вывезли. Она долго добивалась, искала его. Ездила в Киев.

Но ей удалось спасти. Самое смешное, тогда люди, может, по-другому еще себя вели. Она к СБУ обратилась, и в Киев, и в Запорожье ее вызвали. В Запорожье она приехала. И СБУ в Запорожье вывели его. Через задний ход. Сказали, забирай. Она на машине приехала, попросила. Иначе его убьют. И она его привезла. Попросили меня посмотреть. Его там привязывали, бросали ножики перочинные в него, весь поколотый был, весь синий.

Я потом его прятал на даче. И со своим другом-хирургом мы лечили около месяца. Потом он ушел. Я его больше не видел.

У него раны колотые множественные. То есть развлекались, бросали ножики. Такое вот у него. Ну и плюс синяки. Видно, что его били обрезками, видимо, какой-то резиновый шланг. Такие кровоподтеки характерные там были. Ну, кости, слава богу, целые были. Зубы выбитые у него еще были, да. Шепелявил. Вообще ни за что, честно, никакого отношения ни к чему не имел.

После 2022 года, когда наши зашли, меня назначили начальником департамента здравоохранения. Еще министерства не было. А я здесь поднимал медицину.

И осенью 2022 года я с балкона, у меня гараж в Шиши, где-то около 50 метров от дома, увидел, что человек какой-то возится. Я спустился вниз и спугнул его. Он убежал, но я заметил колышек и заметил проволоку. Я вызвал службу специальную, приехали саперы, нашли. Ставил мину.

Ирина Петровна, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Украинские войска зашли к нам уже в 2014–2015 годах. Сперва пригнали танкистов, видать, военные, которые служили. Пригнали их эти, в черной форме эсэсовцев на джипах. Вот сначала танки идут, потом они на джипах. Они говорят: если что, будут стрелять. Или сказали, что с родственниками разберутся, с родными.

Эти эсэсовцы вели себя как скоты. Понашивались, а вели себя хуже, господи. «Правый сектор» — это вообще придурки. С ними никто не связывался. Даже полиция не могла с ними ничего сделать. У нас же поначалу комендатуры долго не было. Люди обращались в Киев, что же они тут бесчинствуют. А они там отвечали, говорят, а какая Авдеевка, какая армия у вас. Вообще такое было — беспредел. Делали что хотели, магазины могут танком пробить, в магазин залезть, все повыгребать. Заходят в офис милиции. Постреляли, побили. Просто так. Или веселились.

Они все искали, что мы помощники сепаратистов. Они, например, пришли на площадку и начали квартиру у соседа скрывать. Я им говорю, что вы там забыли. Они его забрали, месяц в подвале где-то били. Его где-то выбросили возле посадки какой-то.

А потом сына его забрали. За то, что он увидел, сказал, что они в квартиру лезут. И этого очень много было. У людей это мы слышали со всех сторон. Мой сын тоже тогда в полиции работал. Он говорит, что видно, что стреляли украинцы. Когда документы составляли, он говорит, так стреляли ж не оттуда, а украинцы. В дом попали, люди погибли. Ему говорят — ты сепар, тоже его в подвал. Короче, слово сказать нельзя было вообще никому.

Андрей Лазарев, житель поселка Новгородское (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

ВСУ нас сложили на асфальт прямо в собственном дворе. Заскочили, стреляли у нас с супругой над головами. Мы сказали, что мы мирные граждане, что мы здесь живем. Положили на асфальт, над головами стреляли, угрожали, допытывали. Человек, наверное, пять было, это было рано утром, где-то часиков в пять утра. Мы отдыхали еще, мы сразу не поняли кто, что. Двое сразу в дом ворвались. Нас же вывели руки за голову. Кто такие? Мы говорим, вот здесь живем, представились. Их военный крикнул: на

пол, на землю. Мы попадали, они по рации кому-то там. Допытывали, чтобы мы доказали, что мы украинские местные жители. Начали стрелять над головами. Что-то кто-то по рации сказал, они нас связали и ушли. Завели в дом, связали и ушли. Еще предупредили, посадили нас на диван, предупредили, что обязательно вернутся. Если вы попробуете развязаться или встать с дивана — постреляем. Мы сидели практически аж до середины ночи связанными. Ну потом, извиняюсь, уже и в туалет как-то захотелось, мы уже развязались потихонечку. Меня супруга развязала, я супругу развязал.

В другой раз мы шли, меня супруга с работы встретила, мы шли где-то около восьми часов вечера домой. Останавливается пикап ВСУ, открывается дверь. И такая реплика: ну я не буду их словами выражаться. Такая реплика: кто нас обслужит в интимном плане? Вот кто из вас? Выбирайте. Мы переглянулись с супругой, ну что им ответить? И страшно, они с автоматами. Пару раз опять повторили вопрос, закрыли дверь и уехали.

Один раз ВСУ приехали где-то под рассвет. Еще даже пяти, по-моему, не было. Приезжает, но я в этом не разбираюсь, БМП или БМД. Машины почти в огород въехали, отстрелялись уехали. Мы с супругой выскочили — что ж вы творите? И все равно, отстрелялись и поехали дальше.

Целенаправленно ВСУ били. Мы пришли с подработки: я, супруга и мой друг. У него еще до этого попал снаряд рядом с домом, у него разбило дом. Только легли — хлопок, и дом горит. С зала, где у нас были все документы, вещи, он воспламенился моментально. Мы выскакивали с пожара через окно кто в чем был — супруга в ночной рубашке, я в трусах. Как нам потом объяснили, это загигательным били специально, чтобы загорелся дом.

**Олег Белоусенко, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Украинские военные, когда проходили, стреляли, запугивали нас. Они пьяные были. Мы старались на подвалах сидеть, чтобы на глаза им не попадаться, потому что мужчин всех забирали. На одиннадцатом магазине схватили. Прямо в машину кидали, больше никого из них не видели.

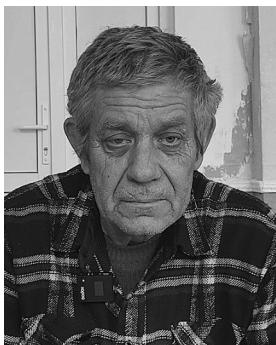
На соседней улице тогда пропал мужчина уже пожилой, пенсионер Серега Неботов. Он, как говорится, им всю правду говорил. ВСУ крадут какую-то бухту, а он стоит и говорит, куда вы ее тянете, положите там, где взяли. Они ему рот закрыли. Молчи, и все. Раз, второй, а потом пропал человек. Видно, на кого-то нарвался. До сих пор не найден.

**Ирина Анатольевна Пелех,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

Я была в доме с престарелой женщиной, за которой я ухаживала. Украинские военные приезжают на машине, я в тапочках выхожу. Я так

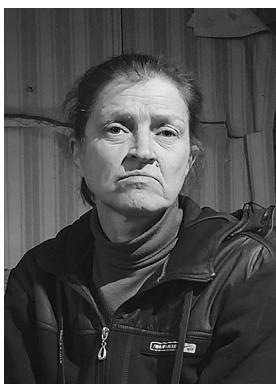
испугалась, что я уже не знала, куда деться. На украинском я не могу разговаривать, только на русском. Они мне матом: сейчас, говорит, вас расстреляем. И я бегом, эти тапки в руку, и я бегом домой.

Виктор Свердлов, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Был случай, когда у универмага парень в кафе сидел и были украинские военные. Парень что-то там ляпнул языком, они вывели его и расстреляли. Просто на улице расстреляли. Всякое бывало.

А в последнее время они вообще с ума посходили, наверное. Они уже чувствовали, что Россия наступает, а деваться им некуда. Укропы бухали и кололись.

Наталья Михайловна Воронина, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Моему другу автомат в рот засунули, выбили зубы. Меня хотели изнасиловать приспешники Укра-

ины, которые были за них. Спасибо пожилой женщине, она мне помогла отбиться. Она остановилась, все разбежались, боялись. Она остановилась и помогла отбиться. Я вот так хваталась за сетку, где закрыто было, и не пускала, чтобы меня затянули. Они мне вырвали клок волос.

Украинские военные под наркотиками постоянно были, и где они останавливались, после того, как они уходили, была куча шприцев.

*Роман Раджевич Каримов,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

При Украине мы жили плохо, обращались они к нам как к свиньям, не жалели людей. Были частые обстрелы города. Специаль-но били по местам скопления мирных граждан. Гуманитарная помощь. Людям говорят идти в назначенное место, люди приходят, и потом по ним открывают обстрел. Я разгружал гуманитарку с отцом, с коммунальной службы помогали, и при разгрузке по нам открыли огонь. Скорее всего, мины. С украинской стороны. С коксохимического завода. Были гражданские пострадавшие. Приблизительно пять человек. Отец получил ранение в локоть, осколочное.

Украинские военные относились к нам не как к людям. В магазинах заходили такие борзые. Они людей не видели, они сразу так вот, в кассе есть там люди, нет,

расталкивали и покупали. Если кто-то что-то скажет, он так посмотрит со стороны, и все. Люди в открытую жаловались. Некоторые боялись, потому что сразу расстрелят. Вывозили даже из города, убивали. Потом гражданские находили знакомых в лесопосадках. Были случаи там в 15, 16, 17-м годах, и сейчас тоже такие случаи были. С 2014 года все одинаково. Меня пару раз чуть не расстреляли.

Ехал на велосипеде, напали собаки. Я с велосипеда выпрыгнул, начал на них кричать, а они подошли и типа — что ты тут делаешь? Кто ты такой? Я им документы предъявил, а они на меня смотрят, и кто-то в сторону меня сразу рожок выстрелил. Говорит — еще раз увижу, убью.

Второй случай тоже, с отцом ехали на работу. Нас увидели, забрали документы сразу. Забрали и начали угрожать, передали приказ вас расстрелять. И так мы все время на велосипедах, на машине было опасно. Издевались над людьми как хотели. Просто посмеяться хотели.

*Ирина Михайловна
Белобородова, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Вэсэушники как-то моему старшему сыну зубы повыбивали. Били в магазине. Зубов нет, надо вставлять зубы. Ребра поломали. Там вообще кошмар.

**Валентина Дмитриевна
Тарасова (68 лет), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Он ходил вокруг дома. Я поздоровалась и спросила: вы кого-то ищете? Это был украинский военный. 2022 год. Это уже война была у нас. Потому что мы ездили за продуктами на молочные. Это пожилые люди, которым надо было помогать, привезти, кушать.

Он спросил: откуда вы знаете эту женщину? А я вместо Марины назвала ее Ира. Я знала её родителей, этой девушки. Но он сказал, что я неправильно назвала. Давай телефон, давай я буду смотреть, куда ты звонишь, кому ты что передаёшь, какие сведения передаешь. У меня телефона не было. Я вытащила руки с кармана, вытащила семечки, не знаю почему, и сказала, ищите, найдёте, это ваше. Но спросил, почему неправильно имя назвала. Я сказала, что с родителями общаюсь. Он говорит, назови отца. Я назвала отца. Отец Штайловский Виктор Иванович. Он мне сказал, что это твоё счастье, что ты его знаешь. Сейчас бы ты была вот там в кузове. Это страшно было. Когда училище, из профтехучилища здесь, и когда пришла женщина, там работала, и сказала, что сегодня привезли женщину на допрос с маленьким ребёнком.

Ребёнок плачет, за юбку хватает маму. Это фашизм. Это когда она рассказывала, волосы дыбом поднимались. Такое было. Приводили туда тех, кто был в их понимании, ну как сказать, неблагонадёжный. И среди них была

женщина. Она говорит, я когда увидела это всё, у меня волосы дыбом поднялись. Дитё кричит. А у неё руки назад. Она не может успокоить ребёнка, а он ей кричит «Успокой дитину! Заспокой её! Успокой ребёнка!» Волосы дыбом поднимаются. Их всех уводили в подвалы.

Потом я этого человека увидела однажды. Вот здесь, и он уже, по-видимому, носил офицерское звание, потому что у него кобура была. Я так смотрю на него. А-а-а, говорю, пан Бандера. Он как вскинулся, пан Бандера. Чё это пан Бандера? А я говорю, а у вас значок висит, пан Бандера. «Я вас неправильно назвала?» Он так посмотрел на меня, говорит, «Ну, правильно, правильно, я Бандера». С такими людьми страшно сталкиваться.

Что видела лично я? У меня это до сих пор стоит в ушах, его крик, этого парня. Вот эти джипики маленькие, три с этой стороны сидели, с этой стороны два сидят. Они сидели, на автоматы наклонились. А другого забрасывали к ним, а он орал и кричал.

Я не знаю, поймете вы или нет. Он кричал: «Я не хочу туда, я не повернусь». Я вот так вот как встала, я с аптеки шла. Я встала, глаза выпутила. А его закинули, его просто закинули туда. И никто не вернулся тогда.

**Дмитрий Вячеславович
Положенцев, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Вот эти украинские спецбаты были безбашенные, возле магазина

бакалеи стояли. Один говорил, что в Авдеевке только сепаратисты. Я сейчас, говорят, ношу с собой гранату «лимонку», сейчас кину к вам туда в магазин, и все. И мне все равно, там женщины, дети... Они обдолбанные.

У нас был парень, он работал в универмаге, пошёл на Аут, а у их это было любимое место — Аут. Это кафе, потом они там жили. Вот он и им «Слава Украине» говорил. Но всё равно что-то там им не понравилось. Они его увезли. И потом через несколько дней его нашли в посадке избитым, до смерти забитым. Что мать родная, даже тяжело было узнать, она говорит, всё синее тело. Об этой истории весь город знает. Дима гулял с собакой. Украинские военные ударили, забрали паспорт, сказали: приходи на трудотерапию. Но это мелочи. Игорь был такой. Приехали, забрали, отвезли в этот Красноармейск, избили, вывезли на Очеретино, оставили его, говорят: а теперь пешком иди. И вот он ночью, всю ночь шел пешком до Авдеевки назад километров тридцать.

*Валентина Михайловна
Трубникова, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

С 2014 года Украина сказала за всех, за весь Донбасс, что это генетические отходы. Мы для них генетические отходы, им нужна была земля, а не мы. Им без разницы было, что дети погибали, что взрослые

погибали. Им было все равно. Отношение ужасное. Вот они никогда по-человечески не подходили. Ничего не спрашивали, короче, как на зверей на нас смотрели.

Избивали — случаев таких было очень, очень, очень много. У нас даже знакомый хороший — до того избили... Каким путем он там выбрался, потом выполз, это... Просто оставили умирать, человек выполз непонятно как. Избивают просто так. Просто так.

Хорошая моя знакомая, хороший сын был, грамотный — окончил институт. Хороший парень был. Ехал с той стороны, где завод, на ту сторону, на восточную, получается, и все. В поле встретили, избили. Инвалидом остался, конкретным инвалидом. Я не знаю, он сейчас живой или нет. Родители его поумирали четыре-пять лет назад.

**Алена Фомина, житель
города Васильевка
(во время описываемых
событий находилась
под контролем
Украины)**

У меня сын родился 10 февраля 2022 года. Свидетельство о рождении на Украине не успели получить. Даже, в принципе, не оформляла, наверное, ждала, пока приедем в Россию. В августе у нас появилась возможность получить свидетельство о рождении, уже российское. На следующий день мне надо было ехать на Запорожье, так как у меня ребенок один находится в Днепропетровской области, у бабушки. Поехал перед

войной туда, и там, к сожалению, и остался с бабушкой. Там сейчас он в школу ходит. Мальчику 10 лет летом будет. Я в четверг поехала вместе с дочкой своей, девочке туда было семь лет. И на следующий день мы должны были приехать уже обратно домой сюда, в Васильевку.

На следующий день собирались приезжать, и мне говорят: здравствуйте, СБУ. Звонит мне наш местный, который теперь в СБУ. Он уже в Запорожье там служил или воевал. Говорит: никуда не уходи, мы тебе голову оторвем. Угрожал, что отберут ребенка. Значит, я же остаюсь у них там, ну, в Запорожье, до понедельника.

Они приезжают, наверное, в полвосьмого утра, чтобы не соврать. Ну, рано было. Младший ребенок еще спала. Приезжают, наверное, человек пять, обутые, сигареты, в балаклавах. По квартире. Они с сигаретой, обутые по квартире ходят. А я ему говорю: что ты делаешь? У тебя мать сидит в Васильевке. Русские солдаты, говорю, извините, ей помогают. Ну как так? Он говорит, я с мамой сам разберусь. И начали мне: ну, ты говори там, «Слава Украине», что Путин такой-перетакой. Они меня избили автоматом, чуть ногу не прострелили. За волосы начали хватать, нос поломали.

После происшествия я отправилась в городскую больницу. Я говорю: мне нужна помощь, выписку сделайте, потому что меня избили. Говорят, нет, так как вы находитесь на оккупированной территории, вам этого делать никто не будет. Одним словом, показали двери и до свидания.

СБУ потом и дочке моей писали 17-летней о том, что он хочет на моей могилке потанцевать, и скорее бы он меня дохлую увидел, и «Слава Украине», как он мне говорил. Буквально уже месяца два назад, опять

ребенку там оскорблений — что там, твоя мамаша еще не сдохла? Просто, знаете, обидно, потому что на самом деле мать его здесь живет в Васильевке. Почему русскому солдату чужая мать — это не чужая мать? А почему сыну, которому она, извините, попу мыла, не нужна? Просто забыл, все, вычеркнул. Говорили — те, кто предал Украину, для нас нет ни матерей, ни братьев, ни жен, никого.

Степана Владимировна (68 лет) и Наталья (45 лет) Полянские, жители города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Нас украинские войска выгнали из дома. Дом хороший. Они зашли и выгнали просто. Сказали, выходите. И все.

Мы жили, хозяин присматривал. Нас пустил. Мы находились там втроем, а потом сын ушел. Понес сига-

реты соседу. Сосед там был на другой улице. Понес и не вернулся больше. Погиб. Выстрелы были. Украинские войска, наверное, замучили.

Украинцы просто сказали: выходите. Домик хороший, ухоженный был. Так что, ну, бабушки жили. Григорий Алексеевич помогал им, а потом уехали бабушки. И нас он пустил в дом. У него жену убили жестоко, почти на глазах. Это тут где-то, во дворе. Украинцы. Сильно страшно было. Очень страшно было.

**Александр Александрович
Федоренко, житель города
Васильевка (Запорожская
область; во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

В 2015–2016 годах были у нас украинские участники так называемой антитеррористической операции¹. Они вели себя похабно. То есть нарушали полностью все законы. Могли избить, могли что-то забрать. Были случаи, когда грабили. Этим людям, которые вели себя похабно, им полностью все прощалось. Для них были законы не писаны. Конечно, заявления подавались. Но только эти все заявления спускались на тормозах. И каждый раз, когда какой-то инцидент происходил, эти люди никакого наказания не понесли.

¹ Карательная операция на Донбассе на Украине официально именовалась антитеррористической операцией.

Николай, житель поселка Новгородское (Нью-Йорк; во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Я жил в подвале уже месяца полтора-два. Залетают ВСУ, без разговоров в голову. В голову на тебе прикладом. Раз, два, по плечам, плечи разбиты, по бокам. Выди наружу. Вышел, один под прицелом держит, второй начал шарить везде. В подвале у нас рюкзак. Я собрал рюкзак. Там сардины, всякая была такая ерунда. Мало ли, там, готовили для выезда. Штук 40 пачек было.

Жить хочешь? Хочу, конечно. Очередь над головой. Смотрю, один полез, который меня бил. У меня куры, гуси, ну, двор был. А у меня был любимый гусь, Степа. Такой интересный гусь. Смотрю гуся в мешок. Кричал — самогон, давай самогон. Я говорю — да откуда у меня самогон. У меня стояла такая 5-литровая канистра, ну, там литра три технического спирта. Это я у тёщи забрал, мы растопляли печку. Забрали. Потом дверь в хату. По хате полазили. Я зашел, там в хате все. Все они забрали и ушли.

Ирина Болеславовна Кузнецова, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

У нас есть здесь мужчина. Вот уже в этом году будет ровно год, как

он пропал. У него постоянно стычки были с украинцами. Едет джип, не джип, военная машина. Сверху в кузове сидят ребята, украинцы. И он же опять на них начал, начал их ругать. Они услышали. Остановилась машина, и они же, задний ход и к моему двору. Я же ему говорю: Господи, замолчите, пожалуйста. Ну, зачем оно надо, чтобы потом по мне по двору пуляли. Кто-то там из ребят с машины говорит: да ладно, ты что не видишь, дед старый, не трогай его. Ну а тот же парень с машины говорит: ну, я тебе еще устрою. И в тот же вечер, в тот же вечер, мужчину последний раз видели дома. Там к нему приходили военные, и он пропал. Его до сих пор уже летом никто не знает, где он делся. Вообще бесследно. Когда пришли, искали его дома, говорят, что в доме были видно следы борьбы, окна были выбиты. Видно, что была там драка. И видели накануне, приходили военные. И мужчина пропал.

*Наталья, житель
поселка Кирова (во время
описываемых событий
находилась под контролем
Украины)*

С 2014 года, когда были еще мобилизованные украинские военные, еще было более или менее. Но когда пошли наемники, это мы все почувствовали на себе. Я работник магазина продуктового. Заходили, требовали телефоны. Заходили и рассказывали, что они просто приехали сюда на сафари. Они получают просто-напросто большие деньги. В особенности по ночам они разговаривали на польском,

и еще они там под окнами кричали «комон, комон» на английском. Наемники.

Заходили ребята в открытую, спрашивали, кто свободные женщины, нам нужны свободные женщины. Например, у меня был такой случай — втупую стоял и требовал у меня номер телефона. Я отказывалась, но на меня передергивали затвор автомата.

А другой еще случай был у меня. Вэсэушник приходил, он в открытую... До холодильника меня подпирал. Он сказывал, я тебя все равно заберу, я тебя все равно увезу. И мне пришлось сдать смену, потому что мне было страшно. Он приходил, первые дни он приходил, такое ощущение, то ли он накуренный, то ли он под чем-то. Он стучал по столу, по прилавку кулаком и кричал «стоять». Думаю, наркотики принимали.

Когда мы эвакуировались, мы на ночь ушли в магазин, он уже был открыт и не закрывался. И в этот вечер мы слышали, как в секонд-хенде хохлы выбивали, я не знаю, чем они выбивали, то ли автоматом, то ли... Ну, выбивали двери. Когда открылась дверь, начала кричать женщина, потом автоматная очередь и тишина. Их расстреляли украинцы. И утром, когда мы вышли с магазина, мы думали, мы не дойдем до пункта назначения, куда нам объяснили ребята, где уже находились русские.

**Украинский военнопленный
Максим Шевцов (неонацистское
подразделение «Азов»)**

В ходе выполнения задач в городе Мариуполе я оказался свидетелем двух военных преступлений.

Первое — это расстрел гражданского автомобиля бойцами моего подразделения украинской армии. Мои сослуживцы, позывной «Маркус» и «Эколог». По их словам, они передвигались по улице, автомобиль выскочил по пересеченной улице. Гражданский автомобиль марки «Мерседес». По каким именно причинам он был расстрелян, я вам тоже сказать не могу.

Второй случай произошел также в городе Мариуполь. Это тоже был боец из полка «Азов», но из другого батальона. Позывной его, к сожалению, я не помню, потому что он не мой батальон. Его ранили и эвакуировали ко мне. Я начал оказывать ему помощь и впоследствии эвакуировал его в роту, там он скончался. Перед тем, как отвозить трупы на «Азовсталь», с каждого тела снимали боекомплект. Забирали личное оружие, документы и личные вещи, которые находились при погившем. У этого человека нашли сверток с золотом. Там были кольца, цепочки, крестики. Это мародерка.

**Татьяна Анатольевна
Молдавчук, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Помнится в 2015-м на Семафоре у нас магазин был. Мы с мужем пошли в магазин, и шли ВСУ, схватили девчонку лет 15. И прямо там ее перекинули и хотели ее изнасиловать. А ребята шли с завода, с работы как раз. Начали отбивать, украинцы начали стрелять.

Потом мать девочки выскочила, начала плакать. Один там ножом порвали что-то. Мы побоялись выходить с магазина. Это она только выскочила, услышала, что дочка плачет. А потом командир пришел, сказал: мы их, мы их посадим. На второй день они как гуляли по Химику, так и гуляли дальше. Я после этого боялась даже выходить со двора.

Мы только возили огурцы, помидоры, продавали. Жить-то надо было как-то. На одной муке и макаронах не проживешь. Тогда еще магазины работали, хоть два-три магазина, но работали. Продавали и сразу домой, потому что там бабахнет, там бабахнет, уже не знаешь, как ехать, как идти, чтоб не убило.

*Александр Васильевич
Брусилов, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

25 апреля 2020 года один обо мне сообщил в СБУ. У нас с ним видение разное. Я не считаю россиян врагами никаким образом. У меня брат троюродный, поддерживаем отношения, у нас есть адекватные, нормальные люди. Никогда у меня не было ненависти к нации. А он почему-то переобулся. Музыканты, играли одну музыку, слушали одну музыку, он стал уже в 2021 году слушать одно украинское. Все это заунывное. Приехало четыре человека вооруженных, полиция в масках, с автоматами. Загрузили меня, холодно, я в одних

тапках. И отправили в какой-то бокс, закрыли темный, сидел, не знаю, какое количество времени. Темно было, все, потом вынули меня и заставили объяснять, почему я подписан и читаю Азарова, Елену Бондаренко, Телеграм. Телеграм я подписан. За это все там отобрали, все деньги, которые у меня были, когда они чистили там. Все, что у меня было дома. Огромную сумму денег, да. Мы с матерью-покойницей дом продали. Все это у меня пропало. Около 200 тысяч гривен.

Выводили на расстрел. И в воздух стреляли. Сейчас прострелю, смотрят, как я спугаюсь. Я уже наслушался этого, у меня этот чпок их... Я инвалид второй группы. Вот это меня спасло.

Через год один приезжал, я узнал его среди этих, которые приезжают одного, который начал кидаться прям на меня, деньги требовал. Я говорю, какие деньги, у меня все отобрали, вы что, твари, делаете? Он говорит, если бы не я, мы бы у тебя еще золото добрали. Там лежало золото, семейные там перстни. Цепь, крест, в погребе все лежало. Я говорю — что вы творите, вы деньги у меня такие забрали. Он — ничего не знаю, если бы не я, у тебя бы забрали золото. При обыске таким образом они наживались, где прилетало, там чистили.

Жаловаться главе города Барабашу я не стал, потому что я точно знал, что за это мне пролетит. И так пролетело 2 мая точно через мою крышу. По диагонали с карьера был пролет. Абсолютно точно выстрел с украинской стороны. У меня человек делал крышу, она в дырках, заделывал дырки, просто просвистело буквально над ухом, и соседний дом взорвался.

Мне доставалось от украинской власти. В 2015 году я лежачий после двух инсультов. При очередной зачистке оказалось, что там у меня в бурьянах растет ко-

нопля. Сказали, подпиши, тебе ничего не будет. Короче, подpisал что-то с костылем. Через сутки следователь приехал, подпиши, надо на суд. Писал, тебе тут ничего не это, штраф будет. Я лежачий, не ездил на суд, больница дала справку, что я лежачий, меня не трогали аж до 2020 года. В 2020 году увидели меня, что я хожу, все, короче, стали наседать, поехал в суд. Все это было с того, чтобы с меня сбить 2000 гривен, ну и год условно получил.

Сказали, или гранату выбирай, или мы тебе сейчас гранату найдем, или коноплю в огороде.

*Владимир Васильевич Тарасов,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Украинских военных я старался избегать. Там надо или молчать, или лояльно, типа я согласен, или хамелеоном быть. А если что-то сказал, ерша какую-то кинул, то начнут те руки выкручивать. Ну, кроме того, что мы там им отстегивали то, что он там просил, ну, как было, определенная такса, например, РУП, мы называли 100 гривен, РУП, и вот РУП отдаешь, он тогда к тебе более лояльно относился. На блокпостах. Мы ездили там до нулевого центра, до нуля. Людей высаживали, нам привозили из Донецка, мы забирали их и ехали назад.

Утром я приехал на рынок, а они попали в магазин, где секонд-хендом торговали. Украина обстреливала

мирное население. Попали в один магазин, рядом в еще один.

Проезд по городу — взятку дай, фискалам дай, СБУ дай, и каждый дай, дай, дай, дай. То есть если мне проехать было отсюда до нуля с пассажирами, то где-то выходило примерно 300—400 гривен, по-разному. В зависимости, какие наглецы попадутся. А некоторые: не, батя, это мало, давай мне это самое. Такса установлена. Ты куда едешь? Я в Авдеевку. О, ты далеко, не, это мало, давай больше. То есть лучше промолчать, лучше сделать так, чтобы нет.

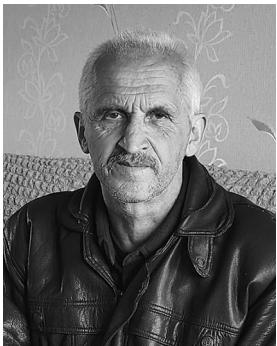
В Чистяково в здании стояли вэсэушки, рядом магазин «Буковина» в подвале, тоже они стояли там, но я этого не знал, что они там стоят. И я вот это велосипедом крутанулся, и этот мужчина... Я сначала думал что гражданский, а когда он начал мне кричать «стей, стей», ага, я понял, какой он гражданский. Он подошёл, а у него, оказывается, на футболке был трезубец. Жёлто-блокитный.

И ни слова больше не говоря, сразу мне по печёночке бабах, и я согнулся. Тут же эти ребята, которые в его месте стоят, подошли, кто с автоматом, кто без автомата. Собака, правда, была у них, да, овчарка.

У меня страх — лишь бы не накинулась. И вот этот начал кричать: ты, падла, что ты сюда приехал? Где телефон? Я говорю, какой телефон? Я в одних шортах и в футболке. Ну, они по карманам — нету телефона. Где ты живешь? Я говорю, там. А он уже так ударил, что не очень-то и говорить могу — больно.

Он начал на своих, видать, он командир, то подчиненные. Так, ну-ка, давай машину, давай к нему домой. А машиной что же ехать, когда утром же еще были обстрелы и мало ли попадут. Ну и пошумели-пошу-

мели, на меня покричали, так, иди домой, мы сейчас подъедем.

***Николай Алексеевич Гладков,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)***

Пропадали люди. Забирали тех, кто говорил по телефону с ДНР, с Россией, с Донецком. Один появился, поломанный был. Говорю, что такое? Да много разговаривал по телефону, просто мне объяснили физически, что говорить не надо. Забирали и тех, кто референдум проводил. Это еще 2015 год.

***Олег Григорьевич Гончаров,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)***

Мне 67 лет, я живу в Авдеевке. У меня пропал одноклассник Юра Зайцев. Он бывший шахтёр, пенсионер. Мне говорил сосед его, тоже мой знакомый: Юра вышел на балкон и начал говорить антифашистские лозунги. Что-то там орал про Бандеру. На следующий день пропал, а дня через четыре где-то

в посадке его нашли. Ну, то есть не его, а тело избитое. То есть от побоев. Умер от побоев.

Иван, житель города Дзержинск (Торецк; во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Просто если человек разговаривал по-русски или в ответ на их возглас «Слава Украине» либо ответил не так, либо вообще не ответил, то были избиения.

На поселке Южном мужчина возвращался вечером с работы. С украинскими военными возник какой-то конфликт, они его сильно избили, и, придя домой, он умер.

Отношение их к нам, к местным, было очень плохое. Они буквально нас не считали за людей, они на нас смотрели с презрением и ненавистью.

Ряд методов ведения войны прямо запрещены договорными и обычными нормами международного государственного права. Грабеж определялся как военное преступление уже в докладе учрежденной после Первой мировой войны Комиссии по ответственности, а также в Уставе Международного военного трибунала (Нюрнберг), созданном после Второй мировой войны. Статья 16 IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года также запрещает грабеж.

Согласно Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 года, «грабеж запрещается в любое время и в любом месте в отношении лиц, всех

лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших принимать участие в военных действиях».

В своём решении по делу военной хунты в 1985 г. Национальный апелляционный суд Аргентины применил норму о запрещении грабежа, содержащуюся в Гаагском положении 1907 года, к действиям, совершенным в ситуации насилия внутри страны. Запрещение грабежа подтверждается официальными заявлениями и другой практикой, относящимися к немежнациональным вооружённым конфликтам.

Постоянной практикой Вооруженных сил Украины были грабежи и кражи у русскоязычного населения Донбасса на временно подконтрольной киевскому режиму территории.

*Евгений Дмитриевич Лантух,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Перед Новым годом Украина у нас вывезла все оборудование, всю аппаратуру с больницы. Нам оказывать медицинскую помощь было и некому, и нечем, потому что все позабирали, как говорится, и ложки, и вилки.

Вот спрашиваются: если ты украинский военный, если ты пришел воевать в другой город, зачем ты тащишь колонки? Зачем тащить колонки, зачем тащить велосипеды? Зачем тащить телевизоры, холодильники? Чтобы воровать велосипеды, холодильники и телевизоры вместе с колонками, микроволновки...

**Владимир Владимирович
Сизов, житель села Орловка
(во время описываемых
событий находилась
под контролем Украины)**

Года два назад с Украины приехали много солдат. Они вывозили холодильники, телевизоры, мебель, что люди пооставляли. Машинами вывозили. У меня был дом в Орловке. У нас ребёнок — был манежик, кровать большая была, шифонерчик, печка. Начались обстрелы, я потом зашёл домой. В доме ничего нет, кроме манежа, манеж и шифонерчик остались. Кровати нет, холодильника. У меня был маленький, еще с советских времен холодильник, маленький такой, морозилка маленькая.

Они вывозили шифоньеры, кровати, машины, все, короче. У нас тогда оставалось человек семьдесят, и мы потом заселялись в пустые дома. Заезжали в дома, а там в домах уже ничего нет. Все пустые.

**Александр Петрович Шибис,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

Я живу по Первомайской. Помню, был обстрел. Я пошел во 2-й магазин, слышу, летит где-то. При-

хожу, у меня окон нету, полкрыши нету, мама моя бедная выходит, перепуганная, ей и так 80 лет. Говорит, Саша, я не понимаю, что это было. Говорю, ничего, одеваемся. Шубу на нее натянул, бежим, а сзади все взрывается. До пятиэтажки добежал, осколками нас еще... она уже говорит: не могу бежать, буду умирать тут. Я оставил, до племянника прибежал. Я пока побежал в пятиэтажку, он нашел машину, приехали, забрали ее. Через пару недель пошел домой. Думаю, документы найду, шмотки. Прихожу, везде все разбросано. Улица была с той стороны разбита.

Хожу, ни черта понять не могу. Ворота раскрыты, гаражи вскрыты, у соседа там одна машина, вторая. Соседка говорила, что вроде три должно было быть. Он там оставлял. Походил, походил, ни хрена, ни хрена, ни хрена. Туда постучал, туда постучал...

Соседа — Юрку Тарабаскина они грохнули. А по соседству там напротив другие соседи жили. Женщина съехала раньше, а там остался ее сынок. Смотрю, дом сгоревший. Может, снаряд попал — дом полностью сгорел.

Украинцы это сделали, когда отступали. И когда они уходили, они машины забирали и бабахали. Там все гаражи были вскрыты. Мой гараж сломали. Потом я еще раз приезжал, уже махнул рукой, там уже почти ничего нету.

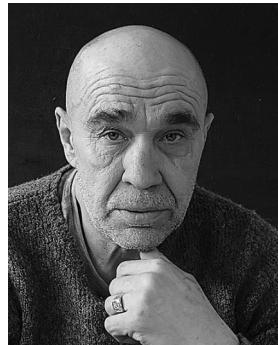
***Николай, житель поселка Новгородское
(Нью-Йорк; во время описываемых событий
находился под контролем Украины)***

ВСУ грабили. Ездили по домам. Аппаратура, все оставалось, телевизоры, холодильники. Ездили на микроавтобусах, все это собирали. Ну а потом, видать, между собой делили и отправляли по «Новой почте».

Вокруг моего дома стояло 4 или 5 минометов. Самые ближайшие метров 15–20, 80-го калибра они поставили. Еще как стреляли.

*Юрий Валентинович Бурик,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Украинские военные мародерствовали. На дачах они всё повышали, увозили холодильники, микроволновки, бытовую технику.

*Раиса Анатольевна
Каримова, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

При Украине мы плохо жили, мы боялись выйти на улицу. Украинская армия враждебно настроена к мирному населению. Такое отношение всегда было. Всегда такие взгляды были ужасные. В 2014 году грабили город настолько, что это был просто ужас. Выносили всё, даже унитазы снимали. Унитазы снимали и отправляли из Очеретино по «Новой почте» на Западную Украину. Детские вещи отбирали. Люди, которые работали на

«Новой почте» в Очеретино рассказывали, что как-то мешок порвался, а там детские трусики.

Крали всё: кастрюли, посуду, унитазы, люстры. Все собирали, все, что могли, несли мешками. Я работала в больнице тогда в 2015 году бухгалтером, бежала с работы. Они вышли с соседнего дома с двумя мешками, меня увидели, что я иду, вокруг никого не было. Я думала: боже мой, хоть бы не убили. Я отвернулась, бежала домой как могла, пряталась. Они мародерили как могли.

Страшно было. Ужасно было страшно. Очень боялись, что они еще, не дай Бог, как в Мариуполе, нас еще возьмут в заложники. Это было очень страшно, мы были сильно напуганы, очень.

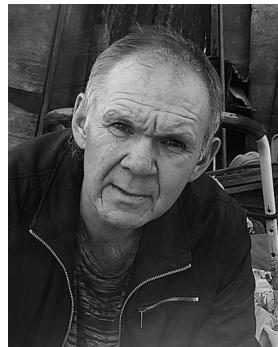
Когда СВО началась, сын работал, восстанавливал вторую школу рядом за нашим домом. Школу сдали полностью. Муж там работал. Завезли новое оборудование, это был 2022 год. Украинские военные заехали в школу, вывезли, мы рядом живем, вывезли машинами полностью компьютерные классы, то, что там было завезено. А потом в эту же ночь школу полностью спалили. Они ее расстреляли, школу расстреляли.

Дмитрий Вячеславович Положенцев, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Холодильники, стиральные машинки — всё пёрли, а в Красноармейске продавали. Вот этот мэр, вот этот Барабаш, открыл магазин там в Красноармейске. Все знали. Потом военная милиция приехала как ни в чем не было. А где, а кто, а что? Как будто они сами не знали, что происходит. Никто не жаловался. Стоит машина,

грузится, я ж не подойду — что вы грузите да это самое. Тем более с другого дома.

**Андрей Владимирович
Микитан, житель города
Антрацит (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

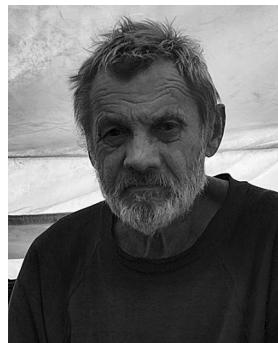

Украинские войска тут грабили. Заходили, взламывали, что могли, забирали и отсылали. У них машины были, везли на почту, вплоть до макарон. На почту возили и себе отправляли. Это я знаю сто процентов.

Вэсэушки выпивали, постоянно под наркотой были. Молодежь последняя, кто пришли. По ночам было такое, что своих стреляли. Памороки (папиросы) забывают. И начинали стрелять по своим. То есть это вот украинские старослужащие говорили, что молодежь их принимает наркотики.

**Иван Михайлович Гриценко,
житель деревни Спальное
(Курская область)**

От украинского обстрела у нас в селе пострадало примерно домов десять частных. У меня дом пострадал. Снаряд упал, и все загорелось. Дверь в погребе загорелась. Я бежал

полями, посадками и прочее. Было сложно. Вчера целый день добирался.

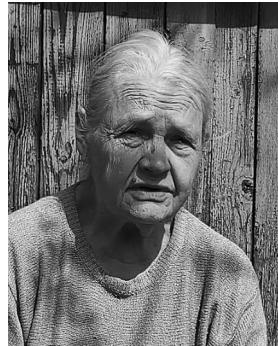
***Наталья (62 года), житель города Дзержинск
(Торецк; во время описываемых событий
находился под контролем Украины)***

ВСУ сильно мародерничали. Вот люди закрыли магазин. Они подгоняют машину, вывозят все. Мебель, машинки стиральные, швейные, всякие разные.

Некоторые вэсэушки не хотели воевать. Просто не хотели. Их привозят, их заставляют воевать. Они говорят, мы не будем. Они их расстреливали тут же. Потом другие сбегали. Их ловили, один был случай, они сбегали, эти военные, их поймали, отвезли куда-то в Полтаву, в эти вагоны кинули, а там куски мяса, уже куски от других солдат, просто присыпанные хлоркой, и их туда кинули, сидите, вот так.

Другие вэсэушки воровали, все, что есть в доме, вывозили. Моя сестра в морге работала, знакомая. Лежат куча военных уже в морге и куча телефонов. Звонит телефон, звонит, и звонит, и звонит, и звонит. Ей уже надоело, она поднимает, только нажала. А там мама отвечает: Коля, не надо ничего везти уже больше, у нас все есть, и машинка, и телевизор, у нас уже все есть, нам не надо больше везти. Вот так, все везут отсюда домой, туда, на Западную Украину, то, что люди здесь годами наживали, они в машину и туда. А другая, наоборот, сыну звонит и говорит, а что ж ты ничего не везешь, там вот сосед уже столько всего ему дали за хорошую службу, и машинку стиральную, и то, и все, а тебе еще ничего не дали, что ты ничего не везешь.

*Татьяна Александровна
Кизилова (67 лет), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

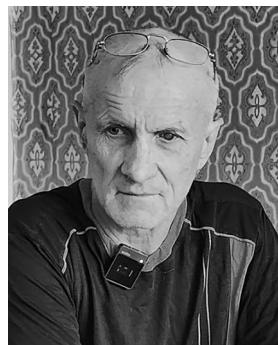

В одном доме они жили и оттуда стреляли. Раз смотрим, идут — значит, уже будет обстрел. Пришли, постреляли, ушли. Украинцы стреляли по городу, по нам. Стреляли они и с этого дома. Но они хитрые, они поставили пушку, пришли, постреляли и ушли. Нами прикрывались.

Если мы на огороде, они стреляли, выбороочно стреляли. Они знали время, в какое время жители выходят на огород. В это время они стреляют. Они пили, пьянистовали и стреляли.

Дома все обворованные были. Все-все дома. Кто уехал, все дома разграблены, обворованы. Они даже вот шифоньеры, столовые ящики на полу переворачивают. Если вам что-то надо, ну возьмите аккуратненько. А там все затоптано.

*Сергей, житель поселка
Новгородское (Нью-Йорк;
во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

ВСУ грабили, конечно, конкретно все. Аппаратуру, технику. Ну все, что можно было вывезти.

Холодильники, микроволновки, вот это все. Ну, что можно было, хорошее, ценное, да, то все вытягивали. Отправляли там как-то, я не знаю, по почте они или так вывозили. Беспределом занимались, конечно, конкретно.

***Олег Белоусенко, житель города Авдеевка
(во время описываемых событий находился
под контролем Украины)***

Украинские войска в основном стреляли с леса. У нас в лесу, не видно, в лесу стояли, и оттуда артиллерия лупила по Авдеевке. Наверное, у них задание такое было. Чтобы больше разрушений, чтобы свалить на Россию. И в основном, короче, я понял так, что разбивали город, чтобы люди уходили и украинские войска мародерничали.

Взять нашу улицу, коттеджи, что разбиты. Они все почистили, начиная от бытовой техники. Даже не стеснялись, посреди дня вывозили. И бытовую технику, все, даже ворота снимали.

***Валентина Михайловна
Трубникова, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)***

Особенно вначале, они вначале очень зверствовали. Все гаражи взламывали и все тащили, все за-

бирали, где что лежит. Еще работала «Новая почта», она вся завалена была. Придешь, если там по мелочи что-то заказали или отправить надо, да не достоишься. Они машинами все вывозили.

***Виктор Сверлов, житель города Авдеевка
(во время описываемых событий находился
под контролем Украины)***

Мародерство было с начала войны. Как только ротация пройдёт, новые украинские военные лазают по квартирах, по домам. На старой части города даже ворота снимали кованые. На «Новую почту» везли и отправляли домой холодильники и телевизоры. Всё, что понравилось, то и забирали. Машинами вывозили. Машины отжимали — останавливали, документы забрали, тебя выкинули, и все, машину забрали и уехали.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЕ ОБСТРЕЛЫ И УБИЙСТВА ВСУ МИРНЫХ ГРАЖДАН В ЦЕЛЯХ АНТИРОССИЙСКОЙ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

В ЗАПАДНЫХ СМИ И НАСИЛЬСТВЕННАЯ ДЕПОРТАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ ВРЕМЕННО КОНТРОЛИРУЕМЫХ УКРАИННОЙ РАЙОНОВ

Значительное количество свидетелей подтверждают, что многие из кровавых обстрелов с убитыми мирными гражданами во временно подконтрольных Украине русскоязычных районах Донбасса со стороны киевского неонацистского режима были ими произведены исключительно для обеспечения съемок украинскими или западными СМИ в целях обвинений в адрес России. Эти данные соответствуют многочисленным фактам, которые были ранее зафиксированы Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов (председатель – М.С. Григорьев).

Киевский неонацистский режим также активно использовал такую форму террора по отношению к русскоязычным гражданам, как их принуждение к переезду из этих районов. Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов зафиксирован целый ряд свидетельств нанесения ВСУ прицельных ударов по домам тех, кто отказывался переезжать. Другой формой террора являлась постоянная угроза похищения их детей. Последнее было связано и с

пониманием киевского режима того, что большинство русскоязычного населения этих временно контролируемых Украиной районов не признает его легитимным и хотят оказаться в составе России.

Наталья, житель поселка Кирова (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

ВСУ обстреливали места скопления людей, например во время выдачи гуманитарки, а потом приезжали журналисты. Это все мирные жители, все мы понимали хорошо. Если в городе была пресса, жди обстрела. Только происходил обстрел, сразу приезжала же, буквально через какие-то минуты, пресса и скорая.

Например, гуманитарку выдавали на Дзержинском шахтере. Был обстрел, сразу скорая, пресса. Я знаю, там хлопчик был раненый, женщина была убита. И потом, буквально уже в этот день, они выкладывали по интернету, как Россия нас обстреляла.

А стреляла Украина, а не Россия. Возле моего магазина были тоже обстрелы. Были такие обстрелы, что мы прятались. Потом выходили уже, когда успокоилось, выходили. Приезжали наши ребята, заделывали окна, они выходили и смотрели, откуда полет снаряда, и он никак не с России. Он летел с Константиновки, с другой стороны.

Недалеко от нашего дома, где мы жили на своих домах, в Соцгородке, были ВСУ. Они выбирали дома там, где им нравилось, они людей выселяли. Сторож работал,

был в ночь, а потом пришел, а там уже украинцы. Его выгнали и сказали: иди, батя, пока живой.

И мы увидели, как Россия к нам относится. Когда мы пришли, мы и горевшие, мы и без воды, и без еды. Нам русские военные и водичку, и покушать. Мы все видели. Ребята сами рисковали и нас выводили. У них другие задачи были, но они начали, потому что у меня дочь инсулиновая зависимая, и нас вывели в первую очередь, потому что у нее инсулин заканчивался. Они на свой риск.

Юрий, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Украина давно уже обстреливала Авдеевку. В 2022 году украинские войска заехали на переезд возле 14-этажки, развернули «Град» и давай стрелять. В итоге трое погибших. Это были самые первые обстрелы. Ни русских войск, ни ДНР — никого еще не было.

Гуманитарку привезли один раз. Людей много собралось, раздавали еду. Украина начала с «Градов» отрабатывать. Они прям рядом ложились, очень близко, и, естественно, мы давай прятаться. «Град» стреляет, и сразу же ложатся осколки. То есть сразу слышно их.

Бывало, обстрел, и сразу буквально через пять минут являются репортеры. Начинают снимать: мол, русские боевики опять обстреляли и все такое. А стреляли украинские. У нас было постоянно, когда репортеры появлялись — обстрелы.

Было так всегда — только вот дали свет, починили, и тут сразу же выстрел, прилет, и света нет. Три секунды — прилет. Мы засекали, считали время. Три секунды проходит, и сразу же прилет. С Донецка выйдет лететь дольше намного. Украинцы разбивали все.

Они обстреливали Авдеевку чтобы выгнать полностью людей из города, чтобы сделать из него укрепрайон.

*Игорь Григорьевич
Прокопенко, житель
города Артемовск (во время
описываемых событий
находилась под контролем
Украины)*

С украинской стороны стреляли, они целенаправленно уничтожали дома и людей.

Однажды я находился в своем доме. Дрон летал над домом. Через минуту украинский снаряд попал в гараж, и он загорелся со всем, что было внутри. Вторая ракета прилетела в дом, а через несколько секунд еще одна. Жена получила ранения — рваная рана левой руки, лопнула барабанная перепонка. У меня осколочные ранения ног, а жена — левая нога и левая рука, голова, ухо.

Пришли как-то к соседям, а у них дом взорванный. А когда через улицу Мира проходили, я не знаю, мы выжили, потому что три раза по нам стрелял украинский снайпер, но не попал. Супруга была тяжело ранена и сознание теряла, когда мы шли эти 950 метров от дома до тещиного дома.

У нас были те, которые за Украину, и они всех сдавали. Квартальная была сторонницей ВСУ и сдавала, где

кто выехал, у кого какие взгляды, где дети, где не дети. В общем, всю информацию сдавала. Она наводила этих «Белых ангелов». Забирали детей. Ребенка затягивали в машину. Сказали, что привезли помочь ребенку, надо документы. Мама пошла за документами... ребенка выхватывают с рук и в машину. Она в слезы, в крики. Что же вы делаете? Говорят: хочешь, едь с нами. Они все в душе понимали, что люди здесь не хотят Украины. И как говорят: так не доставайся же ты тогда никому. И соответственно, вот это же все они и разрушали.

В большинстве своем ВСУ нас «ждунами» называли и что мы ждем русский мир. Лично мне в глаза говорили: «Что вы там тяните эти дрова, все равно вас тут всех положат». Говорили: «Да вам осталось считаные дни жить, так что вы тут можете не стараться».

ВСУ по мне стреляли. Один раз пять раз стреляли. Я пошел забирать телефон с зарядки. Я на велосипеде, думаю, быстрее, чтоб проехать. Перекресток переехал, вот это Бахмутское широкое, увидел, что «тойота» белая едет с черными этими полосами, ну, украинская. И они остановились за мной, я еще оглянулся посмотрел, думаю, чего они стоят.

Начались выстрелы, пять раз стреляли. Я упал, а они, наверное, подумали, что попали. ВСУ там живут в частных домах.

Они могли идти по улице, я лично видел, и стрелять просто по домам. Вот тупо они стреляют по домам. Вот идут пять человек, два туда стреляют, три туда — по домам, расстреливают дома. Кто из чего, кто с подствольника стрельнет, но в основном автоматами баловались. Для чего это делалось, я не знаю.

Как-то я ехал сверху с нового рынка и через мост новый, и по мне тоже украинский снайпер стрелял.

Четко просвистело. Больше после этого я на велосипеде не ездил. А буквально через день, «Волга» ехала. Ее расстреляли, и люди погибли. «Волга» с паллетами полностью гражданская, и на крыше паллеты лежали для отопления и в багажнике. Они стреляли с межколонны и стреляли с водоканала. Там у них были точки боевые. Они там несколько месяцев стояли и оттуда стреляли. Это то, что я видел своими глазами. Мне с дома было видно.

Если прессы появилась, жди — 5—7 минут, и обстрел будет. России рядом еще даже не было. Украина стреляла. Были такие случаи, что проезжаю, стоят машины прессы, и буквально минут 3—5 проходит, и туда идет обстрел этого района, там, где была пресса. А прессы было очень много, и из Франции машины ездили, и в общем иностранных государств пресса была. И вот они снимали. Только они оттуда уехали, и сразу этот район обстреливался.

В районе ДК тоже прессы приехала, мы за гуманитаркой пришли. Жена говорит: «Пресса приехала, побежали отсюда!» Мы гуманитарку схватили и бегом оттуда. И уже за нашей спиной буквально минуты три проходит и обстрел начинался. Район накрывали от и до. И ДК горело, там, где именно гуманитарка находилась. Как специально уничтожали людей. Людей скопление ж было. И потом после обстрела этого появлялась пресса опять на этих местах. Минут 20 после обстрела. Иногда вообще практически сразу же.

Таких случаев пять было, где я был свидетелем. Не с чужих разговоров. У нас возле дома такой случай был. Я с работы ехал, пресса побывала, я домой только заехал, и буквально несколько минут обстрел начинался этого района. Пресса, соответственно, оттуда выезжала, об-

стрел прошел, и дома горят, и пресса опять появляется после этого обстрела. Обстрел прошел, и после обстрела только затихло, и они сразу же появляются. Отъезжают в центр города, стоят там, потом с кем-то поговорили по радио, и всё, выезжают опять.

У меня такое ощущение складывалось, что они прям с прессой и ходили, или командующие, или как. Они с прессой зашли, посмотрели, поснимали. Всё, пресса уехала, и начался обстрел.

У нас на улице по диагонали дом, ВСУ там квартировались одно время. Так там шприцев столько было что... мы на шприцы эти боялись наступить. То ли они их повыкидывали... Они постоянно оттуда с мехколонны за этим домом танком лупили. А было такое, что танк приезжал, мы даже считали с женой, 30 выстрелов, 20 выстрелов. И вот это стоит лупит, лупит и лупит. Стрелял в сторону Забахмутки, там все горело после этого. И люди говорили, что от вас стреляли к нам. По мирным стреляли. Забахмутку обстреливали. Там они раньше ее начали утюжить, и Забахмутку они стирали с лица земли. Просто они уничтожали город, и все.

**Евгений Дмитриевич Лантух,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

Были украинские провокации. Остановились где-то в районе Семафора, танк их встал и стрелял

в нашу сторону. Ну, сколько там? Допустим, километра два, и выстрел, и сразу прилет. Стреляли с целью провокации, просто с целью провокации. И это все снималось на видео. Были журналисты, и сразу прилет, сразу прилет, и сразу появляются через три минуты журналисты. Маловероятно, чтобы с такой скоростью они приехали из города Дмитрова или Красноармейска. Маловероятно за три минуты им добраться в город Авдеевка.

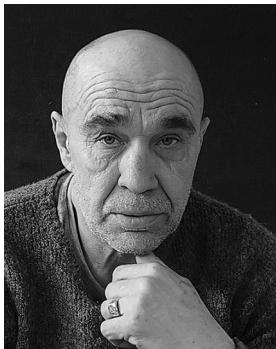
**Анастасия Александровна
Замора, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

После начала спецоперации мы все переехали в дом в старой части города, там, где есть подвал, обустраивали подвал и жили все там, потому что очень часто по ночам были прилеты и по домам, и по городу. По большей части по городу стреляла Украина – Россия если и стреляла, то она аккуратненько пыталась именно там, где военные. Мы слышали, что украинский танк сначала лупит на Донецк, на Ясиноватую, а потом разворачивается и по нашему городу. Создавали такое впечатление, что это Россия целенаправленно расстреливает мирных граждан.

Мне семья рассказывала, что постоянно приезжала пресса и на иностранном языке и в этот момент начинались обстрелы или когда должна была приехать важная персона. Но заметьте, они по своим никогда не

стреляли. Если по дороге машины украинские, туда не летело ничего.

**Юрий Валентинович Бурик,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

Когда журналисты приезжают, когда ОБСЕ приехало, там начинается обстрел. Журналисты это все фиксируют, но мы-то видим, мы-то знаем, откуда куда стреляют. Если с запада стреляют, это у нас слышит уже каждая бабушка, у нас уже знают, что прилетело, что вылетело. С Украины получается. Конечно, это все понимали.

В феврале украинский танк заехал, выстрелил по заводу, развернулся, выстрелил по Ясиноватой, выстрелил по ТЭЦ. Я еще видел, там где-то попало.

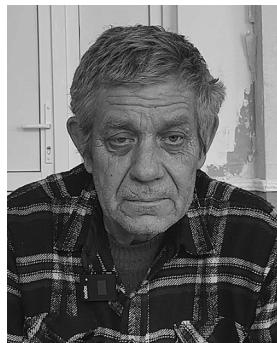
**Полина Александровна Замора,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем
Украины)**

Как начались прилеты по городу, у меня сразу мысль — какой-то журналист из правительства Укра-

ины опять приехал в наш город, чтобы показать, что по нам ДНР, как говорится, лупит по городу. Как-то приезжали от Украины журналисты и говорят: ну вы постреляйте здесь куда-нибудь, мы сфотографируем, как вас здесь обстреливают. Запомнилось. Муж должен был ехать с работы, чудом не попал, как говорится, под снаряд. Он успел проехать, а автобус, который сзади ехал, пострадал. Зеленский должен был приехать. Накануне приезда Зеленского планомерно, как говорится, украинцы утюжили город.

Виктор Сверлов, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Только их корреспонденты приехали, тут точно — жди прилета. Скопление народа — жди прилёты. Или главное начальство приехало какое-то. Только начальство уехало, есть прилёты. Украина — это хунта. Я их только хунтой называю.

Ну как вам рассказать. Бывало, что журналисты приехали. По центральной улице ходили, снимали, брали интервью. Сразу начинается обстрел. С минометов. Или начальство СЭЗа. У нас СЭЗ, коммунальное хозяйство. Начальство приехало, а народ-то скапливается. И по этому СЭЗу, по домоуправлению начинают прилетать. У меня сын работал там, под завалами был. Короче, расстреляли тот СЭЗ. Именно украинцы стреляли.

В декабре я в квартире был. У меня голова только зажила, так опять побило. То взрывом, то осколками, то щепками, то дверью. То дрова рубал, я на втором этаже жил, не услышал, когда снаряд пролетел в соседнюю квартиру. Меня волной занесло в мою квартиру, я дверь вышиб. До сих пор голова побитая, не заживает. Это украинский снаряд.

**Дмитрий Вячеславович
Положенцев, житель города
Авдеевка (во время описываемых
событий находился под
контролем Украины)**

Мы находимся в поселке Химик — город Авдеевка, ул. Королёва, 1, в подвале нашего подъезда. Мы тут почти ровно два года, как Украина начала обстреливать. Чтобы выезжали люди. Массовые обстрелы. Люди поехали, очень много сразу поехали. Обстреливали, чтобы люди выезжали, чтобы здесь было как можно меньше населения, чтобы это население, как говорится, никому не досталось. Во время обстрела тогда погиб наш сосед, Женя с первого подъезда. У меня друзей сколько погибло. Прилёты со стороны Украины. Оно же слышно, мы здесь живём десять лет. Мы уже за это время, скажем так, конкретно научились. Главное — время. Мы слышали выстрел — и сразу прилет. Буквально несколько секунд. Это всё делают.

На Королева пять украинские минометчики жили одно время, тоже закидывали по городу. Идёшь с этой баклажкой с водой, а они закидывают. Блуждающий

миномет тут ездил по дороге со стороны завода и до переезда. Вот по этой дороге он едет и стреляет. То туда повернёт, то сюда повернёт. Ну, миномёт — это ещё, скажем так, цветочки. Это было вначале. Потом они «Градами» стреляли, и чем только не стреляли. Естественно, по городу. У меня сын за столом сидел у окна, я его в охапку, мы тут встали, я вот так обнял его, а ему еще было лет 11... Под «Градами» вывозили его в 2014-м. Отец мой вывозил его под «Градами». За машиной вот так «Грады» ложились. Вот он ехал, а за машиной ложатся «Грады» и падают деревья.

Только украинский обстрел прошёл, журналисты, вот они уже. Раздавали гуманитарку и из миномётов обстреливали. Еще людей на заводе одиннадцать человек было ранено. Был конец рабочего дня. Они подождали автобус, знают, что автобус с автостанции, и вот туда они «Грады» и положили. Украинцы били вот с этой стороны по заводу. И написали, что русские обстреляли. Они всегда пишут, что русские. Они пишут: «Русские же и Донецк обстреливают, русские всё обстреливают».

*Алексей Викторович Юдин,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

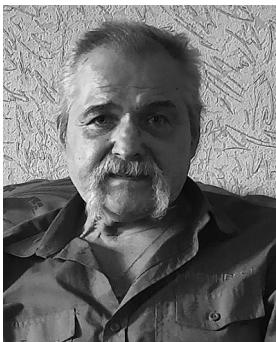
Обстрел только закончится, сразу появляются украинские и западные журналисты. Фактически проходит минут пятнадцать, минимум двадцать, и они уже здесь. Откуда они берутся тогда?

Если, говорят, приехали журналисты в Авдеевку, все равно кто-то же их увидит. Все, люди начинают готовиться, что будет обстрел какой-то сильный.

Когда к брату приходили, ходили вокруг дома, все рассматривали, дом фотографировали. А потом на следующий день к ним пролетело в дом. И журналисты приехали. Одна ходила, это женщина в брюках, такая полувоенная, и говорила на микрофон, записывала на диктофон. Когда ей сказали, что ты здесь крутишься, она резко раз и уехала, убежала.

А западенцы могли кричать, выступать соотвественно. Чё ты здесь ходишь? Чё ты не воюешь за Украину? Шо ты ждешь, пока тебя в эти заберут, придут русские, да? Ты русский, ты шпион здесь или шо? Они говорили, если мы будем уходить, мы Авдеевку сотрем с лица земли.

*Владимир Владимирович
Шубин (64 года), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

ВСУ по голове могли дать прикладом. Не так улыбнулся, не так сказал. Начал разговаривать на русском языке. А ты кто? Я пришел убывать тэбе сюды. Это лично мне было так сказано. Это я жил на старой части, в другой стороне. Пшел женщину встречать с работы. Ночь уже темно, здесь была забинтованная рука. И едет эта железяка. Выезжает вот так. Остановился, закачался. На нем сидит, лыбу давит. Хе-хе, шо, озякался? Был бы

ты без автомата, я бы тебе показал, как я испугался. Говорит: да, я пришел вас сюда убивать. Я так посмотрел, он, я думаю, или обкурен, или обдолбан, или... Как еще? Нормальный человек это сказать не может. Нормальный человек сказать не может.

Вот здесь буквально 20 метров — воронка. Украинцы обстреляли. Вот дом стоит, дом, а крыши нет. Ну, как они сказали, мы должны отсюда уйти, оставить после себя фундаменты, даже до фундаментов не должно остаться. Они этого не скрывали, они это в открытую говорили. Это вам любой человек подтвердит, что они пришли сюда убывать и сровнять город с землей. Они нас сепаратистами считали.

Приезжает телевидение французское. Я жил по Гагарина, 15. Ходил по воду на Королёва, 6, там у нас бойлерная была. Идёшь, смотришь, приехало телевидение французское. Снимают. Всё, значит, жди подарки. Точно, только они появились, всё, значит, жди, сейчас отбомбятся, а потом они начнут бегать, интервью брать: как тут вас россиян обстреляли? Типа вот как ДНР вас тут обстрелял. Ну, мы ж видим, откуда оно всё летит. Ну, не маленькие ж дети, мы тут уже привыкли, уже знаем, что куда зачем летит. Какое вооружение, какой калибр. И куда оно уже летит. Люди перестали даже бояться. Просто за десять лет до такой степени люди уже проторпели. Что женщины, что мужчины.

Одной из новых форм террора Украины против русскоязычного населения являлась их принудительное перемещение или депортация под угрозой похищения детей или уничтожения мест их проживания вместе с их жителями. Жители данных территорий были вынуждены прятать детей от украинской власти, а самим детям приходилась годами прятаться.

Такого рода действия являются прямым нарушением п. 2 статьи 8 Декларации ООН о правах коренных народов, принятой 13 сентября 2007 года резолюцией № 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН: «Государства обеспечивают эффективные механизмы предупреждения и правовой защиты в отношении принудительного перемещения населения в любой форме, имеющего своей целью или результатом нарушение или подрыв любого их права».

*Александр Васильевич
Брусилов, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Украина что делала? Приезжала, записывала, говорила: давайте выезжать. Если нет, время проходит, и дом разбомбленный, людей убило. А они другим говорят: мы же вам предлагали выезжать. Сами же украинцы и разбомбили, сто процентов. Разрушение Украина тут творила. Дом потихоньку стирался, раз — и его нет.

*Наталья, житель поселка Кирова (во время
описываемых событий находился
под контролем Украины)*

Детей «Белые ангелы» забирали. Сначала так, потом угрозами, чтобы родители выезжали. А потом отбирали детей и вывозили. Я работала в Юбилейном, и у меня

была одна покупательница, у нее отобрали девочку. Отобрали, они прям насильно отобрали, куда она ни обращалась. Она обращалась к Чинчику, она обращалась, куда она могла. Чинчик — это мэр нашего города Дзержинский. Военно-гражданской администрации, да. Сам Чинчик приходил и говорил: я вас ненавижу, я спалю весь город. Это сам мэр говорил.

Анастасия Александровна Замора, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Сначала они просто ездили, уговаривали: «Вот вас же Россия обстреляла, вот, может быть, вы все-таки подумаете, вы выедете».

Женщина с мужчиной, они довольно-таки уже в средних годах были. У них первый ребенок появился, желанный, как говорится, ребенок. Их уговаривали выехать не раз. Они — нет, мы останемся здесь. Это наша земля, это наш родной дом. Почему мы должны куда-то ехать на чужую территорию.

Они им: «Не хотите?» Прилетела ракета в дом по ребенку. Ребенку на тот момент где-то было полгода — ни ребенка, ни бабушки. Родители в очень тяжелом состоянии были отвезены в Днепропетровск, в больницу, и плюс там на них еще завели уголовное дело за то, что они подвергали ребенка опасности.

Нас, слава Богу, эта участь миновала. Я вывела ребёнка тихонечко. Он настолько там тихо сидел ... Тетя мужа пришла из работы, что к вам «Белые ангелы» заходили? Их вывезли? Свекровь моя говорит: нет, они в соседней дворе, тихо.

**Сергей Михайлович, житель города
Дзержинск (Торецк; во время описываемых
событий находился под контролем
Украины)**

Эвакуировали нас украинцы добровольно-принудительно. Если они приезжали, особенно к кому с детьми, так там разговора не было. Приезжают — так, собираясь, и увозили.

Если не поедут, они отъезжают, дают координаты и потом по этому дому лупят. Через полчаса или час прилетает снаряд в этот дом.

Недалеко от нашей улицы отказались, а у них двое детей, украинцы только уехали, и через час пролетело к ним в дом. Но там и раненые были дети, и муж раненый, и жена была ранена. Короче, вся семья была ранена. Детям приблизительно лет 12–10.

За украинское мародерство я слышал. Шо и квартиры, и дома грабили по полной программе, как им хотелось, и забирали все то, что им нужно. Мы были до последнего. Мы ждали уже, как говорится, российские войска. Нас выводили россияне. И они говорят, пока я вас не выведу, я вас никуда не брошу. И когда начали выводить нас, мы пробегали от кустарника до кустарника, может, 10–15 метров, и прилетал украинский «камикадзе». Мы под кустарники падали, чтобы не двигались. Они нас и даже своим телом закрывали нас. У меня даже тело, вот тут вот бок, вот это вот красное. Это пролетело, что я его так взял, вытащил, это с «камикадзе», буквально метров десять или пятнадцать от меня разорвалось, военный прикрыл, они в бронежилетах более-менее, а я был вот так вот, как сейчас перед вами сижу.

*Раиса Анатольевна
Каримова, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

У украинцев была цель уничтожить город полностью. Они начали обстреливать школы, садики целенаправленно, потому что не просто там какой-то дом, а именно школы, детские сады и потом магазины, чтобы люди не могли купить продукты. Хотели инфраструктуру полностью уничтожить.

В АТБ люди жили в бомбоубежище, их там было человек 30. Приехал наш бывший мэр города Барабаш. Они людей вывозили насильно. Приехали автобусы, людей выгоняли чуть ли не палками. Кто что мог брал, брали сумочки, документы и уезжали.

Как-то мы стояли вот здесь, возле подъезда. Это был 2022 год. Снаряды летают, но мы тут возле подъезда, как всегда, прячемся возле подъезда, как-то безопаснее. И потом вот сюда, в кафе, у нас здесь рядом, прилетела ракета или снаряд, я не знаю, но свист был сумасшедший. Получилось, что мы стояли втроем, я, муж и соседка. Они успели зайти, я не успела, и я меня контузило. Я на одно ухо не слышу вообще до сих пор. Стреляла Украина. У нас все в городе знают, кто город уничтожил. Украина.

«Белые ангелы» приезжали сюда и детей вывозили насильно, детей до 14 лет. Это даже они не спрашивали, хотят родители выехать, не хотят с детьми выезжать. В соседнем доме, за нашим домом, мальчика одного прятали вообще целый год, потом его всё-таки выследили,

забрали и увезли. Это было очень обидно и страшно, потому что детей вывозят в неизвестном направлении. Подъезжает машина, микроавтобус, люди с оружием. Потому что это все было под угрозой. Куда вывозили детей, никто не знает, может, в детские дома, может, на Западную Украину.

***Иван, житель города Дзержинск
(Торецк; во время описываемых событий
находился под контролем Украины)***

На данный момент детей очень в городе мало потому, что насилию была произведена эвакуация. Если родители отказывались вывозить ребенка, то его забирали без родителей. «Белые ангелы». Они известны с отрицательной стороны — если насилию забирать детей у родителей, то кто же это одобрит? Куда-то вывозили, и родители впоследствии не могли отыскать, куда их вывезли конкретно, в какое место, город. Не могли найти. Вполне возможно, такие слухи ходили, что их куда-то продавали на усыновление в западные страны — европейские, американские.

***Ирина Болеславовна Кузнецова,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)***

У нас женщина была по улице Пархоменко. У нее был маленький

ребенок, и к ней приезжали не один раз, чтобы она уехала. Она жила с маленьким ребенком, был младенец. И к ней приезжала комиссия, комиссия за комиссией приезжала, чтобы выехали. Она не уехала, она давала интервью. Это было в интернете, что она никуда со своего дома. И в этот же день прилет к ней в дом.

Если начинают говорить за эти обстрелы, цепляться с ними ни в коем случае нельзя было. Начинать препираться, говорить «вы стреляете» нельзя. Они говорят: мы не стреляем. А потом будет обязательно прилет в твой дом.

Алена (17 лет), житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Меня два года прятали от украинцев. У нас в доме сделали из вещей, из ящиков, такую каморку. Два года сидела постоянно в квартире.

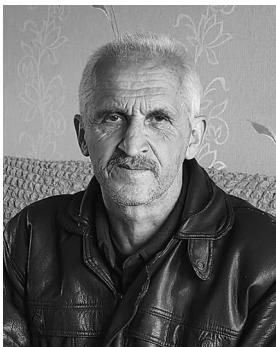
Вика (22 года), житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Приходили украинские военные и предлагали эвакуироваться, спра-

шивали, у кого есть дети, маленькие дети, и собирали их всех на эвакуацию. Это не только мы прятали младшую мою сестру, а и другие. С нашего дома забрали одного мальчика, ему было три года. Родители его тоже прятали. Потом украинцы узнали и в принудительном порядке. И сказали, если вы не сможете уехать, то мы раздадим повестки на фронт мужчинам. Они выехали.

Мы понакладывали подушки и одеяло, чтобы Алену вообще не было видно. Я училась за двоих. И за себя, и за Алену. Я сперва поднималась на пятый этаж — там искала интернет. А потом туда прилетела ракета. Ну, тогда уже бегала, искала интернет по улице. Ну, страшно, а что делать?

**Николай Алексеевич Гладков,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

Детей вывозили из Авдеевки. Заставляли. На Пархоменко погибли бабушка, внук.

А до этого с полицией мэр Барбаш приезжал. Сказал, чтобы выезжали. Она отказалась выезжать. А потом уже в эту же ночь прилетела мина.

Мы готовились к худшему. Потому что здесь укрепрайон сильный был. Все готовились, будет жестко. Еще думали, выживем или нет. Утром встал в субботу. Один бой прошли, а потом трое выходят, идут, зашли к соседям. Я выхожу, говорю, ребята, там никого нету,

никто не живет. Российская штурмовая бригада. Молодцы, они вежливо, хорошо обращались. А украинцы заходили в магазин, говорили: мы приехали вас убивать. Готовьтесь. А будем отходить — в каждый двор по гранате. Они в открытую говорили: мы приехали вас убивать.

Андрей Лазарев, житель поселка Новгородское (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

В поселке, где мы жили, приезжали к семьям. Есть дети? Есть. Если вы не выйдете с нами, то мы их заберем. Все равно, мать, не мать, отец, не отец. Забирали детей.

Игорь Валентинович Константинов, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Заставляли выезжать родителей с детьми. Как выявляли, где ребенок, заставляли родителей. Многие люди прятали детей-то. Не хотели выезжать, прятали детей.

*Ирина Анатольевна Пелех,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Мою дочку с внучком украинцы заставили принудительно выехать. Они ходили по городу, спрашивали, где есть дети. Потом я лично это точно знаю, что они стреляли по бомбоубежищам, потому что знали, я так думаю, где дети. Это специально, чтобы это происходило быстрее, чтобы вывезти людей, чтобы напугать. Приходят с полиции, знают же, где дети находятся, где детей-то много.

*Зинаида Петровна Митрика,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Мы все время были в подвалах, выходили только к магазинам. Был такой случай. Девочка родила мальчика. Света. И к ней украинцы приехали и начали вывозить ребенка. Ну она там что-то выступала, сказали так, что не хочу вывозить ребенка, он маленький. На этом не закончилось.

А потом через где-то через часа три сказали, что прилетела ракета и весь дом взорвали. Бабушка с вну-

ком погибли, сказали, что девушка вся обгорела. Муж ее тоже получил травму. Их увезли куда-то во Львов и сказали, что будут ее судить за то, что она ребенка не сберегла.

***Виктор Сверлов, житель города Авдеевка
(во время описываемых событий находился
под контролем Украины)***

А мэр наш украинский Барабаш за детьми охотился, чтобы вывезти детей. Ездили, детей забирали. У нас семья живет, которые спрятали ребенка. Ему четыре годика исполнилось, когда привезли их сюда, они прятали его. Много случаев было, что забирали, увозили. Те же самые волонтеры.

Я знаю случаи, что одного мужчину посадили, пообещали вывезти его, эвакуировать. Оказалось, что они вывезли его в поле, документы забрали, карточку забрали, выкинули из автобуса и все. Он очутился под Киевом. Это не единичный случай. Такое много было в Авдеевке. Просто так. Были случаи, знаю по рассказам. В Черкасы вывозили людей, пенсионеров в дом престарелых. 75 % с пенсии забирали, остальные копейки отдадут.

***Евгений Дмитриевич Лантух, житель города
Авдеевка (во время описываемых событий
находился под контролем Украины)***

Детей Украина забирала. Это было неоднократно. Был такой случай на Химике — женщина, у нее четверо или

пятеро детей. Приехала полиция вместе с волонтерами, и начали там: здравствуйте, по-культурному начали, а закончили, как говорится, по-другому. До драки там. И что они там только ни делали, и били эту женщину, которая многодетная мать, и силой просто забирали детей. Ее тоже забрали и вывезли их силой. Просто забрали детей, посадили в машину для волонтеров, а ее посадили в полицейскую машину.

*Анастасия Карабченцева,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем
Украины)*

Одна мама родила, приехала в Авдеевку, к ним приезжали, говорили, выезжайте. Они отказались.

После этого им прилетело... После этого к ним прилетел зажигательный снаряд. Мама с папой были возле двора, возле колодца, а девочка с бабушкой в доме. И к сожалению, они погибли. Все сгорело.

Ракеты летели с украинской стороны. Было видно, откуда они взлетают — с Царской Охоты. А ещё было, когда нас тогда обстреляли пулями, тогда все ездили, уговаривали уехать. И после этого они начали обстреливать маленькими снарядами, которые напугают конкретно. Где живут люди, и к нам прилетело где-то штук, наверное, пять. Кого ранило, кого нет. Залезть на крышу, что-то там заделать было нельзя, потому что

летит беспилотник, и после этого или кассетными, или обычными накрывают снарядами.

К нам приходили, говорили, выезжайте. То есть, если люди отказывались, после этого ВСУ начинали обстреливать. И еще раз приезжали и говорили выезжать.

В мой дом зажигательные снаряды прилетали. И маленькие возле двора. Перед тем как вы нас освобождали они сидели через две улицы. И вот оттуда было видно, как они стреляли по домам, где еще остались люди. Специально по домам. То есть по линии по той улице и по нашей.

**Александр Владимирович
Замора, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Детей забирали. Объявляли по радио: ищем такого-то, такого-то.

А потом ездили «Белые ангелы», опрашивали всех людей, кто живет на улице. Через магазины. У меня знакомая в магазине работала, говорит, аккуратнее, спрашивают, кто детское берет. Потом приезжают, обыскивали дома, все на момент детей. Не согласились выехать — ночью обстрел. Там семья — и погибшие, и раненые были. По-моему, ребенок погиб. Обвиняли родителей, что они не вывозят детей. И тогда уже насилино выгоняли всех. Если не соглашались, сказали — вывозим детей, а вы как хотите. То есть от родителей.

*Ирина Владимировна Замора,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Украинцы детей отнимали. И нашего искали. У меня, получается, у брата внук. Его искали. Вот четыре года ему, его вывезли отсюда. И через начальство там, где его мама работала, искали его. Через начальство пытались надавить. Где вы, почему вы не выехали, все такое.

Мы все здесь были, все здесь. Решили так и дитя здесь оставили. Ребенок с нами был. Никому на глаза нельзя было показываться, чтобы ни полиция, никто не пришел в дом.

*Наталья (62 года), житель города Дзержинск
(Торецк; во время описываемых событий
находился под контролем Украины)*

Украинские военные вынуждали с детьми уезжать, приходили домой и угрожали. «Белые ангелы» говорили: если вы добровольно не поедите, мы вас насильно заберем, отвезем. А потом подгоняли эвакуационный автобус, допустим, на определенное число, на понедельник или еще. И говорили, вот такого-то числа вы все должны выехать. Люди боялись и уезжали. Принуждали.

Украинцы сровняли шахту с землей, побили дома, больницу разбили. Ничего в городе нет, аптек нет, ничего. У нас вообще такую жизнь создали просто на выживание.

Российских войск еще далеко не было. Близко не было вообще. Но уже все попадало под украинские обстрелы. Даже вот наш дом, в котором мы жили, сейчас его нет, выбиты окна, выбиты двери, побита крыша. Мы постоянно все заляпывали, ремонтировали, чем могли, тем закрывали. И так вот 10 лет на войне прожили.

Украинцы приходили с угрозой. В Артемовске били по огородам, по улицам. Потом сделали с нами то же самое. Прошли с минометом по огородам, потом по дороге, обстреляли все дома, в ряд. У кого у людей нервы сдали, они уехали. У кого не сдали, закрыли окна. Чем могли закрыли — и щитами, и листами.

Зачем украинцы обстреливали? Расовая ненависть. Они просто нас ненавидят. Они нас ненавидят до глубины души. У украинцев ненависть. Нас и били из-за того, что мы русские, из-за того, что мы сидим и не хотим никуда уходить. Они били по домам, по дворам, по чему угодно. Они вынуждали нас, чтобы мы выехали. А мы нет, мы стойкие, мы сидели до последнего, пока пришли русские.

Николай, житель поселка Новгородское (Нью-Йорк; во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Я знаю много случаев, чтобы отбирали детей. Они приезжали, женщины предлагали, что если она не захочет выехать, то они сказали, что заберут у нее ребенка. Она не хотела уезжать, а ей пришлось выехать в Константиновку, чтобы остаться

с ребенком, чтобы они его не забрали. Угрожали забрать, и все. В детский дом, куда там они хотят.

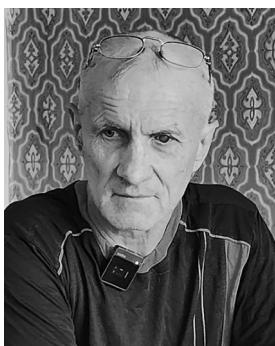

***Роман Раджевич Каримов,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)***

Много случаев было, когда детей забирали. Приезжают в микроавтобусе с наклейкой «Белый ангел».

Это полиция. Приезжали, заходили в подвалы, искали детей. искали сильно. Если находили, сразу насилино забирали от родителей. То есть детей хватают, родители тянут обратно. Очень много случаев было.

У нас к соседям приезжали в соседний дом. Я лично видел, как забирали детей. Родителям говорили: либо один родитель едет с ребенком, либо мы его забираем без родителя, если вы не хотите ехать.

***Сергей, житель поселка
Новгородское (Нью-Йорк);
во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)***

ВСУ насилино эвакуировали детей. Приезжала полиция, заставляли, да. К девушке одной приехали,

ребенок маленький, года четыре. Приехали волонтеры, как они называют себя. Естественно, с полицией, заставляли, вывозили в сторону Украины. Под принудиловкой, я так понимаю.

***Ирина Михайловна
Белобородова, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)***

Там была женщина, родила ребеночка, и им сказали, уезжайте. Мэр, городовой, или, как его, Барабаш, да. Ну, я его Бармалеем назвала. А она говорит, никуда я не поеду. А они только пришли, предупредили, только уехали, как бомбанули. И ребенок, мама ее, их вынесло с хаты...

Света ее зовут. И она такого мнения тоже, что это специально обстреляли... И они, когда выехали отсюда, значит, ей голову долго не зашивали. Во Львове заставляли только на украинском разговаривать, тогда только мы будем зашивать.

НЕИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОБСТРЕЛЫ, НАМЕРЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ДОМОВ С МИРНЫМИ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ГРАЖДАНАМИ НА ВРЕМЕННО ПОДКОНТРОЛЬНОЙ УКРАИНЕ ТЕРРИТОРИИ

Женевские конвенции и протоколы к ним однозначно запрещают коллективные наказания, убийства и акты терроризма по отношению к мирному населению как в контексте международных конфликтов, так и вооруженных конфликтов немеждународного характера.

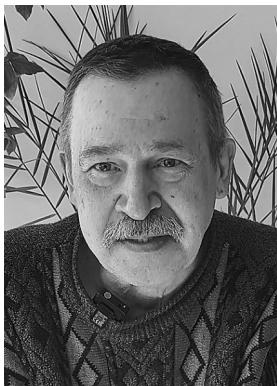
IV Женевская конвенция определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства». В статье 147 IV Женевской конвенции также указано, что преднамеренное убийство относится к серьезным нарушениям Конвенции.

Согласно Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 года, «запрещаются и будут оставаться запрещенными в любое время и в любом месте посягательство на жизнь, здоровье, физическое и психическое состояние лиц, в частности убийства, коллективные наказания, акты терроризма

в отношении лиц, всех лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших принимать участие в военных действиях». В статье 13 соглашения также указано, что «гражданское население, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения».

Опрошенные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов (председатель – М.С. Григорьев) неопровержимо свидетельствуют, что Вооруженные силы Украины на постоянной основе совершали грубые нарушения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним – подвергли неизбирательным обстрелам русскоязычные населенные пункты и города на территории, находившейся под их временным контролем. Для местного населения было очевидно, что такого рода обстрелы являются формой запрещенного коллективного наказания, а также были направлены на террор по отношению к местному русскоязычному населению. Один из пострадавших упоминает, что организация такого рода террора называлась у ВСУ «покошмарить местных».

Один из свидетелей также приводит факты участия в обстрелах мирного населения французских военнослужащих или наемников на танках производства Франции. В целом ряде случаев пострадавшие говорят о намеренных украинских ударах по конкретным мирным домам или объектам гражданской инфраструктуры. Например, свидетели говорят о том, что намеренно уничтожались дома с русскоязычными жителями, которые отказывались от эвакуации или говорили о том, что он не поддерживают киевский режим. Пострадавшие также рассказывают о фактах намеренного уничтожения мирных домов во время бегства украинских военных.

Игорь Валентинович Константинов, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Украинцы намеренно обстреливали нас, чтобы люди выезжали. Пугали, свет перебили, специально перебили — подстанцию просто расстреляли из танка. Когда стреляли, мы слышали, откуда летит. Все слышно откуда. Если выстрел и сразу упало, это же ясно уже, что с близкого расстояния выстрел.

Когда у нас еще работал базар, люди, которые были там, рассказывали, что приехали украинские военные. Покрутились вокруг и уехали. Через 5—10 минут прилетели «Грады». Много и погибло, и ранено. Еще в 22-м году. И магазины они все поразбивали. Стреляли в сторону магазина. Украинские войска.

Александр Александрович Федоренко, житель города Васильевка (Запорожская область; во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Я лично был свидетелем украинского обстрела. Когда мы с моей

семьей находились в убежище и у нас закончились полностью все продукты питания, памперсы. Я побежал на точку, где выдавали гуманитарку. И после того как я получил гуманитарную помощь и начал направляться обратно к себе домой, в убежище, начался со стороны Украины обстрел по жилым домам.

И в этот момент, когда я начинаю понимать то, что падает, снаряды разрываются в районе там, где находится мой дом, я начал очень быстро бежать. И для меня это было, наверное, самое страшное — прибежать домой и увидеть там большую воронку. Стреляли бесконтрольно по жилым домам, где прятались люди, и полностью их хотели уничтожить.

Это было в 2022 году, где-то за месяц-полтора после того, как нас уже полностью освободили. Украинские вооруженные силы бесконтрольно обстреливали город.

В другой раз я вернулся домой, ложусь в кровать, в этот момент я из окна вижу резкую вспышку. Перед этим три глухих выстрела. Мы слышим, когда вылеты, мы слышим выходы. И когда я услышали выход, я уже как все равно и морально готовился, что сейчас, возможно, будет прилет. И знаете, в этот момент я приготовился, и была резкая вспышка, прямо как дневной свет. То есть в доме была абсолютная темнота, и одно мгновение была вспышка, и потом раздался такой неимоверный чудовищный взрыв. Просто, знаете, как в фильме ужасов, резко отрубился полностью телевизор, все полностью вырубило. И я в этот момент думал, первая мысль была — ну что, все? Честно вам скажу. И такое слышу голос соседа, которому там тоже снесло крышу, и матерными словами выражался, понятное дело, я думаю, все — живые. Перед домом, где-то десять метров, полностью выпала кассета РСЗО «Ураган».

Там болванка нереально огромная была, я ее видел. И дерево, которое было, оно как-то над деревом взорвалось, и это дерево полностью сгорело. Все залетело в дом. Вырвало все рамы полностью, крышу всю, как листок бумаги, как рукой срезаешь, крыша полностью была уничтожена.

У меня машина разбита, у меня дом разбит, соседские тоже. Прямо перед моим домом у меня взрывная волна пошла в мою сторону, у меня стекла машины полностью все пробивало, а у соседей этот разлет осколков, у них полностью крышу дома разбило, шифер поsekло.

*Наталья, житель поселка
Кирова (во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Украинские войска обстреливали нас, знаете, как по написанию, по районам. Мы уже даже знали, когда какой район. Вот если, к примеру, обстреляли центр города, значит, следом за ним будет микрорайон. Потом будет Забалка, потом будет Кирова, потом будет там еще окраина. Мы уже знали.

Я сама видела, я шла рано на работу, ехал бусик, я шла на остановку с дочерью. И там у нас до 10-й школы, там есть такая площадка, приехал бусик, и они начали оттуда отстреливаться. Мы прятались. Потом он просто уезжал, он отстрелялся на Солнечное, потом отстрелялся возле 10-й школы. Это миномет. Оно,

наверное, похоже такое, как трубу они вот эту ставят. Им площадка просто нужна.

Ездили у нас танки украинские по улице. И вот он стрелял в посадку сначала, а потом поворачивал дуло на дома. И мог стрелять, куда ему угодно. Там ниже нас сауна есть, когда ходишь в проулок, там перед сауной такое поле. Это я сама видела, потому что я бежала с работы. Там стоял танк, и он просто отстреливался по своим домом, по мирным жителям. Вот куда ему угодно, он повернулся и стрелял. Точно так я бежала домой с работы поздно вечером — автоматная очередь по мне, ближе к забору, но просто попали по столбам.

*Иван, житель города Дзержинск
(Торецк; во время описываемых событий
находился под контролем Украины)*

В середине лета 2022 года украинские власти объявили эвакуацию. Жители не хотели добровольно никуда выезжать. Они их заставить не могли, и чтобы подстегнуть их, был произведен обстрел города. Был прилет в районе Центральной городской больницы. Как раз там находились две остановки напротив друг друга. И вот именно между ними прилетела то ли мина, то ли снаряд. Тогда погибло 8 человек. Направление все прекрасно слышали, с какой-то стороны прилетело. То есть это направление где-то со стороны украинской Константиновки, с той стороны примерно.

И все жители прекрасно знали, кто это. Местным жителям запудрить голову сложно. А украинофилы большие любители, они это отрицали, хотя все признаки были налицо, направление удара.

Были прилеты в районы школ, в районы детских садиков. Садик именно украинцы обстреляли.

В районе канала Северский Донецк—Донбасс располагались украинские блиндажи. Когда там возникал стрелковый бой, мы видели, что там находятся украинские военные. И как-то в какие-то моменты начинался со стороны поселка нашего с украинских позиций обстрел этого участка, где находились их блиндажи. Мы приходили в недоумение, возникал вопрос: неужели там находятся русские войска? Нам становилось понятно, что их просто подстегивали к дальнейшим действиям. Боевать заставляли.

*Антонина Проскурякова
(68 лет), житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

З июля 2022 года к нам прилетел снаряд. Попал в крышу, разбил. Здесь стены разбил. А вот это был у нас коридор. Вот стены с коридора остались. Дверь была входная.

Стреляли оттуда, где стояла Украина. Из чего они нас били, мы не знаем. Хотели свалить все на ДНР. Что это ДНР бьют.

После прилета мы выскочили. Слава Богу, все остались живы. Побежали в погреб. Через минуту у нас во дворе появляется дрон и чуть ли в погреб не заглядывает. Повис и висит во дворе, рассматривает. К чему это

было? И из-за чего это нам прилетело? Может, мы часто на огороде мелькали, может, их это бесило, не знаю.

**Борис Иванович Потапов,
житель города Дзержинск
(Торецк; во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

ВСУ очень плохо относились к нам. Стреляли куда попало, по нам тоже, дома сжигали — наши дома, квартиры. Они тупо, тупо били по нам. По городу били. Сначала по нам, а потом уже на вашу — российскую сторону. Сначала по нашим городам. По гражданским били.

Пострадал и мой дом и квартира. Стреляли украинцы и сбрасывали взрывчатку с беспилотников. Зажигали — рядом тоже дома горели. Второй раз уже зажигательную бомбу по нам сбросили. В первый раз, как обычно, в квартире только стена разбита была.

Один мирный житель ехал на велосипеде на своем. Ехал за путями, из Мирного, он сам там живет, с матерью. Его осколком убило. Один осколок правую выше колена раздробил ему, а один под пах. Это смерть была его. Украинский сброс был. Она осколками полетела в разные стороны, по касательной. Я видел воочию, как уже человек лежал мёртвый. И рядом велосипед ещё был. И мать подошла того мёртвого человека, молодого. Поднимать стала, а он мёртвый. Кровью вышло. И лицо уже чёрное стало. Он мёртвый. Полежал сколько

там часов. На асфальте-то. Это с коптера сброс был, с украинского.

Ирина, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

9 декабря 22-го года прилетела «градина»¹ с украинской стороны. Они бросали все время в нас, забрасывали «градинами». Возле подъезда прямо ранило меня. Три осколка в ногу самые тяжелые, разрубило ногу. Спасли ногу, слава Богу. Пока еще на костылях.

Мы с украинскими военными старались вообще не общаться. Тероборона была хамом. Это показывают в фильмах про Великую Отечественную войну, как полицаи ведут. Они ругали нас, пугали, сказали, сейчас вас заберем.

Украинцы нас обстреливали. Обстреливали регулярно. Мы вообще для них не были своими в Украине начиная с 14-го года. Был же референдум, чтобы Донецк был отдельной республикой. И с 14-го года Украина нас регулярно обстреливала. Мы сами свидетели.

Когда мы ходили по воду, то через гаражи ползком, потому что нас обстреливали. И стоял на гаражах там миномет. Они стреляют в сторону Ясиноватой. А потом мы назад пробираемся с этой водой, они разворачивают этот миномет на Авдеевку и смеются. Ну веселые ребята

¹ Снаряд реактивной системы залпового огня «Град».

или, может, подвыпили, не знаю. И они стреляют уже в сторону Авдеевки. В это же время приезжал со старой части города знакомый, говорил, на туберкулезном диспансере они стояли — орудия и стреляют. Выезжали танки стреляли по Химику — новому району Авдеевки, и как раз туда прилеты были. И сюда вот выезжали, отсюда тоже стреляли. И туда стреляют, и сюда. И рынок они обстреляли, спалили, людей обстреляли, там много людей погибло.

Был у нас такой один урод, Барабаш — украинская военно-гражданская администрация. Так он приезжал и говорил, чтобы вам еще такое сделать, чтобы вы отсюда уже быстрее выехали.

**Украинский военнопленный
Константин Разумов
(Мариуполь; во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Я участвовал в операции на Донбассе по мобилизации с 2015-го по 2016-й и с 2019-го по 2021-й по контракту.

От Мариуполя войска ДНР стояли в двадцати километрах. А стреляли по городу 82-мм минами с дальностью полета до четырех километров. Украинские войска находились недалеко в здании банка. И на моих глазах был прилет во двор. На моих глазах была убита женщина. 82-й миной с этого банка. Потому что кушать готовили на улице. Было четыре прилета 82-й мины.

Это в качестве провокации, чтобы люди подумали, что это российские войска. А российские войска еще на тот период не зашли на территорию города.

Я еще сам лично видел — украинские танки били прямой наводкой. Они стреляли по девятиэтажкам. Танки находились на пересечении Ленина, то есть переименованная Мира улица. А кто пытался выезжать, они по тем стреляли. Стреляли по гражданским машинам, я сам лично видел, стреляли по девятиэтажке. Я видел разбитые машины. Гражданские машины. И «жигули», и иномарки были. ВСУ не давали выезжать. Люди рассказывали, что по людям стреляли, по пешеходам стреляли. Снайпера.

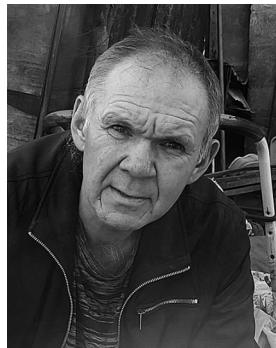
*Роман Раджевич Каримов,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

По городу часто стреляли украинские танки и «Грады». Потому что выстрел, и не проходит секунда, и уже в городе падает. Там можно было стрелять только с близкой дистанции. Они хотели избавиться от гражданских, чтобы можно было легче передвигаться, прятать технику за домами, чтобы мы этого не видели и не жаловались. Были случаи, когда жаловались, но все оставалось так, как было. Кто жаловался — запугивали, приезжали домой, начинали проверки, телефоны. Если вы тут остались, значит, вы сепаратист. Это глава военной администрации Барабаш

говорил. У нас был такой. И поэтому нас все время расстреливали, кто остался.

**Андрей Владимирович
Микитан, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

По Авдеевке стреляли. По нам стреляли с украинских танков в упор со следующей улицы. По домам — уничтожали мирные здания, мирных жителей.

**Александр, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

В начале 2015 года, когда украинские заходили ближе к Царской Охоте, украинский танк развернул дуло и стрельнул по магазину. Он просто возле дороги находился, «Магадан» назывался.

А когда сейчас поуходили, они вон вообще руины пооставляли. Украина сказала, что как будет уходить отсюда, она Авдеевку сотрет с лица земли. И я не один такое слышал, что они будут уходить и оставят Авдеевку в руинах. Так оно и получилось.

А так по ночам газельки ездили по домам и грузили. Грузили мебель, технику, аппаратуру, вывозили по ночам. Мародерничали.

**Евгений Дмитриевич Лантух,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

Я получил ранение в 2024 года. Был сильный обстрел. Очень. И не со стороны Донецка или Ясиноватой – ДНР. Обстрел шел со стороны ВСУ из Очеретино.

Я ехал на велосипеде, остановился, забежал в любой заброшенный дом, ну и так получилось, что две «градины» не минули меня и попали прямо в дом, и плистой мне пробило голову, глаз арматуриной, и пробило переносицу.

Пережил я три операции в Луганске. Спасибо огромное врачам. Побывал я в двух больницах. Очень тяжелые операции были, делали трепанацию черепа, ставили мне пластину железную, удалили там часть мозга. Как бы прогнозировали, что после такой операции становишься просто овощем. Спасибо огромное Господу Богу, что дал мне еще один шанс на жизнь, и спасибо огромное врачам города Луганска, спасибо огромное русским военным, парням, которые меня просто выносили на руках на брезенте, и за то, что оказали мне первую медицинскую помощь в плане головы. В плане глаза так получилось, что я теперь

инвалид на всю жизнь. Правый глаз у меня ноль зрение, и там дырка черная. Левый глаз по прогнозированию врачей должен увидеть не сами цвета, а хотя бы черно-белые.

Спасибо парням за то, что, еще раз повторюсь, что спасли жизнь и не только мне и таким же людям, как и я, которые лежали в подвалах с пневмонией и у которых были осколочные ранения. У меня много очень таких знакомых. Сюда привезли в Ясиноватую, они сейчас лежат в больнице.

**Георгий Юрьевич Некрасов,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

ВСУ стреляли по городу. В двадцать третьем году летом здесь в Авдеевке были французские шестиколесные танки. Цвет один черный был, а другой темно-зеленый, как бы под камуфляж. Остановились под этим деревом через дорогу — большой тополь толстый — и стреляли. Поодаль танка стоял оператор, который держал в руках большой черный планшет, и была четко слышна французская речь. Экипажами были французы.

Он, видать, дальше от танка остановился, чтобы не слышно было, видать, ему мешал звук танка работающего, когда стреляли. На левой стороне у него висел микрофон, и, смотря в планшет, большой такой черный

планшет, он давал какие-то команды на французском языке.

Они становились здесь, делали до 10 выстрелов и меняли позиции. Они сразу выезжали, ехали в сторону переезда в старую часть города, и потом были слышно выстрелы. Я так понимаю, они уже на улице Некрасова становились. Это прямо около железнодорожных путей становились, там есть заезд. Оттуда они стреляли по городу. Еще они стреляли с тубдиспансера — у нас есть в старой части города туберкулезный диспансер. Оттуда они вели огонь.

*Лариса Николаевна Липко,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

У нас женщину Украина эвакуировала с шестилетним ребёнком и девятнадцатилетним. Они с бабушкой перезванивались, ещё связь была, и два дня они пожили там, и потом им сказали: уходите, идите ищите жильё. А жильё-то у неё, работы нет, и двое детей как бы у неё на плечах. Люди уехали, два дня пожили, и им сказали: идите ищите работу, идите живите, а на что жить?

Я своей дочке говорю: я отсюда не уеду. Квартира была же, все-таки 42 года на заводе отработала. Сгорела. У меня такой шок был. Три дня я плакала, а потом, когда в магазине АТБ 17 человек сгорело, я думаю: ну, квартира это что — это ничего, люди сгорели.

*Ирина Анатольевна Пелех,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Вот у нас рынок работал, и на рынке было две точки, которые привозили продукты. Там были люди и продавцы, и вот как только привозят там продукты, и очередь стоит, и специально обстреляли. Именно по этим местам велись обстрелы — по магазинам, по рынку, именно когда был завоз и где люди приходят. Чтобы люди выезжали. Обстреляли, где заряжали телефоны люди. Туда прилетало. Опять же, это украинцы знали. Они там находились, в городе.

*Анастасия Александровна
Замора, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

А стреляли из старой части Авдеевки по новой части — по Химику. Люди писали на воротах «Здесь живут люди», и по ним прилетали украинские снаряды. Так как Россия была еще далековато от нас, линия фронта еще не проходила, Украина планомерно пытались разбивать город. Украинские войска выезжали

на территорию завода, оттуда лупили танками по нам. Они выезжали под лес, там разворачивали и ложили. Мы все это слышали. Приблизительно уже за столько времени с 2014 года ориентировочно знаешь, откуда оно приблизительно летит. Рядышком где-то какая-то украинская техника стояла, и было то, что вот выстрел, вот сразу же прилет. А в 2022 году, по-моему, было, что украинский танк где-то от переезда по прямой ложил по улице в Авдеевке. Мы жили на Ленина, сейчас Украина переименовала в Соборную, переезд оттуда. Там танк стоял, разворачивался и по этой линии ложил по прямой. И поэтому газа не стало у нас.

Им не нужен наш народ, им нужна просто территория. Не говорили они о том, что нам вы не нужны, нам нужна территория. По радио такие выводы делали. Глава города говорит о том, что в Авдеевке остались одни наркоманы, пьяницы и алкаши и так далее. По сути, мы им не нужны были. Им нужна была территория, чтобы развернуть свои военные действия и чтобы нас стереть с лица земли. Они ещё в начале 2022-го говорили, что, если мы будем уходить из города, мы камня на камне не оставим, мы сотрем город с лица земли.

**Наталья Михайловна
Воронина, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

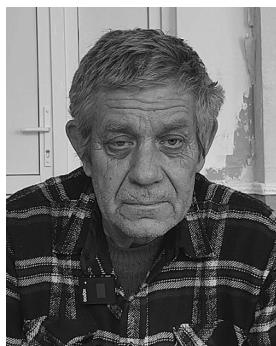
Украина разбила мою квартиру.
Мы живем в однокомнатной квар-

тире на первом этаже. Нам выбило окна, двери. Мы забили окна как могли, а двери, вы посмотрите, завешены одеялами, дверей нету. Так и живём, поставили печку и живем. Стреляли с танка, поворачивались с улицы Некрасова. Начало Авдеевки. Они стреляли с танка именно оттуда по нам. Они разбивали дома. Они снимали на видео и говорили нам: це тильки початок — это значит «это только начало». Мы слышали, и я слышала, они смеялись нам в лицо. Мы ж когда там, они не могли лазить, где хотели. А они же мародёрили машинами. Они вывозили всё: посуду, мебель, стиральные машины, эти холодильники, мебель, ну, короче, всё.

Виктор Свердлов, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

С 2014 года, когда это всё началось, когда украинцы зашли, было такое скотское отношение к тем, кто жил в Авдеевке. Нас называли и сепарами, и колорадскими жуками, как только ни называли — и червяками.

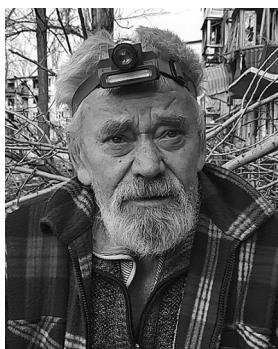
В 2015-м я получил ранение. Я пошел до колодца, стал смотреть и не слышал, когда снаряд летел. Буквально в метрах в 50 от меня снаряд упал. Мне разорвало бок, руку, два осколка чуть до сердца не дошли. Стреляли нацисты, это миномет. Я пошел в горисполком, там говорят — пиши заявление. Говорю: а на кого? Они: будем открывать уголовное дело на ДНР. Я говорю: а при чём

тут ДНР, они не могли такой снаряд выпустить. Ну, короче, так и замяли это все. Я не стал больше обращаться ни к кому по ранению.

В 2023 году было... Первый снаряд упал метров где-то 10–15 от дома. Мы жили на втором этаже, волной все повырвало, все накрыло. И тут как раз прибежал сын. Мы ушли в подвал, переночевали, утром сын вышел, посмотрел, пришел, говорит: «Ну что, пойди посмотри». Я вышел, глянул, а торец дома, стояк наш весь обрушился. Жил мужчина на третьем этаже над нами, он не пошел в подвал. Попало и его там завалило. Потом уже начался огонь и полдома сгорело, и он, видно, там сгорел.

Это укропы стреляли. Обстреливали город. Они приедут с минометом и начнут — штук по десять выпустят. Миномет немного бьет. По своим стреляли.

*Александр Дмитриевич Глушкио,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

У нас было нормальное производство. Вот мы утилизировали резино-технические изделия и получали там пиролизный газ, горюче-смазочные материалы, и, короче говоря, в течение 2015 года мы это все потеряли: механизмы, оборудование и так далее. При обращении к властям они разводили руками, гражданская администрация, и говорила: ну, это ж военные, им нужны машины, им

нужны оборудование. Так они людей делают бомжами. Украинцы вывозили всё подряд.

Всё было направлено на то, чтобы сотворить с этой изюминки лунный пейзаж. Глава так называемой военно-гражданской администрации всех из города старался убрать. Наша позиция была четко однозначная, что мы не стронемся с места. И нас, как вы думаете, как называли? Ждуны. Это глава украинской администрации говорил о тех людях, о которых он должен заботиться. Украинцы целенаправленно разрушали инфраструктуру города.

*Леонид, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Украинские военные, бывает, едут на машине и, как немцы, вот так с машиной та-та-та просто. Как немцы, как в кино показывали, что стреляют.

В другой раз вечером, уже стемнело, я вышел покурить. Машина остановилась резко, ну это в пятнадцатом году было, трое резко вышли в балаклавах, автомат в рот. Зубы передние сразу же выбили. Они поддатые были, потом сели в машину и уехали.

Часто украинские военные ходили и говорили: если не уедете, мы будем гранаты кидать прямо в подвал. Так и говорили — подвал закидаем. Прямо с людьми. Ну а как ещё, если не хотите уезжать? А если количество людей собирается, Украина начинают обстреливать.

У нас колодец был канализационный, набирали воду. Проезжает украинский БТР до конца поля, разворачивается и начинает в сторону базара стрелять. В 2016-м, наверно. Еще видят, где люди заряжаются, генератор, тоже туда стреляют. Проезжает машина, я говорю — сейчас начнут сюда стрелять. Проходит пять минут, и давай стрелять. Миномётами. Слышно, как свистело. Я переезжаю дорогу, и всё летит, всё падает, украинская «градина» прям в перекрёсток. И там мужчина был, ему ногу оторвало, он истек кровью.

Как-то гуманитарку давали, я уже не стал идти. Друг пошёл — калекой вернулся. Там попало в здание, и в него осколки, кирпичами. Прямо в коленку попало, он еле ходит.

Когда вы входили, вы видели, двери выкручены, я тогда отлетел и прямо упал. У меня и так со спиной проблема. Я три дня вообще не мог вставать. Мне ведро подносили. И сейчас моя дорога — могу только выйти, дрова попилить, а поднять ничего не могу, сгибаться трудно. Стреляла украинская армия. Они говорили, что это только начало, я слышал тоже.

*Владимир Николаевич
Горопекин, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Я лично видел, как украинцы нас обстреливали. Они с «Урала» от 15-го дома по Воробьёвке в на-

правлении поселка били миномётом. Миномётом 82-го калибра. Ящик открыли, ящик отстреляли, ящик сбрасывали, закрыли тентом кузов и поехали. Я видел. Потом еще вот здесь на гаражах видел, как три миномета стояло, один стоял в направлении Донецка, второй на поселок и третий на вторую часть. И при мне три снаряда кинул на старую часть города. Им было по барабану. Пару мин кинули, а потом сюда по поселку.

Просто-напросто хотели нас запугать. Организовали вывоз граждан Украины, начали вывозить и начали обстрел. Народ разбежался. Правда, этот МЧС погиб, пожарный.

У меня была вот квартира и нету. Снаряд прилетел, дырка, и всё. Украинский снаряд. Рядом, еще где-то снарядов восемь было. И еще и мины были, и «грады». Там одна даже «градина» улетела под дерево и под деревом взорвалась, разорвалось там вот так вот.

*Раиса Анатольевна
Каримова, житель города
Антрацит (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Украинцы весь город разбили, весь город, весь город сожжён. У нас нет ни одного целого дома, ни одного. Целенаправленно знаете, прям вот как вот районами: сегодня Менделеева спалили, завтра Королёва разбомбили, потом девятый квартал, потом квартал Юбилейный, это вот как квадратами.

Мы пострадали. Вот мы живем здесь, сын здесь родился, в этом доме, я здесь. Я сама родилась в Донецке. Я проработала на «Точмаше» 25 лет. В 2014 году, когда уже был проезд закрыт, отсюда на работу ездить уже, конечно, не могла. Мы остались здесь. Я с семьей, и как-то вот все было плохо. Сразу перебили полностью свет, воду. Вот та же Донецкая фильтровальная станция. Это же Украина перебила. Это все об этом знают в городе. Потом газ перебили.

Дмитрий Вячеславович Положенцев, житель города Авдеевка (во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Обстрелы украинские шли практически у нас с 2022 года. Постоянно практически. Ежедневно, ежедневно туда-сюда, в разные районы, когда в наш, когда там дальше. Обстрелы шли постоянно. После того как началось, это, конечно, жесть. Это постоянные обстрелы, постоянный страх.

Мы элементарно определяли, что это украинские войска. Потому что быстрые выходы и тут же прилеты. Потому что были в упор. Мы примерно знали на тот момент, где находятся украинцы, летит оттуда. Кто-то считал, конечно, что это обстреливают русские. Я говорю — подожди, а если я слышу выстрел и тут же, я не успеваю ни упасть, ни нагнуться, он уже прилетел. Это откуда? С Ясиноватой? Так это 10 километров по прямой.

Второе, общаясь же с людьми. Пока еще мы могли в то время двигаться по городу, мне приходилось по водичку ездить, общаясь с людьми. Они говорят — да, вчера от нас и стреляли, от нас по вам. Послезавтра я им говорю — вот, от нас сегодня по вам. Они практически на расстоянии километров двух-трех максимум, они стояли везде. Люди подтверждали. Они со старой части — вот выезжает САУ, это мой сосед говорит — выезжает САУ, крутит хоботом и во все стороны пуляет. Просто пуляет тупо по всему городу — сюда, туда, к ним, на старую часть, сюда. Это было нормально для них. Никто не мог понять, развлечение это или такая тактика.

Мародерили украинские войска. Говорят, нужна машина — забрали да поехали. Машину отобрали. Ему говорят — зайди домой, иначе придется тебя где-то прикопать.

**Игорь Владимирович
Стегдиенко, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Как работает тут выстрел, все, в принципе, знают. По направлению выстрела миномета через голову летит, через 2—4 секунды пролетает мина над головой и падает. Выстрел, взрыв. Допустим, услышал я выстрел. И буквально сразу же взрыв. Над головой пролетело. Секунда-две. И где взорвался? Тут куда ни ткнешь, везде взрывалось. Все в воронках.

Три раза расстреливали мою квартиру. Я разговаривал с товарищем, ну, это Молодежная, 13, обстрел дома живого, убили женщину пожилую, я издалека видел. Позвонил товарищу, как-то так вот разговаривал. Говорю, так и так, жилой дом обстреляли. А кто стрелял? Кто стрелял? В трубке щелк-щелк-щелк-щелк-щелк. Я и сказал, что Украина. Ну, миномет это, миномет. Это километра два с половиной, три. Это миномёт в город стрелял.

*Александр Иванович Пухлыи,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

11 августа 2022 года днем до обеда, до часа был обстрел с минометов. Я был в гараже, думаю, надо передвигаться к погребу. И только я вышел, дошел буквально 5 метров до погреба.

Потом выстрел танка, это уже мы знаем, как бы сколько здесь были при этих обстрелах. И буквально моментально, доля секунды, сразу взрыв. А взрыв всё на глазах. У меня срывает щит, с окна накрывает меня. Я прихожу в себя, что-то тёплое на ногах. Я с-под щита вылез, успел по стенке к соседу, у нас там есть калиточка. И сосед уже выскочил с женой, поперебинтовали ноги резинками. Сразу у меня в его гараже стояла моя машина. Я его за руль, и он меня в больницу.

14 осколков с меня вытащили с двух ног. Перепонка лопнула. И вот этот глаз... 50 на 50 я его перестал.

Плохо вижу. И множественные осколки левой стороны. Мелкие они, остались в середине. Даже не стали вытаскивать.

Сначала приедут и предлагают эвакуироваться. Я сказал, что не вижу себя с той стороны. Сутки прошли, и обстрел. И не один я такой. Тут таких много было. И семьи попадали под миномёт. У нас жили родственники у меня в огородах. Там жена, ребёнок и ещё кто. Три человека. Двое двухсотых и один трёхсотый. Им тоже предложили эвакуироваться сначала, и буквально на следующий день миномёт.

А в 2014 году кто нас обстрелял с «Градом»? Это в том расчёте, что уже Пески были заняты Украиной, Опытное было занято Украиной. «Град» — это само собой, а там были ещё и пушками дырки в домах пробиты. Кроме Украины, никто не мог это... Я не знаю, у нас даже дети это знают.

*Юрий Владимирович Середа,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Был прилет в дом моего друга. Они вдвоем пошли посмотреть, что там вообще происходит. Их забрали украинские военные, которые отступали, не знаю, под каким предлогом их забрали, ну, короче, забрали их. Мы его по-дружески Сантик звали. Люди рассказывают, что оба они оказались мертвыми.

**Людмила Анатольевна
Хлистун, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Солдаты украинские брали мужиков, короче говоря, всякие-то беседы. Вызывали их, что-то там у них спрашивали, били. Кого увозили, кого отпускали.

Обстреливали нас. А как началась война, пошли полностью обстрелы. Именно украинские, потому что со стороны завода — там Украина была. С коксохим-завода у меня прилетело. Приезжали еще украинские эмчээсники были. Конкретно показали направление откуда-то. С коксохима. Я говорю, откуда же прилетело? Они мне направление показали молча. Они прекрасно все знали.

Обстреливали, чтоб люди уезжали. А у нас люди, привыкшие к войне, они не собирались никуда уезжать. Они привыкли здесь находиться 8 лет под обстрелами, поэтому все жили. Никуда не собирались. А как людей убрать? Только обстреливать, разжижать дома. Жить негде, люди по неволе уезжали. Это было сплошное выживание. Буквально. Начиная с воды, что воды надо притащить было, привезти. И вообще вот эти прятанья по всем этим подвалам, по всем этим домам. Воду отключили ещё до начала этой военной операции. Так что сплошная борьба у нас была. Особенно последние вот эти зимы. Потому что военные действия были очень усиленные. Летело со всех сторон откуда, дом разбили мне именно зимой. Он до этого побитый был.

**Валентина Дмитриевна
Тарасова (68 лет), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Я ехала с Киева, дочь провожала. И у нас в купе попалась девушка, я и молодой человек военный. И мы когда ехали, я ему говорю, а у него только сын родился, он сам с Западной Украины. А я говорю, дай Боже, чтобы вы не попали только в Авдеевку. А он говорит: почему? Я говорю, это мясорубка. Говорю, а вы не знаете, что вы делали сейчас? Я говорю, понимаете, что вы делаете? Зачем? Он так смотрел на меня, говорит, вы хотите сказать, что блокпосты лишние? Говорю, а вы считаете блокпост на заводе, когда мужиков до трусов и до носков раздеваете? Это нормально? Они на работу едут. Это зима. Он на меня так посмотрел, говорит, откуда вы знаете? Я говорю, я живу там. И есть дом, пятиэтажка, вот в котором вы находитесь. Я говорю, прилетело. Это второй прилёт был. А первый прилёт был. Второй или третий этаж. Семья только ушла. И был прилёт. Он мне говорит, это дээнэровская прилетела. Я говорю, если буквой Г летают снаряды, тогда, я говорю, блондинка. Он так смотрит. Не летают. Они там стоят. Я говорю, не стоит там никто. Мы знаем, кто стреляет и откуда стреляют. Мы все точки эти знали, откуда в нас стреляют.

Украинцы стреляли по городу. Первая мина, которая прилетела мне под дом, она была украинская. Она прилетела в двенадцать часов ночи. Потому что мы выскочили к соседу в подвал бежать, спустились,

ноги в крови все. Потому что я так спала в зале. Одно окно заложила подушками, одно нет. А заклеено было вот пятаком. Всё было заклеено. И прилетела мина. Вылетело всё. Всё было в стекле.

Неужели нельзя сделать коридор, вывезти людей оттуда? Понимаете, не хотят люди в Украину ехать. Сделайте что-нибудь. Нам-то тоже коридора не давали. Да, они не выпускают никого.

Кто бомбит? Танк выехал, отфигачил это все, простите за выражение, некультурное. И всё. Украинские танки. А показывали, что это дээнэровцы. Но люди не дурные. Люди всё видели и знали. И когда отсюда заставляли выезжать, говорили, будут забрасывать. Здесь семья погибла же так. Эта женщина сейчас, они в Родинском. Возле первой школы. У них очень поздний ребёнок. Девочка. Их заставляли выехать, а она сказала, я не поеду, мне некуда ехать. Через два дня вот эта тварь, Барабаш грёбаный, скотина, ни дна, ни покрышки ему было. Это только из-за его команды. Прилетела эта мина. Ребёнок погиб, бабушка погибла, мама сильно обгоревшая была, в Димитрово лежала, а отец с тяжёлыми травмами головы лежал в Днепре. Сейчас они живут в Родинской. Это все мы знаем, мы же общаемся. Мы здесь, которые оставались, — это одна семья.

*Валерий Михайлович Шибко,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Вэсэушники нас расстреливали. Один танк возле тубдиспансера,

трое внизу. И получается крест-накрест. Башни крутят и расстреливают полностью по периметру. Получается три дома у нас целых. Нижний танк стрелял в ту улицу. Больше половины разрушил. А этот оттуда стрелял. И плюс минометом еще стреляли украинцы. Стреляли, чтобы пугать нас, чтобы мы уезжали.

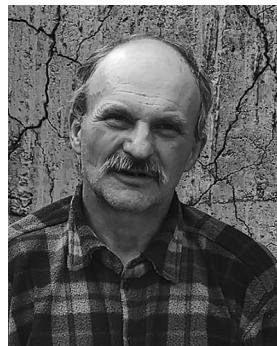
ВСУ нас ждунами называли. Выезжайте, говорят. Я говорю: а куда я поеду? Я говорю, здесь мои предки схоронены, говорю, куда мне ехать, чтобы оттуда тоже выгнали?

Днем они стреляли по полной программе. Хорошо, что россияне выбили их отсюда.

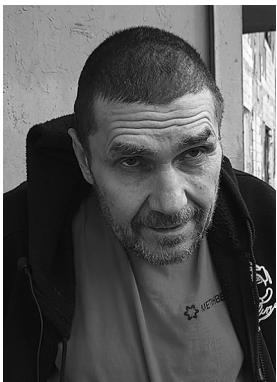
**Игорь Владимирович
Караченцев, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

В Авдеевке в принципе молодых людей не осталось, все в основном выезжали, кто тоже, как я, прятался. Людей в армии забирали. Подъезжали к магазинам, заводам, предприятиям. Массово раздавали повестки и людей грузили. Были точки, где выдавали гуманитарку. Туда первое время некоторые молодые парни, мужчины ходили. Там тоже из-за угла могли подъехать ТЦК и выдать людям повестки.

Люди выезжать не хотели, так делался обстрел, чтобы людей... мотивировать на выезд. Вели обстрелы. ВСУ нас называли ждуны, сепары и так далее. На слух как обстрел ведется именно украинской стороны.

Как-то раз были небольшие пули разрывные. Тридцатый где-то калибр. Мне в дом влетало штук шесть за три дня. В крышу там, в стенки. Зимой они стреляли по домам, откуда с труб идет дым в печах. Поэтому у нас большинство людей потом начали печки топить ночью в такие сумрачные времена, чтобы не было видно, дым откуда идет.

*Сергей, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

В отношении мирных жителей украинские военные были такие, что смотрели на нас очень, ну совсем презрительно. Говорили, как обычно там, что сепары, забрать и разобраться с вами.

Нас обстреливали. Танк стрелял почти прямой на-водкой. Выстрел — взрыв — это я же говорю, его перепутать тяжеловато. Причем у нас с радио сарафанное, что танк выехал, сейчас будет что-то. Слышно, как едет. Он проезжает по улицам, выстрел, сразу же взрыв.

С минометов украинцы город обстреливали постоянно. Калибр небольшой, где-то восьмидесятка, характерный свист. Мы здесь живём, знаем, где кто находится, то есть по расстоянию определяем. Если выстрел где-то там рядом совсем — миномёт полетел. Сначала в одну точку, потом в другую, то есть веером так по кварталам стреляли.

Они заставляли выезжать как можно больше людей. Если выдача гуманитарки, особенно когда пресса в городе появляется, то уже точно будет обстрел. Это по-любому. Это каждый, я думаю, житель уже знает: если пресса появилась, значит, меньше ходить по улицам — стрелять будут.

Прилетало в мою квартиру — небольшое — или мина, или что там. Горело всё. Украинцы. Потому что рядом выстрел был. Слышно. Тут линия фронта была еще далеко. Нам даже местные говорили. Мы говорим: у нас тут что-то горит, они отвечают: а это те стреляли, которые развернули там... Местные жители рассказывали, что это украинцы стреляют.

**Валентина Михайловна
Трубникова, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Город Украина сколько угодно обстреливала. Вот этот дом, вот этот дом, вот это все, что есть у него повреждения, и не только этот. И наш горел — у нас три квартиры горело. Это именно, это именно всё они бахали по домам. Ещё самое такое примечательное — мэр у нас очень заботливый, очень о нас заботился. Приезжал, всех страшал, что здесь будет ад, когда придут русские. Причём вот-вот-вот, не сегодня завтра. Ну, будем говорить, последний год чётко, даже угрожал, даже насилино старался вывозить людей. Потом нам

сказали, что ему за это платили. То ли тысячу, то ли две тысячи за человека. Пожилые люди, может, верили, соглашались и уезжали.

В соседний дом прилетел снаряд. То не мина была, то снаряд, а мы были возле своего подъезда. Украинский, конечно. Сын внутри был. Это хорошо, что он пригнулся: инструменты брал, топор — дрова рубить. Если бы он стоял — там такие вот дыры в стене. Сейчас посмотрите. И его изрешетило снизу и доверху. У него и на шее, и в бок. А самая большая рана на животе возле паха. У меня на правой лопатке, конкретно на лопатке, а под левой — под лопаткой. Контуженая была, звенело в ушах. Загорелся второй этаж. Наш видите, тоже — три квартиры сгорело.

Вот семья у нас живет, родная сестра ее жила в старой части города. Хороший большой дом, красивый и загорелся от обстрела. Там женщина одна погибла, другая сильно раненая была. Там детки были все. И дом сгорел. А на следующий день загорелось, там рядом заправочная и ремонтная мастерская. Попало тоже. Загорелась эта ремонтная мастерская. Украинские пожарные приехали. Этот хозяин говорит: а что ж вы? Мой дом вчера горел. Они — нам запрещено, нам строго запрещено тушить.

**Нина Леонидовна Юдина,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

Я кушать варила ночью, чтобы не видно было дыма с трубы. Мы жили в чужой квартире. Нашу

квартиру разбили. Стреляли украинцы с Царской Охоты в 2022 году. Мы жили в центре города, на Химике, на девятом этаже.

В пятницу перед этим, это было в субботу, они ходили вокруг дома. Ходили, ходили, смотрели, смотрели. Потом на второй день, в субботу, я собралась печь пасхи, уже поставила тесто. И слышу подо мной знаете как качели. Ну, зашаталось. Как трухануло. Дыма полная комната, квартира. А у меня мама лежала больная, 95 лет, с переломом шейки бедра. Я заскочила, открыла окно у нее в спальне.

Стреляли с Царской Охоты. Попали с первого по четвертый этаж. Дверь железную выбило, аж вынесло на улицу. Нас в подъезде осталось три квартиры. У нас сразу полно дыма. Ходят пожарные тушат. Потому что перила горели.

**Надежда Владимировна
Тарасова, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Я в Авдеевке с 1963 года живу. Здесь, в этом доме, с 1981 года мы живем. Мы никуда не выезжали, мы все время живем здесь.

Украинцы обстреливали Авдеевку. Лично я видела. Была на поселке, возле церкви, от мельницы. Там был блокпост ихний. Проехали, не знаю, БТР или танки, проехали в сторону Донецка там. Оттуда начали стре-

лять по поселку. Потом назад отстрелялись и приехали назад. Я видела, как они ездили туда-назад.

По поселку стреляли. Мы прятались в подъезды. Поселком я называю Химик в Авдеевке. Мы сейчас в старой части находимся. И когда воду люди набирали, тоже ж на поселке, там обстрел был сильный, там людей ранило. Украинцы именно обстреливали. Они же хотели, чтобы мы выехали, а люди не соглашаются выезжать. Так как и мы тоже, вот, сказали, мы никуда не поедем.

*Алексей Викторович Юдин,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

У украинцев были кочующие минометы. Просто проезжает миномет, становится в какие-то переулки на машине. Выстрелов пять—десять сделал, слышишь — двигатель заработал, уехал. А потом на следующий день узнаешь, что обстреляли тот-то район. А в 2014-м вообще у таксистов были карты, на них районы указаны. И они знали, в какой день какой район могут обстрелять. По графику. Для запугивания людей.

А потом уже не кочующие минометы, а танки были. Просто он заезжает, выезжает где-то, становится на перекрестке и начинает шуровать. По мирным домам. И по Химику, по старой части бьет он. Начинает с одной стороны, пошел, так веером тук-тук-тук слышно,

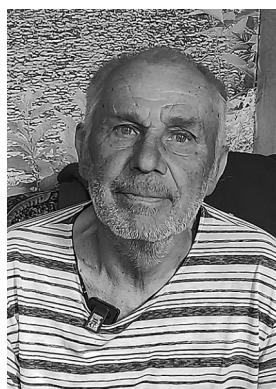
тук-тук-тук. Опять тук-тук-тук, и все, и стал. Завелся двигатель, и он опять поехал.

Миномет вот украинский у нас стоял. Рядом три месяца миномет. Там метров пятьдесят, грубо говоря, за домом. Он выстрелил, хлопок — и тишина. Мина летит бесшумно. Ну, говорили: поляк¹. Он выстрелил, все. Звук, стена дрожит. Понимаете, этот звук, вот выстрел сам. А дальше полета не слышно ее, мина. Куда она полетела? Он стоял в сторону завода. Завод, водокачка, все остальное. Значит, что он делал? Пострелял мирное население. Вот эти вот районы, которые ближе к нам.

Вот он выстрелил. Тишина. Выстрелил. Тишина. Выстрелил. Тишина. Они стояли под домом, чтобы его не могли увидеть. А сами жили в этих погребах. Людей выгоняли. Поселялись сами, людей выгоняли. А куда их выгоняли? Выезжайте, мы здесь, становится, и все. Не захотел выехать — туда полетит, соответственно, ты же виноват, мы же предупреждали.

*Леонид Михайлович Тарасов,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

У нас тут был Барабаш такой. Руководил Авдеевкой. Приедет на поселок. Говорил, чтобы мы все выезжали. Постоял, повора-

¹ Минометпольского производства.

чивался, отъедет. Только уехал, и пошли прилеты. Сразу. Только уехал, и вот сразу прилеты. Кто базар разбил? Он же сам разбил весь базар. Там сколько трупов было, сколько...

**Александр Владимирович
Замора, житель
города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

Я работал на заводе начальником участка. На коксохиме. Я видел, что подъезжали вплотную к заводу со стороны Петровского, и из-под забора лупила САУ, и приезжали «Грады» и отстреливались.

Еще до этого в пятнадцатом. Лупит три снаряда в сторону Донецка, потом разворачивается, бьет по селам. Это летит опять же через нас. Страшно — свистит все над головой. И танки. Выезжаешь — вроде бы бьет в сторону Донецка. Начинаешь ехать, он поворачиваются и бьет веером по городу.

Основное началось в 2022 году. Мы жили на поселке. Отработал один «Град» 40 штук по городу. Я потом ходил, смотрел — хвостовики именно со стороны Украины, с тыла. Чтобы с города все убегали.

На моих глазах отъезжает украинский танк в сторону улицы Некрасова. Я в дом прячусь, я живу, что видно дорогу эту. Они лупят по городу, вот 8—9 кладут, а потом назад едут — все, обстрелов не будет. Журналисты с украинского канала говорят: «Это ДНР».

А мы все видели. Сам видел, что танки украинские. Три танка отъезжают, лупят. Обычно девять штук ложат, почему девять, я так и не понял. Потом назад заезжают, и все.

Сестра видела, как подошли со стороны Орловки со стороны дороги и начали бить в район Маяковского. Как жителей выгоняли...

На базаре ребята сделали точки, относительно богатый выбор был. Приехала администрация. Барабаш (глава Авдеевки) кого-то привез с областной администрации, походили, обзавидовались, что сильно богато. На следующий день, я на улице был, отстрелялся «Град», и легло от Юбилейного и по базару. Убитые, раненые, все загорелось. Украина обстреляла. Стреляли очень близко, «Град». Зачем стрелять по своим, я не знаю. Хотя нас никогда тут за людей не считали.

В районе Желанное в сторону Новобахмутовки — магазинчик. Водку не продал вэсэушникам, они развернулись, гранату бросили и пошли. Продавщица погибла.

*Ирина Владимировна
Замора, житель
города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Вэсэушники подъезжают к дому, отстрелялись и уехали. Конечно, прикрывались мирными. Причем это было ясно и понятно. Сначала в одну сторону отстрелялись, потом отъехали, развернулись

по городу, положили, и все. Когда приезжали корреспонденты, большое начальство, пресса, через полчаса начинается обстрел. Пресса тут же это снимает через пять минут. Через два часа это уже в интернете все выложено.

Тут каждый день — «день сурка» был. Одно и то же, каждый день. Работа, обстрел, там, домой добежать. Была проблема — с дома до работы добежать и назад, потому что под обстрелами. И все, и каждый день одно и то же. Ты уже теряешься.

**Валерий Степанович Семенюк,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем
Украины)**

Мы с ней разговаривали, потом я пошел домой. Отсюда отошел где-то метров сто, слышу свистит, и я упал. Слышу взрыв, смотрю, пыль пошла. Татьяна, по всей вероятности, только вышла из дома, поравнялась вот здесь, и ударил обстрел в стену. И здесь вот мы ее нашли уже на этом месте. Она лежала, и кровь была.

Я вернулся, Гриша был, мы подбежали. Я уже вижу, что ей уже все. Мы ее в машину и в больницу. Врач говорит, что она уже мертвая. Стреляли где-то с лесу. Оно недалеко, прямой наводкой. Они видели, что это женщина мирная. И вот это они ударили сюда. 14 октября 2023 года. Остались следы от осколков. Видно, что была прямая наводка, шла женщина — по мирному

населению они ударили. Российских войск еще не было. Были только украинские. То ли нацбатальоны, то ли ВСУ, трудно сказать. Ну я не знаю, что у них в голове. То ли запугивают, то ли обкурились или обпились. Трудно сказать, я не знаю. В голову туда не залезешь. Ей угрожали сколько раз. Я знаю, что вот были в ее теплицу попадания. Тишина, тишина и пять этих самых мин, полячек. Прямо по теплице одна в одну. И больше никуда.

У нас нацбатальоны тут были, «Правый сектор». Я попал под обстрел, под показательное выступление. Вот здесь, со ствола шахты Бутовки, там были правосеки. Им надо было показать, что их обстреливают. Сами украинские военные и рассказали, что это были показательные выступления. У меня было осколочное ранение, сбоку чиркануло. Они обстреляли меня, но показали, что их обстреливают ДНР. Ну а как же? Они показывают, что их обстреливают. То есть они бедные, несчастные, их обстреливают.

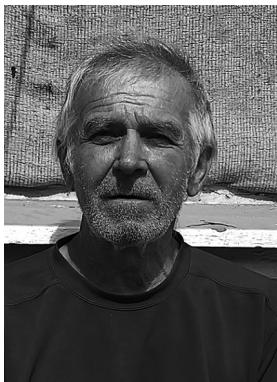
**Валентина Николаевна
Манжарова, житель
города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем
Украины)**

Периодически ВСУ постреляют на Донецк, на Ясиноватую, а потом разворачиваются и стреляют по нам, по городу. Вот на Чернышевского у меня сестра жила, там, короче, мирные

жили. Постреляли туда, развернулись, одиннадцать мин легло. С 2022 года они перебили все магазины, рынок. Все электроподстанции. У нас уже два года света нет. Воду перебили. Потом 13 марта вообще ТЭЦ разбили. Ни отопления уже, ничего. Страшно было, очень страшно.

Ехал украинский танк по улице и просто стрелял по домам. Там вообще улиц нету этих. А улицы новые были, красивые. Красивые дома, хорошие во всех.

*Александр Анатольевич
Шажков (70 лет),
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем
Украины)*

Город украинцы обстреливали вот с той стороны, вот там они за лесом сидели. Бахали все время в Авдеевку. Видно было, что прям в город летит все. Русских еще не было. Нацки стреляли по Авдеевке, по Химику.

Как-то, ну еще до вас, до русских, года два назад или три, приходил украинский вояка. Васька его звали, западенец. Я говорю: кто вот это фигачит туда вот на Химик? Он говорит: «Це не мы, це русские». Я говорю, а как русские могут бить, если дом мой стоит к вам, а в него попало от вас? Как? Ну, не знаю, говорит, может быть, где-то там оттуда как-то развернуло. А вот так вот, говорю, вот так вот, да?

***Николай, житель поселка
Новгородское (Нью-Йорк;
во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)***

Украинские войска город каждый день обстреливали. Наверное, у меня волос на голове меньше, чем у них дронов в небе было. У меня был случай. Думаю, пойду до дяди схожу, жены дядя родной. Думаю, схожу, гляну, живые они, как, что. Прохожу по улице. У соседа дом уже разбит полностью. Тещин дом разбит, а осталась собака. Рудик, вот такая дворняга. Он выскочил. Вот он, собака, представьте, у меня слезы навернулись. И мы с ним идем так вот, с Рудиком. И над нами дрон завис. Это страшно, когда зависает дрон, не знаешь, что от него ожидать. И мы только поворачиваем, и мина. Это мое счастье, что она в дом попала, эта мина. Дрон корректировал. С дронов, я думаю, там все видно. Мина прилетела со стороны горы Петровской. Ну, с той стороны, где украинцы стояли. Я добежал до дяди, как заяц петляя, хотя мне после инсульта бегать очень тяжело. Вот, я добежал, только зашел во двор, и начался обстрел. Он мне говорит — там в проулке стояли украинские минометчики, видно вот это все.

Украинцы нас обстреливали. Был выстрел и почти сразу прилет. Украинцы, потому что очень быстро прошел. Был выстрел, и летела секунда, секунда, полторы секунды, и уже был взрыв после выстрела. Я думаю, российские войска тогда дальше стояли, дальше бы оно летело, дольше.

По домам стреляли, чтобы люди выезжали. С 2022 года все обострилась по новой. Выселяли людей с Первой улицы. Они с самого начала выселяли. Сказали, чтобы все люди покинули дома и шли куда хотят.

В Новгородском, в самом центре, там, где автобусная остановка, обстреляли вокзал. Буквально через 5–10 минут понаехали журналисты, типа, ну, вроде как это россияне обстреляли.

Последний раз «камикадзе» прилетел к нам. По кухне, в дом. ВСУ видели, что живут мирные.

*Сергей Михайлович, житель города Дзержинск
(Торецк; во время описываемых событий
находился под контролем Украины)*

Украинская армия так бомбила, что разбила полностью у меня дом. Все мы в погребе прятались. Украинцы вот этими «камикадзе». Мы прятались. А украинцы до того били, что разбивали все подряд и всех. Если увидели где-то кто-то, какое-то движение, туда прилетает «камикадзе» и разбивает. Ну, я сам обожженный, в погреб попало и там ранило.

Оно ж видно, если сверху они так смотрят. Мы не военные были, в гражданском одеты. И вот это из-за чего, что получается? Они всех уничтожают. Полностью дома, инфраструктуру, полностью всю Украину уничтожают. Но нам возвращаться некуда. У меня один фундамент остался. Все. Полностью, все полностью разбили дом. Мало того что они еще кидают зажигалки, которые палят. Кидают бомбы, чтобы загорелось, и это все сгорело. И это было не один год. Уже года два или три зажигалки кидали, чтобы мы оттуда уходили. Нас

принудительно хотели эвакуировать, но мы не уходили. А потом... такая политика. У нас на улице было, сейчас я вам так скажу, пять семей жило. Пять семей. Из 36 домов. Мы сидели до последнего.

Иван, житель города Дзержинск (Торецк; во время описываемых событий находился под контролем Украины)

Глава районной администрации нашего города Василий Чинчик отдавал им приказы, и они ехали, где-то отъезжали на окраину, с серой зоны, оттуда обстреливали поселки и с минометов, и с систем залпового огня. Как бы со стороны российских позиций производился обстрел, как бы направление, где стоят русские войска.

Всегда люди отмечали, что перед какой-либо провокацией с их стороны сразу перед этим появлялись в городе украинские журналисты. Люди уже по соцсетям распространяли информацию, что нужно быть готовым к чему-либо. То есть в любой момент может произойти какой-либо обстрел. Люди знали, что это все может произойти.

Иван, житель города Дзержинск (Торецк; во время описываемых событий находился под контролем Украины)

ВСУ проявляли агрессию по отношению к гражданским. Были и избиения, и угрозы оружия. Часто пьяные, неадекватные украинские военные. Они местным жите-

лям угрожали и по политическим, и по национальным признакам. Люди, считающие себя русскими, для них были враги. Они говорили, что они нам покажут, они нам здесь устроят, если мы будем отсюда отходить, мы тут все сровняем с землей, мы здесь оставим пустую землю после себя. Ну так впоследствии они и поступили. Наш поселок практически полностью уничтожен.

Если российские войска стреляли и попадали куда-либо по необходимости, там находился либо склад, либо личный состав украинской армии, они наносили удары точечно. Украинские военные никогда с этим не заморачивались, а наносили удары, как бы сказать, у них это называлось «покошмарить местных».

**Виктор Иванович Асмолов
(66 лет), житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Ежедневно практически были обстрелы. В 2014 году, в 2015 году.

Несмотря на то что эти Минские соглашения были подписаны, всё равно стреляли всю весну и всё лето. Украинские войска.

Здесь Украина была. Они захватили его в 2014 году, ну, пришли сюда. Здесь ополчения, собственно, было очень мало. Там человек, я не знаю, считаные. И с этими, с мосинками. Никаких ни автоматов, ни артиллерии. А когда захватывали город, обстреляли с тяжёлой артиллерией. Район железнодорожного переезда. Там

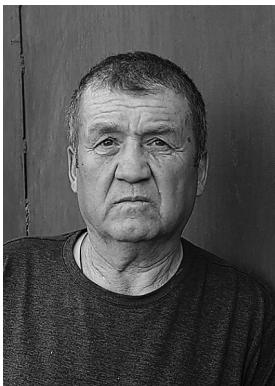
в одном доме лестничный марш. Обрушились люди, не могли с пятого этажа, с четвёртого выйти на улицу.

С 2022 года, буквально с марта, начали. В марте у моего сына дом разбили. Украинцы стреляли с окраин. Слышно, что «Грады» близко. Тут у нас несколько таких карьеров есть, как выемка, углубления. Они там стояли. Промка. Возле промки там гаражи. И оттуда минимальная дальность. И по Химику и «Градами», и миномётами. В общем, всё, что было у них в наличии. Танк тоже стрелял, где-то в районе Царской Охоты он был. И стрелял по девятиэтажке, которая на переезде. И он когда промахивался, дальше в пятиэтажки попадал, а старался именно вот эту девятиэтажку кирпичную. И вот он промахивался чуть левее, и там несколько домов по улице Менделеева поразбивал, видно, что попадал в верхние этажи.

Один вэсэушник подвыпивший был и рассказал, что у него приказ три снаряда выпустить по многоэтажной застройке, три снаряда по частному сектору и по заводу, по коксохиму. Вот пока завод был, он же налоги платил в украинский бюджет. И там порядка 360 прилетов было по заводу за вот это время с 2014 года по 2022-й. Директор завода Мухаммед Магомедов, он эту цифру озвучивал. Вот завод работает на полном ходу, и тут прилеты. Они от директора там что-то требовали. Приходили и вымогали. Украинский «Правый сектор».

Мародёрство было. По частному сектору видели, что приезжали пикапы, подъезжали к дому, выносили из дома всё, что им понравится.

Соседи наши по Химику говорили, что украинское БМП приезжала, как раз перед церковью становилась между двумя пятиэтажками и стреляла в сторону посёлка.

**Василий Иванович Шукринов
(67 лет), житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Они сюда пришли делать нас рабами. Некоторые проходили мимо, а некоторые стреляли. И снайперы сидели, и артиллерия летела, и зажигалки летели, и дротики, все это летело со стороны ВСУ, за улицей Леваневского. Это здание было ремонтно-строительного управления. Оттуда все на нас летело. Снайпер стрелял по огороду, по лопатам, по ведрам, по людям. Мы ползком выползали с огорода. Выходишь в огород, а он там сидит, отодвигает окно и начинает лупить. Видна вспышка, тут 500 метров до него не будет. Сам видел. Левое окно коричневого дома... Он поставил щиты, вот щиты раздвигает и выглядывает. Даже было, как люди говорили: что вы там, собаки, делаете? Говорили: а это Юрко там сидит. Людям тоже надоедает, говорят, что вы там делаете, вот падлы вы такие. Отвечают: а это Юрко там сидит. Стрелял по нам. Юрко сидит там, балуется типа того... Мы выползали, бросали инструменты. У нас, получается, перепад с огородом соседей.

А утром просыпаюсь, а весь двор в дротиках, черные иголки такие, весь двор усыпанный подметали. Тоже Украина. Это все оттуда. Они потом чуть выше встали, не доходя промзоны. Оттуда лупили. Зажигалки летели по нам. Летит ракета, у ней сзади заряды, и вылетает бочонок черный, несколько сантиметров. Фосфор горит,

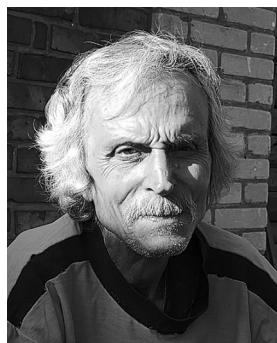
туши только песком и лопатой. И фосфор, и дротики, и снайпер были. А 5,45 мм, 7,62 мм — пули — это мусор, мы их не считаем. С Кировой улицы поначалу они как герои шли, как хозяева, кричали, орали и поливали без разбора.

ВСУ думали, тут рабы, будем рабами. Но Донбасс никто не ставил на колени. И никому поставить не дано. Вот в этом доме, где живу, отец самый меньший был. Тут было семеро детей. Два дяди мои погибли на войне с фашистами. Дядя Максим был моряком. А дядя Вася был танкистом.

Кто уехал до 2022 года, связь еще поддерживали. Знакомый мне звонил, что его сестра выехала в сторону Львова. С мужем ехали в машине, заговорили на русском языке. Выгнали с машины, они пошли пешком. Где-то там-то, под Львовом, во Львове, потому что заговорили на русском языке. Обратно шли пешком. Просто они в машине заговорили. И их вытурили, домой добирались пешком. Короче, на них плевали. Заговорили на русском, сплюнули на них и пошли дальше. Не признавали их. Рабами стали, короче, поехали в рабство туда.

*Александр Геннадьевич
Черкашин (64 года), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Если начать с начала 2014 года — захват Авдеевки, то ВСУ заходили

со стороны ДК. И помню, сразу разбили дом. Мы только получили квартиру на Воробьева, 15. Удары просто по этому дому, ни за что. Потом через переезд на мельницу выгружалась машина. Товары, продовольствие. И ее разбили. Это заход был их в Авдеевку.

Если 2022 год взять, уже было много выстрелов, взрывов. В апреле 2022-го первая смерть соседки на Чехова, 4. Буквально выстрел, и взрыв, и первый труп, который мы видели. Женщина погибла. Выстрел и взрыв. Украинцы в этом не стеснялись. Где-то недалеко стреляли. Отсюда вот, от магазина.

Если рассказать про наших комендантов, то последний — Барабаш — охотился за детьми. Насильно отбирали детей и вывозили на Украину. Мы тоже одного ребенка прятали. Прятали до последнего. С ноября прятали. 12-летнего мальчика мы прятали.

Я имел два дома, две квартиры. Можно считать, теперь ничего. Вы видели, это состояние дома по Ленина, моя собственность полностью разрушена. И две квартиры. Когда мы переносили вещи с противоположного дома, ВСУ проехали, глянули, ухмыльнулись и ночью сюда ударили. Молитва спасла.

8 февраля, ну, может, утром на 9, под утро ВСУ кинули зажигательное с утра. Пожар невозможно было потушить. Прибежали со Щорса друзья, отец с сыном, но глянул — его невозможно потушить. Там такая вспышка. Соседский дом напротив сожгли. Мы в нем скрывались. Мы жили там, и ночью именно они попали туда. Зажигалка сгорела. Когда вот такие белые пятна, и горит все — невозможно потушить.

А летом 2022-го трава горела, дома горели. Сколько домов погорело, мы тут всю улицу спасали. Водой невозможно тушить, тушили лопатой. Земля, песок

засыпали. Потом применение дротиков. Мы сидим в подвале, и как дождь, как град идет. Смотрим на крышу металлическую, искры летят. Я подхожу, везде дротики падают на крышу, искры везде.

**Татьяна Черкашина
(63 года), житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

При Украине в магазин и тот сбегать было проблемой. Гуманитарку эту я уже давно перестала получать, потому что до нее добраться еще надо и оттуда вернуться живой. А людей сколько погибло. И женщин вот по этому периметру, где мы живем. Я знаю только, что тут четыре женщины убило от украинских обстрелов. Горело все. Они зажигали. Они заехали на следующую улицу, пытались заселиться. Соседка говорит, вы тут не будете селиться. Не разрешила. Ночью туда же и прилетело. Женщину рядом убило. Дом сожгли. А ей просто досталось уже. На День металлурга лупили всю Авдеевку. Тут по Пушкина рядом убило мужчину, за водой шел. Вот именно в День металлурга надо было поздравить всех. Потому что это же как праздник основной для авдеевских. В 2022-м.

Украина обстреливала. Тут выстрел слышно. Русские стояли аж бог знает где. Вот услышали бы мы? Не услышали. А тут выстрел слышно было. Выезжали украинцы, даже я видела. Выехали, до Семафора встали.

И отсюда такое ква-ква-ква. И загорелся дом. Прямо вот как напоследок, нате вам.

**Любовь Алексеевна
Шахова (72 года), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Украина нас обстреливала. Выезжают и стреляют. Стараются стрелять по жилым домам. Пока дом не загорится, они не успокаивались. Загорелся дом, они отъехали. Потом через два-три часа опять появляются, опять начинают стрелять. По городу, именно по городу стреляли. А откуда они стреляли? Скорее всего, или с переезда, или от мельницы. А именно прилет оттуда идет. Выстрелы шли оттуда. Потому что они вот здесь жили, через переулок. Тоже выезжали и стреляли. По городу в круговую.

Стреляли, чтобы меньше людей было. Уничтожить людей. В подвалах люди до сих пор под плитами лежат. Не достали ещё. Как они говорили, мы будем отсюда выходить, и мы всё за собой, как говорится, унесём. Посмотрите, что творится. У нас многоэтажки какие? Нет ни одного целого дома. Целенаправленно били. Надо, не надо. Они били туда, и всё, чтобы уничтожить. Потом два ствала было, двухстволка, зенитка. Она очень так страшно трещит. И бьёт хорошо. Вот, и именно тут взрывались рядышком, рядышком всё взрывалось. Я же говорю, что только молила Бога, чтобы не попало в дом.

У нас была гуманитарка на улице Некрасова. Там очень много людей собиралось. После того как получили гуманитарку, пролетели туда снаряды большие — снесло дом под самый фундамент. Скорее всего, это украинцы стреляли.

**Татьяна Андреевна
Красовская (66 лет), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Обстреливали, конечно, нас украинцы. Они тут ездили, нас по пять раз за ночь обстреливали.

Только где-то там начнёт стрелять, мы бегом в подвал. Зажигали дома. И фосфорными снарядами нас накрывали. Они ездили оттуда по нашей улице стрелять. Украина.

Фосфором тут горели наши дома. Фосфором нас так накрыли, что вспыхнуло, и заборы начали гореть. Стреляли, конечно, сильно. Муж в огород не мог выйти. В последнее время уже, январь и февраль, вообще озверели. У нас там бочка с водой стоит. Мы даже воду собирали туда. И пользовались этой водой, потому что тут метров 250, наверное, до колодца мы не могли выйти. Обстреливали. Муж сколько раз под колодцем валялся, потому что страшно было. Там посносили все дома. Не давали даже воды набрать, не то чтобы там ещё ходить по улицам. Так что натерпелись мы всего. Вообще не думали, что мы выживем. Очень тяжело было. Очень.

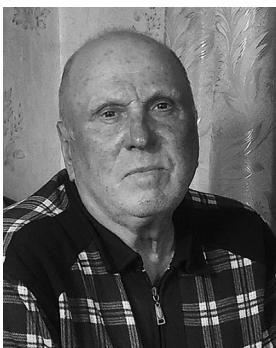

С улицы знакомые наши пошли, завалило их там в подвале. Она говорила, там ужас что творилось, сколько людей, говорит, находят, и ребра перебитые, в общем, ужасно. Картина, конечно, не из лучших. Много, конечно, людей погибло, много пропало. Но еще не всех нашли.

Хотя сколько раз думали, может, лучше было бы, если выехать. А потом подумали, зачем ехать? Фронт всё равно за нами идёт. К кому ехать? К тем, кто к нам пришли, десять лет убивали за деньги, убивали наших людей, детей. Ехать к ним?

Вот представьте себе, мы же думали так: или мы погибнем здесь, или дождёмся России. Вот и всё. То, что мы дождались, — это спасибо большое. Ещё если бы неделю не пришли бы в Россию, нас бы просто здесь не было. Было бы то, что с Чернышевской улицой. Сколько людей находились с завязанными руками, ногами, издевались над ними, как хотели.

И до этого уже пропадали люди, много пропадало. Это сейчас уже россияне пришли, там сапёры находят там людей с завязанными руками, с скотчем обвязанные, вот. Там возле церкви нашли, потом там очень много людей на тех улицах.

**Владимир Модестович
Красовский (68 лет),
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)**

ВСУ нас ненавидели. Они сразу, с первого дня, когда зашли сюда,

они сказали: мы пришли вас не защищать, а убивать. То есть убивать. Мы их считали просто своими врагами и убийцами. Потому что Донбасс и Донецк — это одно целое. Они пришли их убивать, значит, и нас пришли убивать.

Они сами гордились этим. Мы приехали вас убывать, а не защищать. Это так они говорят. Это бандеровцы. Были тут и с русским языком. Если ты что-то не угодил — или мина, или снаряд пролетал. Просто прилетало. Ну а прикладом в лоб — это всем известно. Только слово скажи. Мы старались не говорить, потому что это смерть. А приклад в лоб — это без всяких поводов. Ответ неверный. Прикладом в лоб. Это просто.

Вот они считают, что ты сепаратист. Вот у нас сосед Семен. Он коз держал. И там трава у него посейна была. И он косил траву и всегда ждал русских. И он как глуховатый всегда громко говорил. Может, кто-то и услышал. Мы вышли в огород, он говорит, что скоро русские придут. Это было в 2022 году. Только война началась, еще операция. А мы говорим, да нет, мы же тоже слушаем радио, что Красногоровку ещё ту нашу не взяли. Он радовался, он ждал. 4 июля, четыре «градины», как дали с Красненького. Четыре «града» лупанули нам так, чтобы мама не горюй. Снесли Семёна, за три часа ничего не стало. А он инвалид, ноги больные, всё. Мне плакать хотелось оттого, что я его увидел.

Мы сидели с женой, под обстрел попали. Первый раз фосфором нас накрыли. Мы же не знали, что такое фосфор. Спрятались в подвал. Сидим в подвале, задыхаемся, выходим во двор. Фосфор кипит, я водой, он ещё хуже. 28 мая, на День пограничника. Они любили символику. Любли в какой-нибудь праздник,

в Пасху, там 1 Мая, 9 Мая, День металлурга, День шахтера. Они в эти дни обязательно стреляли. И любили точное время. Я в точное время никогда ни за водой не выходил, ни со двора. Потому что, знаю, 10 часов, сейчас что-то будет. Точно, в 11, сейчас что-то будет. Вот у них такая система была в этих Украинах. Им нравилось это.

Потом второй раз украинцы нас накрыли, мы сидели просто во дворе, тоже не ожидали. И мы сидим, и на нас сыпется всё этот фосфор, и бьётся в дом. А соседу ампула вот эта влетела прямо в крышу, загорелась. А третий раз сидели с ней в подвале на День металлурга. Опять лупанули. Нам лупила под погреб кассета, они уже взяли затяжные и стали делать. Что кассета вскрывается, когда попадает в цель, и там начинают шестигранники вскрываться. И она вскрылась под нами, под домом. Подняло всё и потолки побило. Мебель всю подбросило. Я три дня потом выгребал.

Когда горит, выходить не надо. Они добивают, потом стреляют. Тушить будешь, пожалуйста, пулемёт идёт крупнокалиберный следом. Мы только сидим в подвале, и по слуху мы определяем кто, и что, и где, и как. Высоту, дальность. Мы всё уже умели. И звуки определяли, чем бьют.

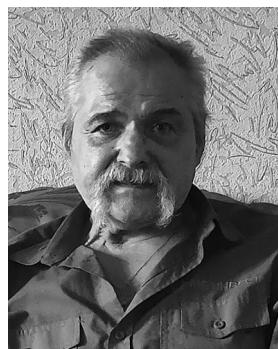
Но выйти, поглядеть — это бессмысленно было потому, что сразу нарываешься на что-то. Они не просто так били. Подожгут дом. Подождут. А потом ещё в эту сторону, чтобы никто не тушил.

Пощады никакой. Как можно было с ними общаться, если никого не щадили? А в последнее время они нас накрыли. Поставили гранатомёт этот автоматический. Я не знал, что они стреляют. Эти же поставили гранатомёт и били по Ясиноватой, по Яковлевке, наверное.

Я смотрю, вечером «хаммер» подъезжает, вот тут на- против меня, вышли три солдата высокие. Я не знаю, украинцы, или поляки, или кто. Молча вышли и стали из автомата. Я боялся, что они развернут гранатометы. Таня говорит: ну, скоро наш дом... Окна как раз на них выходят. Мы все картонками заклеиваемся, тряпками за ночь, не дай Бог, даже спичку там или что-то. Мы прятали свет, не дай Бог. Всё время фонарик под руками зажимаем, чтобы только ноги видеть. Не дай будет вспышка света. Всё. Сразу летит. Летят снаряды. Пули летят. Видели, что мирные. Конечно, они видели.

Были тут и бородатые, негры были. Видел негров, и тут у нас даже две были такие, с метлой ездили, джип у них был крутой, и написано «Видьма». Ну, они как бы восхищались этим, что они такие вот, что мы как папуасы, а они вроде как белые люди, понимаете? Ну, тут всё было.

**Владимир Владимирович
Шубин (64 года), житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

От украинских обстрелов у меня серьезные контузии. Это тяжелых было. Когда по пять дней ходил глухой, как тетерев. Не понимал ничего. На бумаге писал. Вот когда во двор прилетела в том году «градина». Пришли соседи смотреть, а оно горит здесь всё. Конечно, украинский обстрел.

Выезжать и не хочу, и не буду отсюда выезжать. Хотя сам Запорожская область и запорожский казак. И родня у меня там живет, и дядя, и тетя, и брат родной живет. Потому что у меня здесь и две бабушки лежат, родная и двоюродная. Дядя лежат, невестка лежит, брат моего отца лежит на Песочном. Кстати, Песочный там пообстреливали. Я лично видел, когда обстреливали, когда летели мины, там разворачивало и могильные холмики. Били там хорошо, именно по Песочному, я не знаю, уже покойникам даже покоя не давали. Именно украинцы били, да. Из «градов» шуровали.

27 июля в 18: 00 я должен был печку толкать, думаю, выйду отдохну. Тут прилетело в дорогу прям под толкач, там воронка была на всю дорогу, на всю ширину дороги была, и в глубину, наверное, метра полтора. Я так стою, я — живой. Знаете, страх, он, как говорится, приходит потом уже, когда уже все это прошло. Девять штук прилетело, именно со стороны Орловки, именно 155-й калибр пришел. Возле рампы рабовщика, Господь Бог ее упас, она просто ушла в туннель проверять. И возле рампы прямо влетел, снаряд пролетел. Почему я знаю, что именно 155-й, потому что стакан этот видел. Меня вкинуло в толкач, осколками побило, щеку порвало. Я вышел, прихожу в кабину, а меня так вот трусит всего. Курить начал по новой. Наверное, пять пачки сигарет скурил от волнения. Потом только дошло.

В четырнадцатом году летом мы пришли на квартиру цветы полить, посмотреть, что там, окна позабивать, потому что постоянно прилеты. Мы пошли в сторону 11-го магазина. Это на Молодежную, там конец Гагарина. И зашли два нацика, двое вояк в магазин. Полезли без очереди. А там гневные бабушки такие, бабушки там вот это дали, насыпали этим воякам. Они отошли

в сторонку, по рации там что-то гыр-тыр-гыр. И начали обстреливать 11-й магазин. Тогда и на Маяковского прилетело, и прилетело тогда и на Чапаева на улицу. Здорово постреляли. Я так понял 120-е минометы. Украинцы. Из минометов, потому что «градом» как-то слышно, а это бум и прилет. И воронки.

По-пластунски ползали мы здесь, как орангутанги бегали. Вот так вот идешь, и падает непонятно с какой стороны. Упал на четвереньки и под забор куда-нибудь. В здание какое-нибудь. Все колени поразбитые. Потому что оно не спрашивает, хочешь ты, не хочешь. Падаешь, локти все пооббиты, колени все в синяках, шрамы такие пооставались. А нам всю дорогу рассказывают, что это дээнэровцы обстреливают, это они по нам стреляют.

Вот так вот сидишь, смотришь, она бам! И пошла... Я никогда в жизни не мог подумать про то, что как трассеры идут. А нам здесь басни рассказывали, что это ДНР обстреливает, а мы так про себя, да, да, ДНР, да. Если место под Украиной, то какой, простите, это ДНР? И я никогда не думал, кстати, никогда не думал, что можно увидеть, как ракета летит, как снаряд летит. Никогда не думал. Вот у нас песочные, знаете, Голубые озера. Там песочные отвалы есть. Вот там украинцы стояли и бросали в эту сторону.

*Игорь Владимирович Карабченцев, житель
города Авдеевка (во время описываемых
событий находился под контролем Украины)*

Я знаю, что, как только приезжали журналисты, любые, украинские или заграничные, мы уже знали, что

поселок будет обстреливаться, сто процентов. Обязательно на Химик прилетит или в старую часть. Журналисты сразу снимают. И по нам обязательно по заказу стреляют. Может, журналисты звонили, заказывали. Как только журналисты приехали, им нужно снять. Вот как журналисты, все знали, что нас обстреляют и говорили, что российская сторона.

Люди знали, что ВСУ стояли на окраине Химика возле ДК и по поселку, по старой части били. Другие говорили, что это возле леса улица, оттуда тоже стреляли по поселку. Жительница, бабушка, вышла, что ж вы делаете? Они сказали, хочешь жить, бабка, иди отсюда, и матом послали.

Нам тут куда прятаться? Сидим и ждем. Около меня в пяти метрах падало. Возле дома идём, сразу в подъезд убегаем. Слышим, оно свистит, тикаем. Это в лесу украинцы стоят.

*Галина Александровна
Пелецкая, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Украинцы вели себя как звери. Бывали, конечно, между ними тоже люди разные, видно, которые по призыву. Но большинство из них были идеиные нацисты, которые просто вступую издевались над нами.

В 2022 году еще больше. Всё время нас забрасывали зажигательными снарядами. Именно украинцы.

Мы даже видели, откуда стреляли. Вот отсюда, с дач, рядом, через яр, видно прекрасно было. И постепенно, мы знали, каждую улицу постепенно, зажигательный фейерверк повисел, все, пошел огонь. Мы побежали тушить, нас накрывали минометным огнем, чтобы просто не тушили.

Наш доблестный последний мэр сказал сжечь все дотла. Это он сам сказал, когда вывезли полностью заводуправление, когда вывезли администрацию. Он сказал, все, кто остался, — это все уже ватники. Все — это не люди. Мне прямым текстом военный один сказал, что тут наших людей нема. Все, что там дальше можно говорить? Говорят — уезжайте, мы сделаем здесь вторую Марьинку. Мы, говорит, тут все дотла спалим.

Ну и в итоге тут прямо рядом с жилыми домами мы и ругались с ними. Уже просто на грани отчаяния были, говорили: зачем вы размещаете огневые точки и стреляете там, где живут люди? Они говорили, что тут наших нет людей, все, тут все ватники. Ватники так ватники, ладно. И они размещали точки АГС (автоматический станковый гранатомет). Минометы ставили тяжелые. Рядом, прямо напротив.

Рядом, вот у нас два дома, мы на той стороне живем, жили. И вот здесь, в этом доме на гараже здесь стояли, это везде. В огородах у нас то же самое. Если мы пришли, повозмущались, они обстреливали. Утром мы знали, часов в пять, в шесть утра начинался обстрел АГС. По домам, там, где мы живем, просто втупую так веером.

Мы же уже, Господи, мы уже знаем, кто с чего стрелял. И становились вот внизу, у нас огороды длинные, и в конце огородов, и мы видели, прямо откуда стрелял.

Могли там часов в семь утра. Просто вот так вот, как зарядка. Пора вставать. Это мы уже знали. Каждый божий день.

Украинцы, то ли они были под допингом, то ли они неадекватные. Одна парочка тут по улице ходила с пулемётом тяжёлым. Один несёт цинк. А другой идёт вот так ха-ха-ха и видит, где печь топится, оно ж видно. И вот так просто веером по домам.

Во дворе у нас шестидесятого калибра мина прилетела. Это вот за два дня до освобождения вообще было. Мы слышали вот рядом прямо. Русских тут еще не было никого. Тут были все украинцы.

Украинцы нас не пропускали. Первое время в 2022 году забрасывали минами «лепестками» отход. У нас очень много людей, там вот на Нахимова жило, на Лесной ещё люди жили. Они просто боялись выходить, потому что мужчина один подорвался, ногу ему оторвало. А их просто вот так вот засыпали минами, чтобы они не уходили.

А украинский заградотряд тут на тубдиспансере стоял. Это было начало 2023 года. Мужики у нас ходили сигаретки стрелять. И слово за слово разговаривали с этим. И в основном были зэки. Тут одно время «Кракен» у нас даже был. Сказали, что мы здесь не просто так стоим что-то, а чтобы военные не убегали. А то, говорит, побегут, и что тогда будет?

Люди пропадали. И слышать слышали, что с других улиц пропадали. Особенно Лесная, Нахимова, Седова. Это крайние улицы. Там дальше стояли ВСУ. На Лермонтова люди пропадали. Двоих потом позже нашли с насильственными. Они связанные были. Сказали в милиции, военная полиция сказала, что следы насилиственной смерти. Их увезли на вскрытие. И всё.

Не хочется особо вспоминать, потому что как страшный сон. Чтобы уезжали, засыпали обстрелами полностью. Здесь не стояли военные. Здесь были только мирные. Нас просто втупую засыпали дротиками. Это не осколочный. Типа шрапнели. Взрыва не было, взрывается вверху и летят. Оно как типа гвоздиков, вот эти стрелочки. И гнутые, и не гнутые, и каких только не было. Я знаю точно, у нас у одной женщины тут муж двоюродной сестры умер. Именно от этого.

*Татьяна Анатольевна
Молдавчук, житель
города Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)*

Украинцы стреляли из карьера. Оттуда они стреляли. Всюду попадало. Да, и на Химике было у нас, называют так в Авдеевке посёлок. И на Химике, и в старой части, и у нас тут всё перебито. Тогда россиян ещё тут близко не было.

Когда начало войны было, еще где-то 2015-й, люди по воду ходили. Я тогда еще жила на Нечаева, и там тоже, возле 14-й этажки, там был колодец. Корреспонденты приехали снимать, какая очередь по воду. С Химика приезжали, туда воду набирали. И у нас по Нечаеву там постоянно очередь, возле двора у нас колодец был. И туда, где 14-я этажка, там очередь стояла, туда специально наметили и ударили украинцы. Говорили, что около пятнадцати человек пострадало. Они обстрели-

вали, чтобы были жители потише. Чтобы за россиян не было. Потому что те, что пооставались, большую часть те остались, которые ждали Россию. Но не украинцев. Потому что уже такого натерпелись от них шоу. Как говорится... врагу не пожелаешь, что от них натерпелись. Всякое было.

*Игорь Иванович Карпухин,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем Украины)*

Украинские войска регулярно обстреливали Авдеевку, когда еще здесь не было русских войск. Они были за улицей Свобода, у них там укрепрайон. Выстрел, мне же хорошо слышно. И через пять секунд прилет. И слышно, что по Химику приземляется.

Это продолжалось все эти годы, а с 2022 года начали поселок вообще добивать. Раньше были разрушения, но некоторые дома еще целые были. А с 2022-го вообще почти не осталось, почти разрушено все. Украинцы и сейчас продолжают стрелять по мирному населению. Просто по городу. Однозначно.

Поехал на свою квартиру посмотреть, я даже не успел там телевизор забрать, потому что боялся нести. Люди поднимаются, говорят, на третьем этаже их вэсэушки тормозят вооруженные. Говорят, ребята, вам здесь делать нечего, это наш район. И все. Они с автоматами, ничего не скажешь. Не дали вывезти, и они сами штурмовали.

**Максим Александрович
Толбатов, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

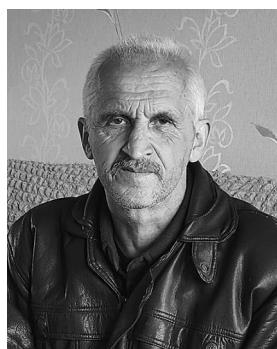
ВСУ обстреливали Авдеевку. Даже хуже, не то что обстреливали, а утюжили конкретно. С разных участков были обстрелы.

Когда они ещё под лесом там были, у них позиция там была, на промзоне. Там у них укрепления были. В основном обстрелы оттуда хорошо. По городу стреляли. И дальше через Авдеевку, и в Авдеевку летело. И как-то они сваливали, что типа русские стреляют. Мы знали, что украинцы стреляли. Им все равно. Пьяные, неадекватные вообще были. Стреляли куда ни попадя, по улицам маты гнули. Мы даже боялись выходить на улицу, чтобы лишний раз на глаза не попадаться. Мародёрство. Они по хатам по всем лазили. Ну, в общем, ещё те вояки.

**Николай Алексеевич Гладков,
житель города Авдеевка
(во время описываемых
событий находился
под контролем
Украины)**

Украинцы нас обстреливали. Ездили две газельки 80-х и само-

свал 40-тонник, вот такой большой, 120-мм миномет стоял. И они ездили по кварталам. То Химик, то старую часть, по квадратам вели обстрел. Кто в подвале сидел — это слышал. Рядом работает миномет, где-то взрывается. Потом время проходит, оттуда и летит к нам.

Меня Бог миловал. Но соседи пострадали. Попали в вилку тройную. Получается, соседу справа в крышу попало, соседу влево в крышу попало, и соседу попало через огород.

Мы в вилку попали. Перед этим был обстрел. У нас тоже наш квадрат был, но я своей супруге говорю, что нас обстреляли, сейчас будет обстреливать другой квадрат. Давай в хате поспим, сколько можно в подвале, потому что подвале уже надоело. Легли часов в 11, как понеслось ложиться (снаряды), мы как легли, упали на пол с супругой. Только Богу молились, и, как говорится, открыли рот, и уши заоткрыли, потому что рядом все было. А потом вышли, это все поляка (польский миномет). Мне потом кум сказал, это с гаражей возле переезда украинский миномет отработал.

Украинская полиция приехала фотографировать. Последствия обстрелов. Говорю, это кто стрелял? Он говорит, это дээнэрцы стреляли. Да, говорю, «восьмидесятка» на восемь километров стреляет за полторы-две секунды. Мы лежали, считали, только слышали выход. Выстрел. Раз, прилет. Раз, прилет. Полторы-две секунды. Говорю, сверхзвуковые, что ли? Он подмигнул: сейчас уедешь доказывают в подвал СБУ.

Я ехал как-то на велосипеде. Упал. Глаза открываю, сел, дальше поехал. Думаю, а что это было? Назад возвращаюсь, видно — «восьмидесятка», маленькая ямка от миномета. Как-то она по касательной ушла, а меня просто волной сбросило, и все, контузия.

**Тамара Вячеславовна
Щербак, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

У нас возле двора лежит «подарок» от нашей милой Украины — «Град». Второй влетает, у меня здесь посуда была. Ну, посуда, ладно. Вот он ложится в коридоре. Мебель пострадала. Он не по крыше скатился, а пробил её насквозь. Сюда вот залетел. К счастью, не сдетонировал. Так что Господь нас сохранил.

Он уже калибром покрупнее, 152 миллиметра. С осени он полгода уже лежит. Вот так вот он здесь все выломал.

А возле калитки в апреле 2022 года ещё. Около калитки у нас «Град», получается, прилетел. А здесь прилетел снаряд тоже. Это именно украинцы обстреляли. А русскими войсками здесь еще не пахло.

Снаряды летали, вот это да. У меня душа летала, я не знала, металась. Я Господа просила: куда уйти? Потому что, не дай Бог, попадание, взорвут дом. А у меня са-манная хата. Она разлетится. Пшиши. Когда оно тихо, раз, мы приезжаем в собрание, оно догорает уже. Всё. Там были украинцы, ставили антенну.

На огороде осколки, если хотите, покажу. Я их собираю по двору. Их по двору и с той стороны дома, и вот там. Вот это, не знаю, как они называются, но вот это у нас во дворе.

Сидим как-то мы, возле окна у нас место. Я своему мужу говорю, где-то я бы сказала, что дрова рубают. Но людей нету. Людей нету. Что-то вот такое. Выходим, дом горит. Потом утром я побоялась дома остаться. Дома

оставался муж, и я ходила к соседке. Вот где крыши нету, я туда ходила, ночевала. Потому что у неё подвал посреди дома. Переход с дома и подвал. И мы возле подвала спим. И то же самое. Я говорю, дождь или не дождь? Что такое? Шум такой. А это крыши горят. На улице Первомайке горели дома тоже. 1 января этого года украинцы тоже этим обстреляли. Поздравили с Новым годом!

Другая ракету поздно вечером прилетела. И остается вот эта как раз хвостовая часть. А что у нас там по направлению, откуда она прилетела? По направлению у нас здесь и ставки карьерные, а за ними уже лесок и трасса. Украинцы там стояли. У нас и дротики прилетали. У нас полный винегрет.

**Борис Константинович
Дубинкин, житель города
Авдеевка (во время
описываемых событий
находился под контролем
Украины)**

Все жители знали, что Украина обстреливает Авдеевку. Стреляли по жилым кварталам, по инфраструктуре. Допустим, подстанция или водоснабжение, газоснабжение, по этим вот. Стреляли, если массовое скопление на рынке или еще где-нибудь. Люди с утра приходят там закупиться что-то. Были жертвы, прилеты были. Кто стреляет? Украина, ВСУ. Пропадали люди. Было и такое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение к читателям министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова	3
Обращение к читателям Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой	5
Вступление.....	7
Преднамеренные убийства российских и русскоязычных украинских граждан, пытки российских военнослужащих вооруженными силами Украины	11
Целенаправленное уничтожение ВСУ российских мирных объектов, частных домов, больниц, госпиталей, православных церквей	98
Террор, убийства, пытки, избиения и грабежи русскоязычных жителей на временно подконтрольных Украине территориях	129
Целенаправленные обстрелы и убийства ВСУ мирных граждан в целях антироссийской дезинформации в западных СМИ и насилиственная депортация детей из временно контролируемых Украиной районов.....	172
Неизбирательные обстрелы, намеренное уничтожение домов с мирными русскоязычными гражданами на временно подконтрольной Украине территории	202